

РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. АХМЕТ-ЗАКИ ВАЛИДИ
ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ И РЕДКИХ ИЗДАНИЙ



**ТВОРЧЕСКОЕ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
РИЗАИТДИНА ФАХРЕТДИНОВА:
ДУХОВНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАДИЦИЙ**

Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 165-летию со дня рождения выдающегося башкирского
общественного деятеля, писателя, просветителя и востоковеда
Фахретдинова Ризаитдина Фахретдиновича (1859–1936).

Уфа, 17 января 2024 года

**БАШКОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҢЫ
ӘХМӘТЗӘКИ ВӘЛИДИ ИСЕМЕНДӘГЕ МИЛЛИ КИТАПХАНА
КУЛЬЯЗМАЛАР ҺӘМ ҺИРӘК КИТАПТАР БҮЛЕГЕ**

**РИЗАИТДИН ФӘХРЕТДИНОВТЫҢ
ФӘННИ ҺӘМ ИЖАДИ МИРАСЫ:
ТРАДИЦИЯЛАРЗЫҢ РУХИ БӘЙЛӘНЕШЕ**

Күренекле башкорт мәғрифәтсене, йәмәғәт эшмәкәре, әзип
һәм шәркиәтсе Ризаитдин Фәхретдиновтың тыуыуына
165 йыл тулыу айканлы (1859–1936) үткәрелгән Бетә Рәсәй
фәнни-ғәмәли конференцияһы материалдары

Өфө, 17 ғинуар, 2024 йыл

**РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. АХМЕТ-ЗАКИ ВАЛИДИ
ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ И РЕДКИХ ИЗДАНИЙ**

**ТВОРЧЕСКОЕ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
РИЗАИТДИНА ФАХРЕТДИНОВА:
ДУХОВНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАДИЦИЙ**

Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 165-летию со дня рождения выдающегося башкирского общественного деятеля, писателя, просветителя и востоковеда Фахретдинова Ризаитдина Фахретдиновича (1859–1936)

Уфа, 17 января 2024 года

УДК 001.92:37(470.57)(063)
ББК 72.3(2Рос.Баш)5-8я431
Т 28

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ибрагимов А.А., директор Национальной библиотеки им.А.-З. Валиди РБ;

Ильясова Л.Ш., заместитель директора по библиотечному обслуживанию;

Сибгаатов Ф.Ш., заведующий отделом рукописей и редких изданий, кандидат филологических наук, доцент;

Мурзагулова З.Г., научный сотрудник отдела рукописей и редких изданий, кандидат филологических наук, доцент;

Байгужин И.Г., научный сотрудник отдела рукописей и редких изданий;

Биккулова Р.А., главный библиотекарь отдела рукописей и редких изданий;

Юлдыбаева Г.М., ведущий библиотекарь отдела рукописей и редких изданий.

ISBN 978-5-91953-027-5

Т 28 «Творческое и научное наследие Ризаитдина Фахретдинова: духовная взаимосвязь традиций»: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 165-летию со дня рождения выдающегося башкирского общественного деятеля, писателя, просветителя и востоковеда Фахретдинова Ризаитдина Фахретдиновича (Уфа, 17 января 2024 года). – Уфа: Национальная библиотека им. А.З. Валиди, 2024. – 192 с.

В сборнике представлены статьи, созданные в рамках научно-практической конференции, учеными разных гуманитарных направлений. В статьях востоковедов, теологов, историков и филологов излагаются актуальные вопросы изучения научных и литературных наследий Р.Фахретдинова, проблемы национального литературоведения.

Ответственность за достоверность материала статей несут авторы.

УДК 001.92:37(470.57)(063)
ББК 72.3(2Рос.Баш)5-8я431

ISBN 978-5-91953-027-5

© Национальная библиотека
имени А.-З. Валиди РБ, 2024

ВВЕДЕНИЕ

17 января 2024 года в Национальной библиотеке имени Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Творческое и научное наследие Ризаитдина Фахретдинова: духовная взаимосвязь традиций», посвященная 165-летию со дня рождения выдающегося башкирского просветителя, ученого-востоковеда, писателя, общественного и религиозного деятеля Фахретдинова Ризаитдина Фахретдиновича (1859–1936)».

Ризаитдин Фахретдинов был ученым-востоковедом, просветителем, писателем и общественным деятелем, который сделал значительный вклад в развитие национальной культуры и духовности. Он стремился к просвещению и развитию своего народа, проповедуя ценности толерантности, уважения и духовной связи традиций. Труды Ризаитдина Фахретдинова по истории, литературе и религии стали настоящим сокровищем для многих поколений исследователей. Актуальность его работ не теряет ценности и для современного общества.

В работе конференции принимали участие известные российские и республиканские ученые-востоковеды, историки, филологи и теологи. Доклады участников мероприятия были посвящены различным аспектам деятельности Ризаитдина Фахретдинова. Оценка духовно-просветительской, педагогической деятельности ученого в развитии культуры, философской и литературной мысли тюркских народов, мусульман России, занимала важное место в выступлениях участников мероприятия.

**К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКОГО ТРУДА Р. ФАХРЕТДИНОВА
«УТЕШЕНИЕ»**

Абдрафикова Г. Х., канд. филол. наук, в.н.с., заведующий
отделом восточных рукописей Института истории, языка
и литературы УФИЦ РАН
г. Уфа, Республика Башкортостан

Аннотация: *В статье рассматривается опыт археографического исследования арабографического сочинения Р. Фахретдинова «Утешение». Для изучения привлечены материалы его личного фонда, хранящегося в Научном архиве УФИЦ РАН. Особое внимание уделяется текстологическому изучению и краткому обзору содержания глав указанного труда. Подчеркивается важность введения в научный оборот и популяризации письменного наследия ученого-просветителя общетюркского масштаба.*

Ключевые слова: *Арабографичный, рукописный, философские беседы, морально-нравственное, духовно-культурное воспитание.*

Выявление, изучение, сохранение рукописных сочинений известных людей издавна стала традицией в мировой науке и является важной задачей археографов, текстологов, филологов и историков. На протяжении десятилетий конца XX – начала XXI века активно и успешно изучается творчество известного ученого-энциклопедиста, востоковеда, педагога-просветителя и писателя Ризы Фахретдинова (1859–1936), внесшего весомый вклад в изучение культуры восточных народов. Одной из первых крупных коллективных работ, посвященных его многогранной деятельности, был сборник

«Творчество Ризы Фахретдинова» (Уфа, 1988). Позже появились монографии, книги, сборники материалов научных конференций, был переиздан ряд исторических, литературных и педагогических сочинений выдающегося просветителя на башкирском, также и на русском языках.

В Научном архиве Уфимского федерального исследовательского центра РАН хранятся 42 тома рукописей Р. Фахретдинова, среди которых бесценными являются малоизвестные для читателя тексты рукописей 3-го и 4-го томов книги «Асар», подготовленные автором к печати, но оставшиеся неизданными. 1 и 2 тома, состоящие из нескольких частей, издавались и переиздавались несколько раз еще при жизни автора. (К настоящему времени сотрудниками ИИЯЛ УФИЦ РАН изданы две книги, в которые включены выборочные тексты из указанных томов, транслитерированные и переложенные на современный башкирский язык¹. Они пользуются большим спросом и стали библиографической редкостью.)

Среди томов Научного архива УФИЦ РАН также большой интерес для науки и культуры представляет арабграфичное сочинение просветителя «Йыуаныс»– «Утешение». Это рукописное сочинение он написал в 30-х годах XX века, когда его земная жизнь приближалась к своему закату. В коллекции Научного архива содержится лишь вторая часть этой книги, а судьба первой остается неизвестной. Известно, что незадолго до смерти, в 1935 году особо ценную часть своего архива Р. Фахретдинов почтой отправил в Ленинград академику, известному российскому и советскому востоковеду-тюркологу Александру Николаевичу Самойловичу по его просьбе,

¹ Фахретдинов Р. Асар. Книга первая / авт. вступ. статьи Г. Б. Хусаинов, отв. ред М. Х. Надергулов. – Уфа: Гилем, 2006. – 176 с. (на башк. яз.); Фахретдинов Р. Асар. Книга вторая / авт. вступ. статьи Г. Б. Хусаинов, отв. ред М. Х. Надергулов. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. – 224 с. (на башк. яз.)

исполняющему тогда обязанности директора Института Востоковедения. Командировки в гг. Санкт-Петербург и Казань, осуществленные с целью выявления первой части «Утешения», пока не дали результатов.

В 2009 году также сотрудниками Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН была подготовлена и издана первая книга, куда вошли избранные главы-беседы (25, 26, 28, 29, 32, 47) из сочинения «Утешение»¹. Благодаря поддержке гранта РГНФ и Правительства Республики Башкортостан (№ 16-14-02015 (а/р)) в 2016 г. работа над этой интересной, содержательной рукописью была продолжена.

Название книги «Утешение» раскрывает цель создания данного сочинения. На первых же страницах автор поясняет, что составил эти записи, чтобы они служили ему утешением в горестные дни. А составление книги в виде бесед позволяло затрагивать различные темы. «Ведь ничего нет предосудительного в том, что в беседах, переходя от слова к слову, поднимаю самые разные вопросы», – констатирует он. По структуре книга состоит из 54 глав, которых автор называет меджлисами, т.е. беседами (беседа-глава). Часть вторая, доступная нам, состоит из 30 таких меджлисов. Она начинается с 25-й беседы и составляет 337 листов большого формата. Можно сказать, что «Утешение» является, по сути, своего рода рукописной энциклопедией, построенной в виде философских бесед, размышлений автора на самые разные темы: о жизнеустройстве, быте, культуре, мировых религиях, воспитании, нравственно-этических и многих других вопросах.

В то же время они не являются простыми субъективными суждениями Р. Фахретдинова. Для

¹ Фахретдинов Р. Утешение. Книга первая / Сост. М. Х. Надергулов, Г. Х. Абдрафикова, С. М. Хусаинов; авт. вступ. статьи Г. Б. Хусаинов, С. М. Хусаинов. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 224 с. (на башк. яз.)

закрепления своих мыслей он часто цитирует Коран в оригинале, высказывания известных философов разных эпох и комментирует их, соглашаясь или дискутируя с ними. В нужных местах удачно вставляет и поэтические наставления на арабском языке. И во многих местах по тексту, используя изречения на арабском языке, Р. Фахретдинов сам же рядом дает перевод их смысла на наш язык.

Язык текстов сильно осложнен арабо-персидскими заимствованиями. При транслитерации все эти слова были сохранены в текстах, потому как был составлен глоссарий этих заимствований с переводом слов на современный башкирский язык. В то же время, были сохранены авторский стиль и колорит языка его времени.

При текстологическом изучении источника авторский коллектив придерживался основных научных принципов археографического исследования письменных памятников. Выполнение проекта стало возможным благодаря богатому опыту работы исполнителей с арабографичными рукописями и навыкам их чтения, хорошему знанию старотюркского и литературных норм современного башкирского языков, умению работать с архивными фондами, арабскими и персидскими словарями.

Для работы были отобраны главы 27, 33, 34, 35, 36, 37, 41,48. Круг вопросов, затронутых в главах, достаточно широк. Главы часто состоят из множества разделов и подразделов. Беседа 27, называемая «Сообщества людей. Причины, способствующие благосостоянию общества... Любовь к славе. Безнравственность» («Әзәм балаларының йыйылышып йәшәүзәре. Донъя төзөклөгөнә сәбәптәр... Шөһрәт һөйөү. Бозоклок») посвящена таким важным во все времена проблемам, как совместное мирное сосуществование государств, народов, взаимоотношения правителей и народа, властолюбие и безнравственность, роль

религии в жизни людей. С этими проблемами автор связывает причины подъема или упадка благополучия народа того или иного государства.

Беседа 33, которая называется «Угощение – праздник. Правила гостеприимства и пребывания в гостях» («Зыяфэт – туй. Кунак итеу вэ кунак булуу, һәм дә уларзың эзэптәре») и беседа 34, под названием «Еда и напитки» («Ашау-эсеу»), по своим темам тесно связаны между собой. Как видно уже из названия, автор, аргументируя свои мысли множествами примеров, рассуждает о правилах приема гостей или же, наоборот, пребывания в гостях. Когда Р. Фахретдинов ведет речь о продуктах питания и о напитках, будучи глубоко верующим человеком, он, конечно же, предпочтение отдает еде, дозволенной исламом. Здесь же он приводит и советы врачей, которых нужно придерживаться для правильного питания и поведения за столом. Отдельно останавливается ученый о вреде алкогольных напитков. Людей, увлекающихся алкоголем, он приравнивает к четвероногим животным или же младенцу. Путь избавления от вреда, наносимого алкоголем, он видит в строгом, религиозном воспитании детей в семье с малолетства. «Из здоровых семей образуется здоровая нация», – констатирует ученый.

Беседа 35 «Нравственность» («Әхлак»), как само за себя уже говорит название, посвящена вопросам нравственности, этики, морали. Основы нравственности — в истинной вере и правильном воспитании человека, убежден Р. Фахретдинов.

Беседа 36 «Хорошие привычки» («Якшы холоктар») посвящена описанию положительных нравственных качеств, а 37 – «Пороки и дурные привычки» («Бозок вэ яман холоктар») – посвящена описанию отрицательных нравственных качеств, присущих человечеству. Р. Фахретдинов при описании нравственных качеств использовал изречения из Корана, трудов различных

средневековых мусульманских ученых и теологов, мусульманские притчи. Автор также приводит отрывки из стихотворений различных средневековых мусульманских поэтов на арабском, персидском и старотюркском языках. К большинству этих стихотворений Р. Фахретдинов приводит переводы на тюрки.

Беседы 41 и 48 оказались намного объемней предыдущих. Беседа 41 под названием «Разные темы. Разрозненные статьи» («Төрлө мөүзүгтар. Тарау матдэлэр») состоит из 10 разделов: 1. Надпись на рыбе (Языулы балык); 2. О нашей нации и национальности (Милләтебез вә миллият); 3. Самовоспитание (Үзеңде үзең тәрбиә кылыу); 4. Ответ перечасшему своему учителю (Остаздарга хилаф һүзәр һөйләүсегә яуап); 5. Мужчины и женщины за работой (Эш эшләүзә ирзәр вә катындар); 6. Создатель мира (Донъяны бар итеүсе); 7. Способность (Истиғдат); 8. Болезни, вызванные нечистыми силами (Ен кағылыуы (енләнеү)); 9. Философия и его история (Фәлсәфә вә уның тарихы); 10. Труды наших предков не должны пропасть (Сәләфтәребеззәң әсәрзәре заиғ булмаһын). Здесь много места уделено народным поверьям, необычайным явлениям, встречающимся в природе, воспоминаниям, размышлениям автора и мудрым изречениям.

В беседе 48 «Выдающиеся мировые религии. Безбожие и безбожники. Ислам» («Бөгөн донъяла булған мәшһүр диндәр. Динһезлек һәм динһеззәр. Ислам дине») Р. Фахретдинов дает краткую характеристику основным существовавшим и существующим религиям, как брахманизм, буддизм, конфуцианство, язычество, иудаизм, христианство. Основное место уделяется им подробному описанию ислама, которую он называет религией добродетельности и совершенствования людей. Здесь затрагиваются также вопросы морали, свободы совести, справедливости, обучения и знаний, о пользе веры и т.д.

«Утешение» Р. Фахретдинова воспринимается как итоговое сочинение просветителя. В нем продолжены и

обобщены темы и мотивы его ранних философских, педагогических, религиозно-дидактических и художественных произведений. Данное сочинение ученого-энциклопедиста тюркского мира, как и многие другие его труды, является ценным источником по истории и духовной культуре не только Башкортостана, но и всего Урало-Поволжья и мусульманского Востока.

Эти работы ученого-просветителя могут быть использованы в общеобразовательных и высших учебных заведениях, в исламских учебных заведениях на уроках по этике, морали, учебно-воспитательных мероприятиях.

Таким образом, данное сочинение, написанное Р. Фахретдиновым только «ради утешения своей души», по тематике и содержанию вышло далеко за рамки узкого, личностного и превратился в философский трактат, адресованный широкому кругу читателей. Он и здесь остался верен своему жизненному принципу «не писать ничего такого, за что пришлось бы краснеть и раскаяться в Страшном Суде пред лицами всего человечества, когда будет оглашаться писанное на этом свете. Вообще не злоупотреблять пером»¹. Он всегда чувствовал ответственность за сказанное, тем более написанное слово. Многие мысли и суждения автора не теряют значения и по сей день. Заклучая словами С.М. Хусайнова, скажем, что «Значимость его личности была определена требованиями эпохи, в которой протекала его неустанная деятельность и творчество. Прделанная им титаническая работа по возрождению культуры, а также то влияние, которое она оказывала на современников, привела к пробуждению умов у представителей многих народов Российского Востока».

¹ Булгаков Р. М. О текстах произведений Ризаэтдина бин Фахретдина «Ислам» и их значение // Просветительские традиции ислама в Урало-Поволжье. I Фахретдиновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Нижний Новгород, 2009. – С. 92.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНИМОСТИ ИДЖТИХАДА В ВОЗЗРЕНИЯХ БАШКИРСКОГО МЫСЛИТЕЛЯ РИЗАЭТДИНА ФАХРЕТДИНОВА

Азаматов Р. И., PhD., ст. преподаватель ДОО ВО
«Российский исламский университет» ЦДУМ России
г. Уфа, Республика Башкортостан

Аннотация: *Настоящая статья посвящена пониманию казья ОмДС и муфтия ЦДУМ Ризаэтдина Фахретдиновича Фахретдинова института иджтихад как основного средства понимания исламских первоисточников и их практико-правового воплощения в жизни мусульманской уммы. В статье рассматривается проблематика закрытия врат иджтихада, свободы мысли и прикладной составляющей иджтихада как вопросы, наиболее тревожащие сознание Фахретдинова. Особое внимание уделяется важности применения иджтихада в решении социально-экономических проблем мусульман всего мира, осознании места религии в жизни мусульман и активизации принципа универсальности исламской религии на его основе.*

Ключевые слова: *Фахретдинов, иджтихад, маслахат, фикх, ускуль аль-фикх, динамизм*

Изучение методико-правовых воззрений выдающегося башкирского¹ ученого, мыслителя-богослова

¹ Башкирское происхождение Фахретдинова является задокументированным фактом, который делает бессмысленным спекуляции на эту тему. Копии документов и метрических записей

и муфтия ЦДУМ Ризаэтдина Фахретдинова (1859–1936) позволяет взглянуть на методологию исламского права (усуль аль-фикх) как на живую и динамично развивающуюся науку, ориентированную на настоящее и будущее человечества. Его прогрессивные для своего времени взгляды вовсе не носят новаторский или же антимазхабический характер. Несмотря на это, казалось бы, некоторые противоречивые взгляды на классические правовые школы (мазхаб), он с теплом и добротой относится к их основателям как к представителям *иджтихада*, их методико-правовой деятельности¹ и призывает *умму* следовать их концептуальному пути.

События, которые переживали мусульмане России IX–XX вв., поистине уникальны. Данная уникальность обусловлена не только политическими изменениями в стране, но и в их умах народа. Данные изменения не обошли стороной и мусульман России той эпохи. Их разделение на лагерь реформаторов (джадидистов) и традиционалистов (кадимистов) не является ни для кого секретом. Изменение в умах мусульман, прежде всего, проявлялось в стремлении переосмысления исламской правовой и методологической мысли, ее оживления и освобождения от оков закостенелости, а также о роли религии в общественной, политической и экономической жизни мусульман. Один их самых известных сторонников этих идей является муфтий Ризаэтдин Фахретдинов, не нуждающийся в представлении для башкирской и мусульманской общественности России. Тематика

опубликованы Салиховым А.Г. и Хамидуллиным С.Ф. См.: Салихов А.Г. К вопросу об этнической принадлежности Ризаэтдина Фахретдинова // История башкирских родов. Юрми. Т. 21. Сборник документов и материалов. – Уфа, 2016. – С. 187–199, 702–709.

¹ Фахретдинов Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр [Религиозные и социальные вопросы]. – Оренбург: Типография «Вакът», 1914. – С. 71.

иджтихада, мазхаба, таклида (т.е. слепого следования) и права как такового является животрепещущей для него темами. Это проявляется, во-первых, в том, что он актуализирует обсуждения вокруг указанных тем на страницах своих многочисленных уникальных и до сих пор слабо изученных трудов, а, во-вторых, в его переживаниях о состоянии не только мусульман России, но и всего исламского мира. Проблематику атрофии *иджтихада* и интеллектуальной активности мусульман он рассматривает и в контексте священных текстов, *иджмы* (консенсуса) и концепции *маслахат*. В этой связи будет уместным тезисно окунуться в мир его воззрений и взглядов, которые не потеряли свою актуальность.

В своем труде «Религиозные и социальные вопросы» Фахретдинов отмечает, что *иджтихад*, как специальный термин, представляет собой «старание обладающего знаниями об основах науки фикх человека, направленное на понимание предписаний Священного Корана и пророческой сунны»¹. Данное определение показывает, что *иджтихад* с т.з. Фахретдинова является компетенцией ученого человека, являющейся, прежде всего, средством понимания божественных предписаний. Следовательно, ученый, способный самостоятельно апеллировать к исламским первоисточникам с целью выявления практико-правовых норм, называется *муджтахидом*². *Иджтихад* для него является почетной и завидной³ ученой степенью, а не должностью⁴. Это означает, что *муджтахидом* становятся, а не назначаются. Конечно, он

¹ Фахретдинов Р.Ф. Дини ва ижтимағи маъсэлэлэр. – Оренбург: Типография «Вакът», 1914. – С. 89.

² Там же. С.89.

³ Там же. С. 90.

⁴ Фахретдинов Р.Ф. Манасиб диния [Религиозные должности]. – Оренбург: Изд-во «Паровая», [б.д.]. – С. 35-36.

допускает, что если лицо, достигшее степени *иджтихада*, может быть назначено на соответствующую должность, но даже в случае его отстранения от занимаемой должности *муджтахид* не лишается своей ученой степени и научной компетенции. В этой связи Фахретдинов проводит параллель с отстраненным от занимаемой должности врачом, который все равно остается при своих знаниях и компетенциях. Однако в таком случае *муджтахид* может быть ограничен в фетвотворчестве¹.

Для формирования данной компетенции Фахретдинов следует по максимально упрощенному пути. Он отмечает, что для достижения степени *иджтихада* предъявляются следующие условия: 1) правовая дееспособность; 2) ислам; 3) иметь вероубеждение, соответствующее убеждениям праведных предшественников; 4) способность извлекать практико-правовые нормы из источников; Последнее условие обуславливается знанием *муджтахид* правоустанавливающих предписаний Корана, пророческой сунны; арабского языка на уровне понимания указанных первоисточников, методологии исламского права (*усуль аль-фикх*), отмененных и отменяющих предписаний Ислама².

Упрощенность данных условий заключается в том, что для достижения степени *иджтихада* знание Корана и сунны наизусть не требуется, знание арабского языка на уровне узкоспециализированных лингвистов как Сибавейх не требуется, наличие благочестивости и целомудрия не требуется³. В принципе, набор условий

¹ Фахретдинов Р.Ф. Манасиб. – Оренбург: Изд-во «Паровая», [б.д.]. – С. 35-36.

² Фахретдинов Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вакт», 1914. – С. 89-90.

³ Там же. С. 89.

иджтихада является довольно стандартным. Облегченность возникновения компетенции *иджтихада* в воззрениях Фахретдинова вполне объяснима тем, что его взгляды пронизаны стремлением придать исламскому праву облегчающий жизнь мусульман характер.

Кроме того, упрощенность достижения степени *иджтихада* объясняется тем, что Фахретдинов допускает возникновение частичной компетенции. Так, он отмечает, что исламский правовед (факых) может быть *муджтахидом* в одной области исламского права и в то же время являться *мукаллидом* (т.е. последователем) в другой области¹.

Наконец, упрощенность взглядов Фахретдинова на возникновение компетенции *иджтихада* может быть обусловлено тем, что он, сравнивая исламского *муджтахида* с такими деятелями светской правовой культуры, как окружной судья, член судебной палаты, прокурор и адвокат, отмечает, что для достижения степени *иджтихада* не нужно знать даже половины того, чего должны знать они².

Примечательным фактом является еще и то, что Фахретдинов выделяет две формы применения *иджтихада*. С его точки зрения, каждый мусульманин, способный самостоятельно понимать предписания Корана и пророческой сунны в таких областях его личной ответственности, как поклонение ('ибадат) и формирование внешнего поведения ('амаль), должен поступать в соответствии с понятием из них³,

¹ Фахретдинов Р.Ф. Манасиб диния. – Оренбург: Изд-во «Паровая», [б.д.]. – С. 36; Фахретдинов. Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вакъъ», 1914. – С. 90.

² Там же. С. 35.

³ Фахретдинов Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вакъъ», 1914. – С. 94.

т.е. воплощать в жизнь то, к чему он пришел благодаря применению *иджтихада*. Вторая форма применения *иджтихада* касается взаимоотношений людей (му‘амалят) и судебного права (када). В этой области права люди должны следовать не собственному решению, а решению судьи (кади)¹.

Известно, что в IV-VI вв. по мусульманскому летоисчислению в исламском мире стала возникать тенденция к так называемому закрытию врат *иджтихада*². Предпосылки к возникновению этой тенденции были различны. Однако очевидно, что отношение Фахретдинова к атрофии *иджтихада* категорично отрицательное. Он считает, что закрытие врат *иджтихада* является большой ошибкой и пагубным для исламского мира³. Конечно, Фахретдинов, как и подобает любому объективному и уважающему себя исследователю, рассматривает обе точки зрения и аргументации противоборствующих сторон, однако приемлет только одну сторону, согласно которой время *иджтихада* не иссякло, а врата его распахнуты. Довольно показательным является его наблюдение и видение возникновения идеи о закрытии врат *иджтихада*. С его точки зрения причины атрофии *иджтихада* искусственны, эгоцентричны и не носят естественный характер. Основной причиной появления в исламском мире этой пагубной идеи он видит не в том, что она является препятствующим средством доступа невежд к *иджтихаду*, а в том, что в IV-V вв. по

¹ Фахретдинов Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вакът», 1914. – С. 94-95.

² Халлаф ‘Абд аль-Ваххаб. ‘Ильм усуль аль-фикх: хуляса тарих аль-ташри‘ аль-ислями. – Каир: Дар аль-фикр аль-‘араби, 2010. – С. 275–276.

³ Фахретдинов Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вакът», 1914. – С. 93.

хиджре деспотичная и погрязшая в грехах власть видела в *муджтахид*ах угрозу потери власти. Раннесредневековые *муджтахид*ы обладали колоссальным общественным и политическим влиянием. *Муджтахид*ы были способны не только на критику властей за их грехи, но и, устроив переворот, лишить их власти. В этой связи простонародью была навязана идея о закрытии врат *иджтихада*, которая впоследствии боролась с проявлением активности *иджтихада* и, в конечном счете, похоронила ее. Таким образом, в обществе возник порочный круг: простонародье восприняла идею о закрытии *иджтихада* положительно, само боролась с проявлением *иджтихада*, *муджтахид*ы были вынуждены отказаться от интеллектуальной и законодательной самостоятельности, выставлять себя последователями существующих *мазхабов* и порой оседать там, куда не дотягивалась рука деспотичной власти¹.

Ошибочность и опасность атрофии *иджтихада* с т.з. Фахретдинова заключается в том, что отрицание применимости *иджтихада* и утверждение о закрытии его врат тождественно отрицанию принципу универсальности шариатских предписаний². Иными словами подобные утверждения с его т.з. расцениваются как отрицание самой сущности заключительной божественной религии. Для него *иджтихад* – это не просто средство понимание религиозных предписаний, как было заявлено в определении *иджтихада*, но и главное средство воплощения этих религиозных предписаний в жизнь вплоть до Судного дня. В условиях изменяющегося мира практика религии без *иджтихада* невозможна³. Стало быть,

¹ Фахретдинов Р.Ф. Дини вэ ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вакът», 1914. – С. 49-50.

² Там же. С. 91.

³ Фахретдинов Р.Ф. Дини вэ ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вакът», 1914. – С. 84-86.

что для Фахретдинова иджтихад – это основной посредник между теорией и практикой. Не согласиться с ним в данном вопросе невозможно. Ибо известно, что в религии Ислам существует единство знания и деяния¹.

В этой связи может возникнуть вполне закономерный вопрос «А в чем же опасность атрофии иджтихада», если, как считается, *муджтахиды* прошлых поколений рассмотрели все возможные вопросы права и методологии? Фахретдинов с такой постановкой вопроса, конечно, не согласен. С его точки зрения *муджтахиды* сделали многое для условий и обстоятельства своего времени, но им свойственно изменение². Тем более, Фахретдинов замечает, что подобное утверждение привели к тому, что совокупность взглядов *муджтахидов*, т.е. *мазхабы*, стали отождествляться с самой религией. Стало быть, *мазхабам* и классическим трудам по *фикху* стали придавать статус универсальной, непоколебимой и не критикуемой божественной религии³. Также подобная постановка вопроса означает, что нужды в *иджтихаде* больше нет. Как было отмечено выше для Фахретдинова основная функция иджтихада – это понимание Корана и пророческой сунны. Однако это функция не единственная. Следующая и немаловажная функция иджтихада – это претворение в жизнь религиозных предписаний. Следовательно, для Фахретдинова утверждение о закрытие врат иджтихада означает, что время понимания Корана и пророческой сунны и использование их в качестве источников прошло. Это, в свою очередь, означает, что Коран и пророческая сунна

¹ Насыров И. Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 131.

² Фахретдинов Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вакт», 1914. – С. 70-71.

³ Там же. С. 81-82, 88.

лишены аргументационной силы¹. Таким образом, для Фахретдинова утверждение о закрытии врат *иджстихада* противоречит принципу универсальности религии, постулату о заключительности пророческой миссии Посланника Аллаха (с.а.с.) и является клеветой на Всевышнего Аллаха.

Принимая во внимание обе функции *иджстихада* становится понятным, что для Фахретдинова Коран и пророческая сунна были даны человечеству в качестве руководства в жизни, а не для получения божественного благословления (*табаррук*) путем их чтения².

Все это указывает на рационализм в воззрениях Фахретдинова, который он подкрепляет не только размышлениями об универсальности исламской религии, но и иными рациональными суждениями. Например, Фахретдинову свойство проводить параллели между исламским *фикхом* и иными светскими науками. Для Фахретдинова утверждение о закрытии врат *иджстихада* настолько глупо насколько глупо утверждение о том, что время врачевания или юриспруденции прошло³. Таким образом, становится понятным, что институт *иджстихада* в понимании Фахретдинова не является историческим памятником, а тесно связан с практической частью жизни мусульман в любой точке земного шара. Ибо благодаря *иджстихаду* и *муджстахидам* религия Ислам находит свое практическое применение вне зависимости от географии и времени.

¹ Фахретдинов Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вакът», 1914. – С. 91.

² Фахретдинов Р.Ф. Манасиб диния. – Оренбург: Изд-во «Паровая», [б.д.]. – С. 46-47.

³ Фахретдинов Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вакът», 1914. – С. 91.

Фахретдинов отчаянно противопоставляет себя противникам *иджтихада* и усердно доказывает легитимность и важность применения *иджтихада* в жизни мусульманской общины во все времена. Правильность своей позиции он объясняет не только традиционными доказательствами исламской религии, но и общечеловеческой правовой культурой¹ в купе с рациональными доказательствами.

Помимо того, что причину закрытия врат *иджтихада* Фахретдинов видит в стремлении деспотов удержать власть, которая для этого использовала невежество простонародья, он не исключает определенной роли в этом некоторых исламских богословов. Фахретдинов отмечает, что определенная часть исламских ученых канонически закрепили закрытие врат *иджтихада*. Так, в своих трудах он неоднократно приводит в пример ханафитского методолога и правоведа IV века Абу аль-Хасана аль-Кархи (умер в 340 г.х./951 г.г.), который озвучил, конечно, неприемлемый² для Фахретдинова, тезис: «Если кто-то обнаружит коранический аят или же пророческое изречение, противоречащие взглядам ханафитского мазхаба, то они либо отменены, либо истолкованы»³.

Фахретдинов убежден, что такие уважаемые ученые сами привели к закрытию врат *иджтихада* и запрету свободы слова, которое, естественно, привело к тому, что *фикх* как наука стала представлять собой совокупность мнений уже ушедших *муджтахидов*, не отвечающих

¹ Фахретдинов Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вактъ», 1914. – С. 70.

² Фахретдинов. Манасиб диния. С. 40. Фахретдинов Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. С. 93.

³ Кархи Абу аль-Хасан. аль-Рисаля фи аль-усуль. – Бейрут: Дар аль-фикр, 2006. – С. 129-130. (Данный трактат издан вместе с трудом Абу Зайдом аль-Дабуси (умер в 430 г.х./1039 г.г.) «Та'сис аль-назар [Основание теории]»).

интересам времени других поколений. Поэтому наука *фикх* с точки зрения Фахретдинова превратилась в инструмент сохранения прошлого¹ и не используется для созидания в настоящем и будущем. Он отмечает, что из-за этого 2/3 литературы в области *фикха* не отвечает интересам времени, и представляют собой дублированием друг друга². Фахретдинов же настойчиво утверждает, что религия Ислам является религией обновления и прогресса. Если бы это было не так, то не появились бы такие выдающиеся ученые как Малик, Шафи‘и и им подобные, а если и появились бы, то не дожили бы до наших времен³.

Фахретдинов открыто заявляет, что величайшие умы Ислама появились не тогда, когда возникло вредоносное утверждение о закрытии врат *иджстихада*, а в эпоху свободы слова, когда *муджтахиды* без какого либо стеснения имели возможность самостоятельно обращаться непосредственно к первоисточникам, т.е. совершать *иджстихад*. Именно тогда Ислам подарил миру таких известных личностей, как Абу Ханифа, Малик, Газали, Ибн Рушд и т.д. Сегодня, как отмечает Фахретдинов, такие ученые мирового уровня появляются там, где доминирует свобода слова, а этими местами с его точки зрения является университеты Сорбонны и Оксфорда⁴.

Одной из причин социально-экономического упадка всего исламского мира Фахретдинов считает атрофию *иджстихада* и нивелирование свободы слова⁵. Выходом из этой ситуации он видит в активизации и мобилизации

¹ Фахретдинов Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вакът», 1914. – С. 92.

² Фахретдинов Р.Ф. Манасиб диния. – Оренбург: Изд-во «Паровая», [б.д.]. – С. 57.

³ Фахретдинов Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вакът», 1914. – С. 93.

⁴ Там же. – С. 92.

⁵ Там же. С. 92; Фахретдинов Р.Ф. Манасиб диния [Религиозные должности]. – Оренбург: Изд-во «Паровая», [б.д.]. – С. 55.

интеллектуальной деятельности исламской уммы, которая должна ориентироваться на интересы человека и социальное положение общества¹. Именно поэтому он утверждает, что религия Ислам выступает против традиционализма и консерватизма².

Стремление Фахретдинова возобновить интеллектуальную активность мусульман вовсе не должно восприниматься, как попытка разрушить многовековое наследие исламской уммы. Фахретдинов не является врагом основателей *мазхабов*. Он с уважением и почетом относится к ним и считает, что они являются олицетворением свободы мысли и слова. Фахретдинов критикует их последователей за то, что они не последовали за основателями своих *мазхабов* в применении *иджстихада* и довольствовались уже готовыми их наработками³.

Фахретдинов не против *мазхабов*, он против того, чтобы придавались *мазхабам* статус неоспоримой и не критикуемой религии⁴. Ведь каждый *муджтахид* должен действовать согласно своему *иджстихаду*.

Из вышесказанного становится очевидным, что Фахретдинов является ярким сторонником реабилитации института *иджстихада*, актуализации его роли в оживлении социальной и политико-экономической жизни мусульман и возвращении шариату утерянное качество динамизма⁵. В этих тезисах проявляется практико-ориентированность *иджстихада* в понимании Фахретдинова, который носит

¹ Фахретдинов. Манасиб диния. С. 64-65; Фахретдинов. Дини ва ижтимағи мәсьәләләр. С. 73.

² Фахретдинов Р.Ф. Дини ва ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вактър», 1914. – С. 93.

³ Там же. С. 71.

⁴ Там же. С. 81, 88.

⁵ Там же. С. 83, 85.

маслахатоцентричный¹ характер, т.е. базирующийся на интересах человека и на общечеловеческих ценностях. Маслахатоцентричность *иджтихада* Фахретдинова многогранна. Она проявляется не только в необходимости пересмотра книг по *фикху* средневековых авторов² и адаптации исламского права к реалиям жизни мусульман, но и в том, что даже решение, принятое на основе *иджмы* (консенсуса) носит временный характер³, что, конечно, неприемлемо для классического представления *иджмы*. Временность *иджмы* Фахретдинов объясняет тем, что основу (санад) *иджмы* должна формировать концепция *маслахат*, т.е. устранение вреда от человека и привлечение пользы для него⁴. Учитывая, что интересы человека изменчивы по природе, то и решение, возникшее на их основе, должны быть временными по естественным причинам⁵. Данную мысль Фахретдинов закрепляет единственно неизменным правилом, который гласит: «С изменением времени меняются и законы»⁶.

Похожее отношение Фахретдинов демонстрирует в отношении *кыяса*, т.е. суждении по аналогии. Для Фахретдинова *кыяс* является естественным и рационально обоснованным инструментом права.

¹ Более подробно о важности концепции *маслахат* в правовых воззрениях Фахретдинова см.: Азаматов Р.И. Социальная реальность как важнейший фактор правовых воззрений Ризаэтдина Фахретдинова (1859-1936) // II Международный форум «Богословское наследие мусульман России»: I Том: сборник научных докладов конференций, г. Болгар, 25-30 октября 2020 г. – Казань: ИД «МедДоК», 2021.– С. 51-59.

² Фахретдинов Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вакът», 1914. – С. 83.

³ Там же. С. 68.

⁴ Там же. С. 67.

⁵ Фахретдинов. Манасиб диния. С. 63-64; Фахретдинов. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. С. 67, 70-71.

⁶ Фахретдинов Р. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. С. 71.

Он не согласен с классиками в том, что приводимые ими аргументы из первоисточников в пользу *кыяса* являются достаточными¹. Ему близка позиция рационального объяснения легитимности *кыяса*. Он убежден в том, что невозможно буквально использовать ограниченный ресурс Корана и пророческой сунны на неиссякаемое количество правовых вопросов². Именно в такой ситуации возникает нужда в таком инструменте, который обеспечит распространение юрисдикции Корана и сунны на незатронутые ими правовые вопросы.

Однако Фахретдинов против того, чтобы придавать решениям, выявленных на основе *кыяса*, постоянный статус. Т.е. они должны быть временными, вплоть до рассмотрения их коллегией *иджмы* с последующей придачей им статуса обязательных решений³.

Это решение он объясняет тем, что существование множества мнений в религии, выявленных на основе *кыяса*, является ослабляющим шариат фактором. Более того, он воспринимает придачу решениям небезгрешных людей статус религии, что абсолютно для него неприемлемо. Поэтому именно коллегия *муджтахидов* должна рассматривать решения *кыяса* в качестве проекта фетвы и закона, а потом одобрить его или же отклонить. Основным критерием одобрения решения *кыяса* Фахретдинов видит в его соответствии социально-экономическому положению *уммы*⁴.

Маслахатоцентричность и практико-ориентированность *иджтихада* Фахретдинова проявляется не только в том, что решения *иджмы* и *кыяса* является

¹ Фахретдинов Р. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вакт», 1914. – С.87.

² Там же. С.87.

³ Там же. С.87.

⁴ Там же. С. 87.

должны быть временными, но и даже предписания Корана и пророческой сунны. Если обстоятельство вынуждает временно приостановить их, то это должно быть сделано¹. Более того, Фахретдинов отмечает, что это дозволенное действие, ибо так поступали Посланник Аллаха (с.а.с.) и его сподвижники².

Наверное немаловажным аспектом практико-ориентированности *иджтихада* в понимании Фахретдинова является его убежденность в том, что книги по исламскому праву должны составляться для каждой эпохи по-отдельности с дроблением их на отдельные отрасли как семейное, имущественное, наследственное, уголовное права и т.д. Исключением является вопросы поклонения³.

Примечательно, что для Фахретдинова *иджтихад* – это не средство выработки навыков фетвотворчества или поиска ответов на гипотетические вопросы, а серьезный инструмент распространения религиозно-правовой юрисдикции на реальной жизни мусульман.

В заключении хотелось бы отметить, что *иджтихад* занимает ключевое и центральное место в методологических воззрениях Фахретдинова. Это не является новшеством, а общепризнанным фактом в науке о методологии исламского права. Это объясняется тем, что каждый труд в области методологии исламского права содержит в себе раздел, посвященный *иджтихаду*. Иджтихад в понимании Фахретдинова маслахатоцентричен. Он убежден в том, что закон, не удовлетворяющий потребность человека, должен быть

¹ Фахретдинов Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вакт», 1914. – С. 98.

² Там же. С. 99-101.

³ Фахретдинов. Манасиб диния. С. 59; Фахретдинов. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. С. 106-107.

изменен. Ведь закон существует для человека, а не человек для закона¹. *Иджтихад* в убеждениях Фахретдинова является инструментом адаптации религиозных предписаний в жизни мусульман. Именно *иджтихад* придает динамичность исламской правовой мысли и предотвращает ее закостенелость и стагнацию. Он постулирует, что *муджтахиды* каждой эпохи должны использовать *иджтихад* для того, чтобы пересматривать исламское право и составлять соответствующие труды, удовлетворяющие потребности мусульман. Для него важно, чтобы составление новых трудов осуществлялось коллегией ученых в жанре кодификации норм². Реабилитация *иджтихада* в понимании Фахретдинова не является средством разрушения сложившихся правовых традиций или крайностью. Для него *иджтихад* – это средство спасения исламской уммы из того удручающего положения, в которой она находится по сей день. При этом следует отметить, что достаточно вольные воззрения Фахретдинова и могут быть поняты неоднозначно, неправильно и использованы против исламского права, что подвергает угрозе правовую безопасность. Поэтому важно, чтобы воззрения Фахретдинова и иных его современников исследовались последовательно, скрупулёзно и коллегиально.

Список использованных источников и литературы

1. Азаматов Р.И. Социальная реальность как важнейший фактор правовых воззрений Ризаэтдина Фахретдинова (1859-1936) // II Международный форум «БОГОСЛОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ МУСУЛЬМАН РОССИИ»: I Том: сборник научных докладов конференций, г. Болгар, 25-30 октября

¹ Фахретдинов Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. – Оренбург: Типография «Вакт», 1914. – С. 71.

² Фахретдинов. Манасиб диния. С. 59-60.

- 2020 г. / сост.: Д.М. Абдрахманов, А.А. Тимерханов, Р.Л. Саяхов, С.Т. Рахимов, Л.Ф. Салихова, А.К. Хурматуллин. – Казань: ИД «МеДДоК», 2021. – С. 51-59.
2. Кархи Абу аль-Хасан. аль-Рисаля фи аль-усуль. – Бейрут: Дар аль-фикр, 2006. – 136 с.
 3. Насыров И. Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). – М.: Языки славянских культур, 2009. – 552 с.
 4. Салихов А.Г. К вопросу об этнической принадлежности Ризаитдина Фахретдинова // История башкирских родов. Юрми. Т. 21. Сборник документов и материалов. – Уфа, 2016. – С. 187-199.
 5. Фахретдинов Р.Ф. Манасиб диния [Религиозные должности]. – Оренбург: Изд-во «Паровая», [б.д.]. – 69 с.
 6. Фахретдинов Р.Ф. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр [Религиозные и социальные вопросы]. – Оренбург: Типография «Вакъ», 1914. – 208 с.
 7. Халлаф ‘Абд аль-Ваххаб. ‘Ильм усуль аль-фикх: хуляса тарих аль-ташри‘ аль-ислями. – Каир: Дар аль-фикр аль-‘араби, 2010. – 288 с.

УДК 001.92:37:903.5(470.57)

Р. ФАХРЕТДИНОВ ХӨСӘЙЕНБӘК КӘШӘНӘҖЕ ХАЖЫНДА

Аккөбәков Р.Й., филология фәндәре кандидаты, Тарих, тел һәм әзәбиәт институтының көнсығыш кулъязмалар бүлеге
ғилми хезмәткәре,

Өфө калаһы, Башкортостан Республикаһы

Аннотация: *В статье рассматривается история изучения мавзолея Хусейн-бека Р. Фахретдиновым. В 24 мая 1891г. он вместе с казыем Халил Сулеймановым посещает мавзолей Хусейн-бека. Записывает исторические рассказы о мавзолее, производит прочтение эпитафического памятника Хусейн-бека. Все его размышления о Хусейн-беке были опубликованы в книге «Асар», более подробная статья «Мавзолей в Чишме и один исторический спор» был опубликован в 1808 г. в журнале «Шуро». Нами выполнена транслитерация на башкирский язык этой статьи. В ней он высказывает мысль, что на территории Южного Урала Ислам начал проникать с VII в. Р. Фахретдинов эпитафический памятник датирует 1343г. Хусейн-бек мог быть одним из беков, направленных золотоордынскими ханами в качестве наместника.*

Ключевые слова: *мавзолей Хусейн-бека, Р. Фахретдинов, «Асар», журнал «Шуро», надгробный камень.*

Р. Фәхретдиновтың «Шишмә төрбәсе, йәки тарихи бер бәхәс» мәкәләһе 1908 йылдың 11 һанында баһылып

сыға¹. Ул хәзерге Башкортостан республикаһы Шишмә районы Шишмә ауылы янында урынлашкан Хөсәйенбәк кәшәнәһенә арналған. 1891 йылдың 24 йәки 25 майында Р.Фәхретдинов Хөсәйенбәк һәм Тура хан кәшәнәһен күреү максаты менән килә. Ул был урындарза йәшәгән башкорт аҡһаҡалдары һөйләгәндәрен язып ала һәм үзенә уйланыуларын килтерә. Был материалдарзы кысқартып «Хөсәйен бәк бин Измир бәк», тип атап «Асар» китабында баһтырып сығара². Шура журналында баһылған «Шишмә төрбәсе, йәки тарихи бер бәхәс» тип аталған мәкәләһендә Хөсәйенбәк кәшәнәһе хақында тулыраҡ мәғлүмәттәр бирә. Шуға күрә укыусыларға мәкәләгә байкау яһап текстның башкортса транслитерацияһын тәкдим итәбез. Бында Р.Фәхретдинов үзенә һамар тимер юлы менән килеүен һәм уны Кара-Якуп ауылынан булған қазый Хәлил хәзрәт ибн Сөләймән қаршы алыуын яза.

Бында йәшәгән башкорттар араһында таралған легендаларға ярашлы, Хөсәйенбәк сығышы менән Төркөстандан. Шәйех Хужа Әхмәд Йәсәүизен мөриде булған, бында йәшәгән башкорттарзы мосолман диненә һәм шәриғәт қанунын өйрәтеү өсөн ебәрелгән. Ул башкорттарзы дингә өйрәткән һәм хаж қылған. Тән һәм рух һау-сәләмәт булып вафат булған. Кәбер ташы Сәмәрқәндтән дөйәләргә йәки, бер легенда буйынса, Бохаранан ун ике үгез егелгән арбаға һалып килтерелгән. Кәбер ташындағы языуларзан сығып, Хөсәйенбәк 1343 йылда вафат булған тиелә. Р.Фәхретдинов Хөсәйенбәктең шәхесе тураһында үз фекерзәрен килтерә. Хикәйәләрзә арттырыулар күп, тип яза. Хөсәйенбәк Хужа Әхмәд

¹ Фәхретдинов Р. Шишмә төрбәсе, йәки тарихи бер бәхәс // Шура. – 1908. – № 11. – 347 – 349 бб.

² Асар. Беренсе джуз. – Казан, 1900. – 22-23 бб.

Йәсәүиҙең мөриде булыуы тураһында мәғлүмәттәр уларҙың йәшәү осорона тап килмәй. Хөсәйенбәк донъяға килгәндә, Хужа Әхмәд хәзрәт күптән үлгән тип фаразларға кәрәк (1167 йылда). Өстәүенә, ул дәүерҙең мөриттәрән бек тип данламағандар. Бәк титулын мырзаларға һәм ырыу башлыҡтарына биргәндәр, тип яза Фәхрәтдинов. Бынан тыш, VII быуатта Мөхәммәт пәйғәмбәрҙең Мәккәнән Мәзинәгә килеүе аркаһында Волга һәм Уралда мосолман динә тарала һәм нығына. Ғалимдар за, хөрмәтле кешеләр зә булған. Мосолман илдәрәнән даими рәүештә карауандар йөрөгән. Шуға күрә Хөсәйенбәк башкорттарҙы исламға өйрәтергә килгән тигән фекерҙе кабул итеүе кыйын. Ул хандар тарафынан Һарайзан был урындарға наместник сифатында ебәрелгән бектарҙың береһе булған тигән фекер бар. Был бик мөмкин.

Р.Фәхрәтдинов шәхестең вафат булыуы датаһына карата шик белдерә, сөнки ул үзе кәбер ташы нык тәрәнәйгәнлектән языуы тулыһынса укый алмай. Был хакта әзип былай тип яза: «Хөсәйенбәктең үлемә йылы тулыһынса күрәнмәй, сөнки кәбер ташының аҫкы өлөшө ер аҫтында була. Минең казыу теләгем бар ине, әммә дуһым, хөрмәтле имам Хәлил хәзрәт ибн Сөләймән: «Әгәр Шишмә ауылында ниндәйҙер бәхетһезлек булһа, муллалар үз хәүефен белдерер», тигәс, халықты тулҡынландырырға теләмәйенсә, мин кәбер ташын казыманым. 744 йылды үлем йылы тип билдәләгәндә, Рус гәзите «Правительственный вестник» гәзитенә һылтанма яһай. Шул ук ваҡытта, ниндәй мөкәлә һәм гәзит һанын атамай. Кәшәнә янында кәбер таштарын укығандан һуң, Фәхрәтдинов был кәберҙәр XVII быуатта вафат булған башкорттарҙың кәберҙәре тигән һығымтаға килә.

Шишмә төрбәһе йәки тарихи бер бәхәс

Самар-Златоуст тимер юлы өстөндә улған Шишмә кәрийәһендә асарә кәдимәнән¹ улған бер төрбә² вә өстөндә бер кәшәнә³ барзыр. Иштә⁴ ошбу төрбә хакында «Мәғлүмәт» журналында алтынсы номерза бер аз һүззәр укынык. Журнал, мәзкүр⁵ төрбә өстөндә булған таштан ошбу мәзмүндә⁶ бер ғибәрәт⁷ күсермеш:

«Әл-ғәдел⁸ фи әл-хаким⁹ хажи¹⁰ Хөсәйен бәк мин әл-әмири¹¹ әл-кәбири¹² Ғүмәр бәк¹³ ал-Тәрәсәни әл-Туркистан¹⁴. Тәүәффа¹⁵ фи әл-йәүм¹⁶ әл-сабиғ¹⁷ мин¹⁸ мөхәррәм¹⁹ сәнәт²⁰ әр-бәғмиә²¹ вә әр-рабиғ²² вә әр-рәбиғин²³ (444)»¹.

¹ Асарә кәдимә – боронғо заманға караған.

² Төрбә – кәбер мәғәнәһендә.

³ Кәшәнә – үлектә зурлап өстөнә королған бина.

⁴ Иштә – бына.

⁵ Мәзкүр – юғарыла әйтелгән, әйтеп үтелгән.

⁶ Мәзмүн – аңлашыла торған мәғәнә, әйтергә теләгән, әстәлегә.

⁷ Ғибәрәт – язылған һүз мәғәнәһендә.

⁸ Ғәдел – ғәзел.

⁹ Хаким – хаким, идара итеүсе түрә.

¹⁰ Хажы – ислам дине таратыу хокуғы булған юғары дин әһеле, хаж кылған мосолман.

¹¹ Әмир – бойороусы, кушыусы.әмер биреүсе, түрә.

¹² Әл-кәбир – оло, бөйөк, зур дәрәжәле.

¹³ Бәк – феодал, бей титулы, кенәз дәрәжәһенә тура килә.

¹⁴ Төркөстани – Төркөстан еренән.

¹⁵ Тәүәффа, мөтәүәффа – үлгән, вафат булған.

¹⁶ Әл-йәүм – көн.

¹⁷ Сабиг – етенсе.

¹⁸ Мин – кем, зат, шәхес, берәү, кем ки.

¹⁹ Мөхәррәм – хижри йылдың беренсе айы.

²⁰ Сәнәт – йыл.

²¹ Әр-бәғмат – дүрт йөз.

²² Әр-рабиғ – кырк.

²³ Әр-рәбиғин – дүрт.

العادل في الاحكام حاجى حسين بك من الامير الكبير عمر بك الترسانى
التركستانى. توفى فى اليوم السابع من محرم سنة اربع مائة و اربع و اربعين
(۴۴۴)

Вә «Тауарих Хисамиә»²нән ошбу мәзмүндә бер йөмлә
нәкыл³ ителмешдер:

Сахиб⁴ әл-кәшәнәт әл-хажи⁵ Хәсәйен бәк бин Ғүмәр
бәк Туркистани Тәрәсәни тилмиз⁶ Хужа Әхмәд Йәсәүи.
Уфа шәһәре урынында мәкам⁷ итеүсе нуғайзан Барас хан
бин Үзбәк хан заманында Хужа Әхмәд Йәсәүи хәзрәтенән
алып кайтқан ғилемде мөһминдәргә⁸ тәғлим⁹ итмеш.

Хосуси¹⁰ бер фекер бәйән итмәдегенән ошбунда
язылмыш шәйләр¹¹ «Мәғлүмәт» рази¹² вә фатих¹³ улдығы
аңлашылыр. Хәлбүки мәзкүр¹⁴ ике йөмләне бергә йыймак
мөмкин түгелдер. Хужа Әхмәд Йәсәүи¹⁵ тиә шәһрәтле
улған шәйех¹⁶, тәржемә-и хәлен языусылар хәбәрәнә күрә

¹ Хижри 444 йыл – христиан календаре менән 1052 йыл. Дата должна
быть 744.

² Тарих-и Хисамиә – Хисаметдин Шарафетдин әл-Мөслимизен
«Тауарих-и Болгар» китабы күз уңында тотола.

³ Нәкыл – һөйләү, телдән телгә һөйләү, күсерү..

⁴ Сахиб –эйә, хужа.

⁵ Әл-хажи – ислам дине таратыу хокуғы булған юғары дин әһеле, хаж
кылған мосолман.

⁶ Тилмиз – укыусы, шәкерт.

⁷ Мәкам – урын, тора торған урын, дәрәжә.

⁸ Мөһмин – дин тотоусы, дингә нык ышаныусы мосолман.

⁹ Тәғлим – укытыу, дәрәс биреү, өйрәтеү.

¹⁰ Хосуси– айырым, махсус, шәхси.

¹¹ Шәйләр – әйберзәр.

¹² Рази – риза булыусы.

¹³ Фатих – асыусы, башлап ебәреүсе.

¹⁴ Мәзкүр – юғарыла әйтелгән, әйтеп үтелгән.

¹⁵ Хужа Әхмәд Йәсәүи (1103–1166) — суфый шағир, төрки телле
донъяла тәүге суфый мистиктарының береһе.

¹⁶ Шәйех – дин башлығы, ишан.

562¹ тарихында вафат улмыштыр. Имде шул йылда вафат улган бер кемсэгә 444–тә вафат булган бер кемсә ни йәһәтлә шәкерт әүлә² булыр?

Тәрбә сахибын³ Хужа Әхмәд Йәсәүигә шәкерт итмәктән асыл максуд, мәзкүр⁴ әзәмгә фазыл⁵ вә шәрафәт⁶ иснад⁷ итмәк, хәнбәлә⁸ илә бәндәләр араһына растлык⁹ хезмәте иттермәк, йырак ерзәрзән билкасд¹⁰ зыярат итеп йөрөтмәк вә корбандар боғазлатмак улһа кәрәк. Фәкәт фазиләт¹¹ сахиб¹² улмак өсөн Хужа Әхмәд Йәсәүи мөрите булмак лазым¹³ түгелдер.

Хатта ки фуражка астында йөрөүсә бер стражниктың ағалай ғәлибендә¹⁴ вә салма астында ултырып бейзәр илә мөриттәр тәрбиә итеүсенәң әсфәлә сафилиндә¹⁵ үлмәүе мөмкиндер. Ошбу сәбәптән бу кеби баһәнәләр¹⁶ илә тарихты, хосусән¹⁷ нисә зәхмәттәр¹⁸ илә аякка баһа башламыш тарихыбыззы бозмак монасиб¹⁹ булмаһ.

¹ Хижри 562 йыл – христиан календары менән 1167 йыл.

² Әүлә – өстөнөрәк, артығырак, алдыңғырак.

³ Сахиб – эйә, хужа.

⁴ Мәзкүр – юғарыла әйтелгән, күрһәтелгән, әйтеп үтелгән.

⁵ Фазыл – өстөнлөк, белемлелек.

⁶ Шәрафәт – кәзерлелек, оло дәрәжәлек, хөрмәтлелек, дан, затлылык.

⁷ Иснад – берәй эште икенсә кешегә кайтарып калдырыу.

⁸ Хәнбәлә – динде нык тотоусы.

⁹ Раст – раслау, дөрөсләү.

¹⁰ Билкасд – уйлап, максат итеп.

¹¹ Фазилият – якшы сифаттар, артыктык, өстөнлөк, файзалы эш.

¹² Сахиб – эйә, хужа.

¹³ Лазым – тейешле булган, кәрәк.

¹⁴ Ғәлибендә – дәрәжәһендә.

¹⁵ Әсфәлә сафилин – түбәндән түбән, йәһәннәм.

¹⁶ Баһәнә – һылтау, сәбәп, ялған сәбәп.

¹⁷ Хосусә – бигерәк тә, айырыуса.

¹⁸ Зәхмәтләр – эш, хезмәт; ғазап, борсоу, мәшәкәт; сырхау, сир.

¹⁹ Монасиб – яраклы, тейешле.

«Әл-ғәдил фи әл-хәким», һәм дә «бәк» ләфыздары¹ шәйех вә мөршидтәр, мөгәлим вә ғалимдар титулы түгел, бәлки әмирләр вә түрәләр, мырзалар вә хакимдарға махсус титулдарзандыр.

Мәзкүр² төрбәлә улған таштың языуынан. Һунғы юлдары ергә баткандан казылып каралдығында укыласағына вә ихтимал ки тарихы шунда улынасағын зан итеп, казырға бер вакыт бән һәм ниәт итмеш инем. Фәкәт рәфиктәрәмдән³ казый мөхтәрәм⁴ Хәлил хәзрәт ибн Сөләймән: «Тәсадеф⁵ уларак Шишмә кәрийәһенә берәр афәт⁶ килер улһа халыктар шунан шомланырзар», – тине. Ошбу сәбәптән моратымдан⁷ ваз кистем вә рәсми гәзитә («Правительственный вестниктың) һүзенә муафик⁸ «Асар»за 744⁹ тә вафат булмыш, – тип яззым.

Тәржемә хәленә «Асар»за язған вакыт «Тауарих-и Хисамиә»нең мөхтәлиф¹⁰ басмаларынан башка, бер ике гәди иске язма нөсхәләрен алда итеп тәфтиш¹¹ әйләмеш инем. Фәкәт һис бер низә «Мәғлүмәт»тә накыл¹² булынмыш ғибарәт¹³ күзәбезгә осраманы. Шул вакыт:

¹ Ләфызлары –Һүззәре.

² Мәзкүр – юғарыла әйтелгән, күрһәтелгән, әйтеп үтелгән

³ Рәфик – иптәш, дуҫ.

⁴ Мөхтәрәм – хөрмәтле.

⁵ Тәсадефи – осраклы, көтмәгәндә.

⁶ Афәт – бәлә-каза.

⁷ Морад – алға куйылған бурыс.

⁸ Муафик – яраклы.

⁹ Хижри 444 йыл – христиан календары менән 1052 йыл. «Асар» китабында хижри 744 йыл. Христиан календары менән 8 июнь 1343 йылға тура килә.

¹⁰ Мөхтәлиф – төрлө-төрлө.

¹¹ Тәфтиш – тикшереп, эзләп.

¹² Накыл – бер хәбәрзе икенсегә һөйләүсе,

¹³ Ғибарәт – язылған һүз.

«Был Хөсәйен бәк хакында «Тауарих-и Хисамиә»гә иснад¹ ителмеш һүз дөрөс түгел имеш», – тиә игтикадым² урынлашып калмыштыр. Әгәр зә «Мәғлүмәт» укыусылар мәзкүр һүззәң «Тауарих-и Хисамиә»нең ни ерендә идеген күрһәтһәләр тарих хакында жөзы³ бер хезмәт күрһәтермеш улырзар.

«Мәғлүмәт»тең бөйлә тарихи хәбәрзәре дәрж⁴ итеүе ул файзалы бер шәйзәр⁵ укыусылар был кеби милли тарихыбызға ғайд⁶ мәғлүмәттән мәмнүн⁷ улһалар кәрәк, Собрание назаратында улған исламдарның һуңғы тарихтарына ғайд хәбәрзәрзәң хазинаһы Собраниеһың кәнде архивылыр. Мәзкүр архивтың жөзы шәйзәрзән⁸ башлап иң әһмиәтле булған мәғлүмәттәргә кәзәр барзыр. Мәзкүр хазинанан иһә «Мәғлүмәт»кә васита⁹ һөйләрлек бирелеп торһа ла зарар булмаҫ ине. Сафтарыбыз тарих язмалыктары, вакиға вә хадисәләрзә забыт итмәүектәрә¹⁰ сәбәбенән беззәр хатта үзебеззәң дә кем икәнәбезне белмәй торорға мәхкүм¹¹ булдык. Ихтимал ки сәләфтәрәбеззәң¹² был турала ғөзөрзәре лә¹³ барзыр. Шуның өсөн уларға үпкәбез юк. Әммә был кәндә язмай торор өсөн беззәң һис ғөзөрөбөз юктыр. Әгәр зә без язмаҫ иһәк, табиғи

¹ Иснад – берәй эште икенсегә кайтарып калдырыу; 2. Үз эшен берәүгә һылтау; 3. Терәк.

² Игтикад – ышаныу, инаныу.

³ Жөзы – бик аз, вақ, кес-кенә.

⁴ Дәрж – теркәү, эсенә һалыу.

⁵ Шәй – әйбер.

⁶ Ғайд – кайтыусы, кайтқан, караусы, бәйләнешле.

⁷ Мәмнүн – риза, кәнәғәт.

⁸ Жөзы шәйләрдән – бик кескенә әйберләрзән.

⁹ Васита – аралаш, ике арала эш йөрөтөүсе.

¹⁰ Забит итмәдекләре – язылмаған.

¹¹ Мәхкүм – һөкөм ителеүсе.

¹² Сәләф – боронғо кеше, үткән заман кешеһе.

¹³ Ғөзөр – һылтау, сәбәп; Ялыныу, инәлеү.

халыктарыбыз кашында мәсьүл¹ буласакбыз. Собрание архивында Хәбибулла ишан хакында, Мөхәммәдйәр мөфтизең² министырзар вә Синодтың вә обер-прокуроры (зан итһәм кенәз Галитсин³) илә язышмыш мәктүптәре, төрлө вакиғалар хакында Собрание илә Уфа архивы вә Диниә назараты араһында йөрәмөш қағыззар барзыр.

«Мәғлүмәт» мөнәсәбәт килдегенсә архив қағыззарынан нөсхәләр алып дәрж⁴ иткеләп торһа һәм был көнгә һәм киләсәктә буласак өсөн файзалы бер хезмәт әйләмеш буласактыр.

Кулланылған сығанақтар һәм әзәбиәт исемлеге

1. Булгаков Р. М. О текстах произведений Ризаэтдина бин Фахретдина «Ислам» и их значение // Просветительские традиции ислама в Урало-Поволжье. I Фахретдиновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Нижний Новгород, 2009. – С. 92–96.
2. Хусаинов С. М. Некоторые особенности просветительской и реформаторской деятельности Ризаэтдина Фахретдинова // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы VII Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием), посвященной 95-летию видного ученого-тюрколога Э. Р. Тенишева. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. 448 с.
3. Фәхретдинов Р. Шишмә төрбәһе йәки тарихи бер бәхәс // Шура. – 1908. – №11. – 347-349-сы бб.
4. Фәхретдинов Р. Асар. Беренсе джуз. – Казан, 1900.

¹ Мәсьүл – һоралған, яуаплы.

² Мөхәммәдйәр мөфти – Мөхәммәтйәр Мөхәммәтшәриф улы Солтанов (1837–1915) – башкорт дин әһеле. Ырымбур мосолман Диниә назараты мөфтөйө (1886–1915).

³ Кенәз Голитсин – Голицын Александр Николаевич (1773–1844), 1803–1817 йылдарза Синод обер-прокуроры һәм Дини әштәр министры.

⁴ Дәрж – теркәү, әсенә һалуу.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУРАТА РАМЗИ В ОБЛАСТИ ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОЗНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Алмиев Р. М., магистрант Болгарской исламской академии,
г. Болгар, Республика Татарстан

Аннотация: *Творчество Мурада Рамзи остается недостаточно изученным. За свою жизнь он создал и опубликовал свыше 15 научных работ, множество статей и поэтических произведений. Его перо поражает разнообразием тем и жанров: от богословских вопросов до арабской грамматики, от комментариев к Корану до тюркского перевода этой священной книги. Самыми значимыми считаются его двухтомный исторический труд «Талфик ал-ахбар» и перевод сочинения «Мактубат аш-Шарифа» Ахмада ас-Сархинди аль-Фаруки с персидского на арабский язык.*

Ключевые слова: *ислам, суфизм, мактуб, шаригат, тарикат, молитва, истина*

М. Рамзи стал последователем накшбандийского тариката во время обучения в Средней Азии в 1875—1878 гг. Отправившись в хадж в 1878 г., он остается в Саудовской Аравии. Здесь он продолжал свое образование, становится последователем шейха Абд ал-Хамид эфенди ад-Дагистани (Мекка) и шейха Мухаммеда Мазхара (Медина). Учителя Мурата Рамзи поручили ему переводить с персидского на арабский язык сочинения «Рашахат айн ал-хайат» и «Ал-Мактубат аш-шарифа ...» Ахмада Ас-Сархинди Аль-Фаруки (1564–1624).

Перевод Мурата Рамзи «Священных писем ...» был издан в двух томах в 1899—1900 гг. в Мекке. Первый том

включает 312 писем, второй том — 122 письма. Эти письма заключают в себе разъяснения основ богословия, фикха и знаний по ат-Тасаввуфу.

Автор книги «Ал-Мактубат аш-шарифа ...» Ахмад Ас-Сархинди Аль-Фаруки является одним из величайших ученых ханафитского мазхаба. В труде «Мактубат имама Раббани» рассказывается, что шариат и тарикат – это одно и то же. Различия между ними существуют лишь при оценке видимыми критериями. Шариат более обобщающе, а тарикат более детален. Шариат можно постигать через доказательства (далиль), а хакикат – только через кашф. Любой тарикат основывается на шариате. Отклонение даже в величине в волосок невозможно. Тарикат — это наоборот, путь Сунны, почтение Сунны, выполнение Сунны полностью. Шейх Ахмад Ас-Сархинди объяснил, что шариат состоит из трёх частей: знания (ильм), деяния (амаль), чистота намерений (ихляс).

И если нет всех трёх частей, не будет и Шариата. Духовное странствие (Тарикат) и его плоды (Хакикат), о которых говорят суфии, – двое слуг Шариата. Они – средство совершенствования третьей части (Шариата) – ихляса. Единственная причина, по которой к ним следует стремиться, – усовершенствование Шариата, кроме которого ничего не нужно. Цель постижения разных стадий Тариката и Хакиката лишь одна – достичь истинного ихляса. Истина состоит в том, что достичь настоящего ихляса и степени довольства можно, лишь обретя эти состояния и пройдя через экстатические переживания.

Имам Раббани аль Ханафи в 76-ом письме в своем: «Мактубате», рассказывает что счастье – это быть достойным рая. Несчастье – это значит осуждённость на ад. Счастье и несчастье – это две сокровищницы Аллаха всевышнего. Ключ от первой сокровищницы – в молитвах и соблюдении законов вероучения, ключ – от второй сокровищницы в грехах и непокорности.

46-е письмо из первого тома Мактубат имама Раббани написано Накибу сайиду шейху Фариду. Он говорит то, что Аллах существует и Он один, что хазрат Мухаммад – Его Посланник мир ему и благословение Аллаха, а также все приказы и сообщения, которые он принес, истинны, — это факты так же явные, как и солнце.

Нет нужды раздумывать об этом, доказывать это. Но, дабы видеть это, необходимо, чтобы не было нездорового понимания (мудрика) или какой бы то ни было иной духовной болезни. Когда способность к постижению нарушена, не в порядке, необходимо думать, наблюдать. А если сердце избавится от своей болезни и завесы перед глазами упадут, человек увидит все это ясно. Например, желчный больной не чувствует вкуса сладости. Но когда он избавится от болезни, не будет нужды в каких-то свидетельствах, подтверждениях.

В суре «аш-Шамси» сказано: «Тот, кто очистил свой нафс (сделал тазкию), спасен. Тот, кто оставил свой нафс в грехе, невежестве и заблуждении, потерпел неудачу (понес потери)». Очевидно, что человек, который не верит в этот ясный и блестящий Шариат, болен, как тот, кто не чувствует вкуса сахара.

Перевод сочинения «Ал-Мактубат аш-шарифа ...» выполнен на высоком уровне, Мурат Рамзи смог передать глубокое смысловое содержание и поэтичность произведения Раббани аль Ханафи.

Список использованных источников и литературы

1. Гараева Н.Г. Сочинения накшбандийского тариката среди татар / Материалы Международной конференции «Суфизм в Иране и Центральной Азии» / Алматы, 2006.- С 289.;
2. Мактубат имама ар-Раббани [Электронный ресурс]. URL: <http://darulfikr.ru/story/term/856> (Дата обращения: 13.01.2024).

УДК 025.171:027.021(470.57)

ҺИРӘК КИТАПТАР ҺӘМ КУЛЬЯЗМАЛАР БҮЛЕГЕ ФОНДЫНДА РИЗАИТДИН ФӘХРЕТДИНОВ КОЛЛЕКЦИЯҒЫНДАҒЫ КИТАПТАР

Байғужин И.Ф., Башкортостан Республикаһының
Әхмәтзәки Вәлиди исемдәге Милли китапханаһы
кульязмалар һәм һирәк басмалар бүлегенең ғилми
хезмәткәре,

Өфө калаһы, Башкортостан

Аннотация: *В данной статье описаны изданные книги башкирского ученого востоковеда, просветителя и писателя Ризаитдина Фахретдинова, хранящиеся в фонде отдела рукописей и редких изданий Национальной библиотеки имени Ахметзаки Валиди Республики Башкортостан. Во вступительной части описаны печати, находящиеся в страницах книг фонда Фахретдинова и даны информации о их владельцах.*

Ключевые слова: *Ризаитдин Фахретдинов, фонд, книга, коллекция, печать, издание.*

Башкортостан Республикаһы Әхмәтзәки Вәлиди исемдәге Милли китапхананың һирәк китаптар һәм кульязмалар бүлеге фондында һакланған Ризаитдин Фәхретдиновтың басма китаптары коллекцияһының тулы исемлеге әзерләнде. Был исемлеккә авторҙың етмеш биш хезмәте карап, тикшерелеп, индерелде.

Ете китапты 1911 йылда Сәлимгәрәй Йәнтүрин, бишәүһен Фәтих Кәримов иғәнә итеп биргән, басмалар битендәге мисәт шуны күрһәтә. Иғәнә итеп бирелгән кайһы бер китаптарҙа фирмаларҙың да мисәттәре бар: «Изрисов, Ғәлиев һәм Ко» фирмаһы 1911 йыл (ете китапта), «Кәримов, Хөсәйенов һәм Ко» ширкәте

фирмаһы 1911 йыл (өс китапта), Ырымбурзағы «Кәримов, Хөсәйенов һәм Ко» ширкәте фирмаһы (дүрт китапта), «Хөзмәт» фирмаһы (өс китапта) һәм берешәр мисәт «Мәғәриф» ширкәте менән «Бертуған Кәримовтар» фирмаларынан.

Ризаитдин Фәхрәтдинов коллекцияһында бер конволют китаптың шәхси эйәһе, икенсе сакырылыш Дәүләт Думаһы депутаты, Өфө калаһының өсөнсө йәмиғ мәсете имам-хатибы Хәсәнов Мөхәммәдсабир Мөхәммәдйән улы булып тора. Касандыр «Асар»зың туғызынсы томы һәм «Исмәғил сәйәхәте» китаптарының сәхибе – билдәле ахун, мулла Әхтәмов Хәбибулла Абдулхак улы.

Кайһы бер бағмалар бүлек фондына башка китапханаларзан килеп ингән. Мәсәлә, беренсе йәмиғ мәсете «Ғосмания» мәзрәсәһенән (өс китапта мисәт), Бөрө өйәзенең Борай земствоһының халык укыу китапханаһынан килеп юлыккан китаптар бар. «Өфөләге дәрүл-мөғәллим» ойошмаһынан да мисәт тә бар, тик кайһы бер өлөшө мисәттең юйылыуы сәбәпле уны тулыһынса укыу мөмкин түгел. Ике китапта «Вақыт» гәзите контораһының мисәте куйылған.

Ризаитдин Фәхрәтдинов 1898–1906 йылдарза «Ғилми әхләк» тигән китаптар серияһын сығара. Ул үзе бер нисә тематик сығарылыштарға бүленә: «Нәсихәттәр», «Ғаилә» һәм «Тәрбиә мәсәләренә». Был китаптар йәмәғәтселектә, укыу-укытыу даирәһендә киң билдәлелек яулай, шул аркылы күптәре уларзың кабат-кабат бағтырылып сығарыла. Мәсәлә, китапхананың кульязмалар һәм һирәк китаптар фондында нәсихәттәрзең «беренсе»һенән дүртенсе (1904 й.) һәм унынсы (1916 й.) бағмалары һаклана. Шунан ғына күрәүбезсә лә балалар өсөн нәсихәт ун тапкыр сыккан тип әйтә алабыз.

Энциклопедик форматта язылған «Асар» йыйынтығына ингән әсәрзәрзең тулы коллекцияһы бүлек фондында урын алған.

Түбәндә кулъязмалар һәм һирәк китаптар бүлегендә һакланған Ризаитдин Фәхретдинов коллекцияһы әсәрзәренең тулы исемлеге килтерелә.

1888

1. Китабул-иғтибар. Асык төрки телендә. – Казан, 1888. – 95 б.

1897

1. «Сәғид». Урынбурғ шәһренә табғы улан «Сәғид» нәнәк джәмиғ үә имамларыны тағриф идән рисәләдер. – Казан: Типография Б.Л. Домбровского, 1897. – 32 б.

1898

1. Рихләте әл-Мәрджәни. – Казан: Типо-литография наследников М. Чирковой в Казани, 1898. – 30 б.

1899

1. Сәлимә, йәки Ғиффәт. – Казан: Типография Б.Л. Домбровский, 1899. – 80 б

2. Тәрбиәле хатун. Хөрмәтле ғалимлар асарындан жийлды. һәрбер өйдә, һәрбер хатун кулында, бу китабдан бер данәсе булынурга тейешледер. Казан: Типография Б.Л. Домбровского, 1899. – 30 б.

1900

1. Көрән вә табагат: Мәмләкәтемездә Көрән-Шәриф басдырмак хосусыдә беркәдәр мәғлүмәтдер. Күбесе Жәмиғ шәрғиә (субраниә)нең архивасындан алынмышдыр. – Казан: Типография торгового дома Братьев Каримовых, 1900. – 44 б.

1902

1. Әдәби тәғлим. (Ғилме әхлакдән икенсе жөз). – Ырымбур Типография М.–Ф. Г. Каримова, 1902. – 96 б.

2. Тәрбиәле хатун. (Ғилм әхләктән дүртенсе жөзә). Хөрмәтле ғалимлар асарындан жийлды. (Икенсе табғы). һәрбер өйдә, һәрбер хатун кулында, бу китабдан бер данәсе булынурга тейешледер. – Ырымбур: Типография Г. И. Каримова, 1902. – 30 б.

1903

1. Асар. Үз мәмләкәтемездә улған Ислам ғалимләрәнен тәржемә үә табәкәләре, тарихы вилядәт үә вафатлары, үә башка әхүәлләре хақында язылмыш бер китабдыр. Беренсе жөзә. – Казан: Типо-Литография императорского университета, 1900. – 32 б.

2. Асар. Мәмләкәтемездә улан Ислам ғалимләрәнен үә мәшһүр кемсәләрәнен тәржемә үә табәкәләре, тарихы вилядәт үә вафатлары, үә башка әхүәлләре хақында язылмыш бер китабдыр. Беренсе жилд. Икенсе жөзә. – Ырымбур: Типография Г.И. Каримова, 1901. – 58 б.

3. Асар. Мәмләкәтемездә улан Ислам ғалимләрәнен үә мәшһүр кемсәләрәнен тәржемә үә табәкәләре, тарихы вилядәт үә вафатлары, үә башка әхүәлләре хақында язылмыш бер китабдыр. Беренсе жилд. Өсөнсө жөзә. – Ырымбур: Типография М.-Ф. Г. Каримова, 1903. – 70 б.

4. Асар. Мәмләкәтемездә улан Ислам ғалимләрәнен үә мәшһүр кемсәләрәнен тәржемә үә табәкәләре, тарихы вилядәт үә вафатлары, үә башка әхүәлләре хақында язылмыш бер китабдыр. Беренсе жилд. Дүртенсе жөзә. – Ырымбур: Типография М.-Ф. Г. Каримова, 1903. – 45 б.

5. Моталәғә: Идарәи исламиәи Ырынбурғия үзәринә ғалимларымыз тарафындан никах хосусында язылан әфкәрләрәң холәсәсе джәмиғ иделән рисаләдер. Арбаб игтибар вә басиртә ғарде итмәк нитилә тәртиб иделде. Икенсе табға. – Ырымбур: Типография М-Ф. Каримова, 1903. – 92 б.

6. Исмәғил сәйәхәте. Бу комиссия, Русиядан (1701) нсе йыл сәфәр идеп, Афғанистан, Һиндостан, Хиджаз, Сүриә, Түркиә, дә узун бер сәйәхәт алмышдыр. – Казан: Лито-типография И. Н. Харитоновна, 1903. – 32 б.

7. Әсмә йәки Ғәмәл үә яза. (Һәр хоқуки мәхфүздер). – Ырымбур: Типо-литография М.-Ф. Г. Каримова, 1903. – 130 б.

1904

1. Асар. Мәмләкәтемездә улан Ислам ғалимләрәненң үә мәшһүр кемсәләренәненң тәржемә үә табәкәләре, тарихы вилядәт үә вафатлары, үә башка әхүәлләре хақында язылмыш бер китабдыр. Беренсе жилд. бишенсе жөзә. – Ырымбур: Типография М.-Ф.Г. Каримова, 1904. – 55 б.

2. Асар. Мәмләкәтемездә улан Ислам ғалимләрәненң үә мәшһүр кемсәләренәненң тәрджемә үә табәкәләре, тарихы вилядәт үә вафатлары, үә башка әхүәлләре хақында язылмыш бер китабдыр. Беренсе жилд. Алтынсы жөзә. – Ырымбур: Типография М.-Ф. Г. Каримова, 1904. – 78 б.

3. Асар. Мәмләкәтемездә улан Ислам ғалимләрәненң үә мәшһүр кемсәләренәненң тәрджемә үә табәкәләре, тарихы вилядәт үә вафатлары, үә башка әхүәлләре хақында язылмыш бер китабдыр. Беренсе жилд. Етенсе жөзә. – Ырымбур: Типография М.-Ф. Г. Каримова, 1904. – 72 б.

4. Асар. Мәмләкәтемездә улан Ислам ғалимләрәненң үә мәшһүр кемсәләренәненң тәрджемә үә табәкәләре, тарихы вилядәт үә вафатлары, үә башка әхүәлләре хақында язылмыш бер китабдыр. Беренсе жилд. Иигезенсе жөзә. – Ырымбур: Типография М.-Ф.Г. Каримова, – 1904. – 74 б.

5. Ғаилә. Йорт үә өй әсендә ғаилә вә жәмәғәтләр врвсында риғиә идергә тиюшле улан, ислам әдәбләринә баян идән кәрәкле бер рисәләдер. «Ғилми әхләк»тән 6 жөзә. 2 баһма. – Казан: Лито-типография И.Н. Харитоновә, 1904. – 60 б.

6. Мәшһүр хатунлар. Ислам әсәрләрендә үә әһле Ислам арасында мәшһүр улып, ошундақ ғилм йәки мал илә кәнде милләтемезә күбмә азмы хедмәт күстәрән хатунларың тәржемәи хәлләре бәйән иделән бер китабдыр. Қызым Зәйнәб өсән яззым. – Ырымбур: Типография М.-Ф.Г. Каримова, 1904. – 448 б.

7. Нәсихәт. Беренсе. Балалар өсән. (Ғилмә әхләктән етенсе жөзә). Дүртенсе табғы. – Казан: Лито-типография И.Н. Харитоновә, [1904]. – 40 б.

8. Сәлимә, йәки Ғиффәт. Икенсе баһма. – Казан: Лито-типография И.Н.Харитонова, 1904. – 48 б.

9. Тәрбиәле хатун. (Ғилм әхләктән дүртенсе жөзә). Хөрмәтле ғалимлар асарындан жийлды. (өсөнсө табғы). – Казан: Лито-типография И. Н. Харитонова, 1904. – 24 б.

1905

1. Асар. Мәмләкәтемездә улан Ислам ғалимләренәң үә мәшһүр кемсәләренәң тәржемә үә табәкәләре, тарихы вилядәт үә вафатлары, үә башка әхүәлләре хақында язылмыш бер китабдыр. Икенсе жилд. Туғызынсы жөзә. – Ырымбур: Типография М-Ф. Каримова, 1905. – 94 б.

2. Асар. Мәмләкәтемездә улан Ислам ғалимләренәң үә мәшһүр кемсәләренәң тәржемә үә табәкәләре, тарихы вилядәт үә вафатлары, үә башка әхүәлләре хақында язылмыш китабдыр. Икенсе жилд. Унынсы жөзә. – Ырымбур: Типография М-Ф. Каримова, 1905. – 88 б.

3. Асар. Мәмләкәтемездә улан Ислам ғалимләренәң үә мәшһүр кемсәләренәң тәрдемә үә табәкәләре, тарихы вилядәт үә вафатлары, үә башка әхүәлләре хақында язылмыш китабдыр. Икенсе жилд. Унберенсе жөзә. – Ырымбур: Типография М-Ф. Каримова, 1905. – 80 б.

4. Нәсихәт. Икенсе. Ялкыз кыз балалар өсөн «Ғилмә әхләк»тән һигезенсе жөзә. Икенсе табғы. – Казан: Лито-типография И.Н. Харитонова, 1905. – 28 б.

5. Тәрбиәле ана (Ғилми әхләктән өсөнсө жөзә). Асык ана телемездә язылмышдыр (Икенсе табғы). – Казан: Типография Т-го д. Бр. Каримовых, 1905. – 16 б.

1906

1. Русия мосолманларының ихтияжлары вә анлар хақында интикад [Карғалының Хәйрулла хәзрәт Ғоһманов илә Ғүмәр хәлфә Дәүләтьяровның мәктүбләренә–сөйәлләренә жауаб уларак каләмә алынмышдыр]. – Ырымбур: Типо-литография М.-Ф. Г. Каримова, [1906]. – 44 б.

2. Мәшһүр ирләр. Беренсе жөзө. Ибн Рәшд. Шәрк Рус джәридәсендә тафиркә суртәндә нәшер оландифа суң, ошбу рәүешдә рисәлә шәклендә табғы улынды. – Казан: Лито-типография И.Н. Харитонова, 1906. – 52 б.

1907

1. Асар: Мәмләкәтемездә улан Ислам ғалимләрәненң үә мәшһүр кемсәләренәненң тәржемә үә табәкәләре, тарихы вилядәт үә вафатлары, үә башка әхүәлләре хақында язылмыш бер китабдыр. Икенсе жилд. Уникенсе жөзә. – Ырымбур: Паровая типо-литография «Т-ва Каримов, Хусаинов и К^о», 1907. – 80 б.

2. Асар. Мәмләкәтемездә улан Ислам ғалимләрәненң үә мәшһүр кемсәләренәненң тәржемә үә табәкәләре, тарихы вилядәт үә вафатлары, үә башка әхүәлләре хақында язылмыш бер китабдыр. Икенсе жилд. Унәсәнсә жөзә. – Ырымбур: Паровая типо-литография «Т-ва Каримов, Хусаинов и К^о», 1907. – 80 б.

1908

1. Асар. Мәмләкәтемездә улан Ислам ғалимләрәненң үә мәшһүр кемсәләренәненң тәржемә үә табәкәләре, тарихы вәләдәт үә вафатлары, үә башка әхүәлләре хақында язылмыш бер китабдыр. Икенсе жилд. Ун дүртәнсә жөзә. – Ырымбур: Паровая типо-литография «Т-ва Каримов, Хусаинов и К^о о», 1908. – 80 б.

2. Асар. Мәмләкәтемездә улан Ислам ғалимләрәненң үә мәшһүр кемсәләренәненң тәржемә үә табәкәләре, тарихы вилядәт үә вафатлары, үә башка әхүәлләре хақында язылмыш бер китабдыр. Икенсе жилд. Ун бишәнсә жөзә. – Ырымбур: Паровая типо-литография «Т-ва Каримов, Хусаинов и К^о», 1908. – 72 б.

3. Мәктәб вә зәкәт; Хазина вә земство ярдамы: Әһле исламдың мәктәпләрәненә вә дини мәдрәсәләренә ислах итмәк, буның өчен лязим улачак байлыкың мәнбәгъләрәненә беркадәр тәфтиш итмәк хақында тәртип ителмеш бер

рисаләдер. – Ырымбур: Паровая типо-литография Т-ва Каримов, Хусинов и К^о, [1908]. – 64 с.

4. Әһле ғиәл. Кыз балалар вә хатунлар өчүн кәрәк улан әдәбләрне баян әйләмеш бер рисаләдер. «Ғилми әхләк»тән 2 жөзә. – Ырымбур: Паровая Типо-литография товарищества «Каримов, Хусаинов и К^о», 1908. – 28 б.

5. Исламлар хакында хөкүмәт тәдбирләре. Икенсе жөзә. – Ырымбур: Типо-лит. Т-ва Каримов, Хусаинов и К^о, 1908. – 56 б.

6. Мәшһүр ирләр. Икенсе жөзә. «Абу әл-Ғәлә әл-Мәғәрри». – Ырымбур: Паровая типо-литография «Т-ва Каримов, Хусаинов и К^о», 1908.–72 б.

7. Нәсихәт. Икенсе. Ялғыз кыз балалар өсөн. («Ғилме әхләк»тән һигезенсе жөзә). Өсөнсө табғы. – Казан: Электро-типография «Миллят», 1908. – 32 б.

8. Әзәби тәғлим. «Ғилме әхлак»тән дүртенсе жөзә. Икенсе табғы. – Казан: Электро-типография «Шараф», 1908. – 100 б.

1909

1. Ғаилә. Йорт үә өй әсендә ғаилә вә жәмәғәтләр арасында риғиә идергә тиюшле улан, ислам әдәбләрине баян идән кәрәкле бер рисаләдер. «Ғилми әхләк»тән 6 жөзә. 3 баһма. – Казан: Электро-типография Миллят, 1909. – 68 б.

2. Ғакидә. Кызым Зәйнәб өсөн яззым. (Икенсе табғы). – Ырымбур: Паровая типо-литография Т-ва «Каримов, Хусаинов и К^о», 1909. – 16 б.

3. Нәсихәт. Өсөнсө. Олуғлар үә бөйөкләр өсөн. (Ғилме әхләктән туғызынсы жөзә). Өсөнсө табғы. – Казан: Электро-типография «Миллят», 1909. – 40 б.

4. Шәкертлек әзәбе: Ғилем тәһсил иткән заманда шәкертләр өчен кәрәк улған нәрсәләр (әдәбләр) баян иделмешдер. «Ғилме әхлак»тән 5 жөзә. Алтынсы табғы. – Казан: Электро-типография «Миллят», 1909. – 48 б.

5. Тәрбиәле бала. (Ғилми әхләктән беренсе жөзә). Ибтидаи мәктәпләремездә беренсе синыйф шәкердләре укыр өсөн, асык ана телемездә язылмышдыр. Етенсе мәртәбә баһылыуы. – Казан: Электро-типография «Миллят», 1909. – 16 б.

6. Тәрбиәле хатун. (Ғилми әхләктән дүртенсе жөзә). Хөрмәтле ғалимлар асарындан жийылды. (Дүртенсе табғы). – Ырымбур: Типо-лит. Т-ва Каримов, Хусайнов и К°, 1909. – 24 б.

7. Мөхәммәд салуллаһи ғәләйһи үә сәләм. Ырымбур: Типография газ. «Вакт», 1909. – 64 б.

8. Мәшһүр ирләрдән өсөнсө жөзә. «Имам Ғазали». – Ырымбур: Типография газ. «Вакт», 1909. – 96 б.

1910

1. Ғилми хәдисдән: Китаб ситтә үә мөөллифләре. (Сәхих Бухари, Сәхих Мөслим, Сунан абу Дауыд, Джәмғи Тирмизи, Сунан Насаи, Сунан ибн Мәджә, Муатта Малик). Хәдис үә сөннәт ғалимләре кашында мәғруф улан китаб ситтә үә шәрехләре, мөөллифләренәң тәржемәи хәлләре, хәдис ғилме хакында бәғзе бер кәрәкле файдаларны мөштәмил рисәләдер. – Ырымбур: Типография газ. «Вакт», 1910. – 136 б.

2. Рәхмәте илаһия мәсьәләсе. «Хади әл-әрвах» китабындан иктибас ядланыб язылмышдыр. (Икенсе табғы). – Ырымбур: Типография газ. «Вакыт», 1910. – 16 б.

3. Тәүәрих аль-халифә. Ханкәрмән мөғәлимләрәндән Ғосман бин Хисамитдин әсәредер. – Казан: Электро-типография Т.Д. «Бр. Каримовы», 1910. – 66 б.

4. «Шура»ның «Тел ярышы». – Ырымбур: Типография газ. «Вакт», – 1910, 196 б.

5. Әһле-‘әйел. Кыз балалар үә хатунлар өсөн кәрәк улан әдәбләрне баян әйләмеш бер рисәләдер. «Ғилми әхләк»тән икенсе жөзә. (Икенсе табғы). – Ырымбур: Типография газ. «Вакт», 1910. – 28 б.

1911

1. Джәүамиғу-л кәләм. – Ырымбур: Электро-паровая лито-типография товарищества «Каримов, Хусинов и Ко», 1911. – 32 б.

2. Джәүамиғу-л кәләм. – Казан: Тип. В.Е. Казакова, – 1911. – 32 б.

3. Рәхмәте илаһия мәсьәләсе. «Хади әл-әрвах» китабындан иктибас ядланыб язылмышдыр. (3 басма). – Ырымбур: Типография газ. «Вакт», 1911. – 16 б.

4. Ғакидә. Өсөнсө табғы. – Ырымбур: Типография газ. «Вакт», 1911. – 16 б.

5. Ғайлә. Йорт үә өй эсендә ғайлә вә жәмәғәтләр арасында риғиә идергә тиюшле улан, ислам әдәбләрине баян идән кәрәкле бер рисәләдер. «Ғилми әхләк»тән 6 жөзә. 3 басма. – Казан: Электро-типография «Миллят», 1909. – 68 б.

6. Ибне Тәймия. (Вәләдәте 661 йыл 10 рабиғил әүәл - вафаты 728 йыл 20 Зөлкәғидәдә). Мәшһүр ирләр мәжмүғәсендән бишенсе жөзә. – Ырымбур: «Вақыт» матбағасы, 1911.–148 б.

7. Әхмәд бай (1837-1906). Русия мосолманлары файдасы өсөн ярым миллион сум микдарында вакф калдырмыш мәшһүр сәүдәгәр Әхмәд бай хакында язылмыш бер әсәрдер. Икенсе табғы. – Ырымбур: Типография газ. «Вакт», 1911. – 56 б.

8. Ғибадәте нисуан. Язу тануған йәш кыз балалар укыр өсөн. Беренсе китап. – Ырымбур: Электро-паровая лито-типография товарищества «Каримов, Хусаинов и Ко», [1911или1912]. – 16 б.

1912

1. Шәкертлек әзәбе: Ғилм тәхсил иткән заманда шәкертләр өсөн кәрәк улған әдәбләр баян иделмеш рисәләдер. Нигезенсе табғы. – Ырымбур: Типография газ. «Вакт», 1912. – 40 б.

2. Кыз балалар өсөн нәсихәт. Икенсе. (Алтынсы табғы). – Ырымбур: Типография газ. «Вакт», 1912. – 32 б.

3. Нәсихәт. Өсөнсө. Олуғлар өсөн. Бишенсе табғы. – Ырымбур: Типография газ. «Вакт», 1912. – 42 б.

4. Тәрбиәле бала. (Ғилми әхләктән беренсе жөзә). Ибтидаи мәктәпләрнең беренсе синиф шәкердләре өсөн. Туғызынсы мәртәбә басылды. – Ырымбур: Типография газ. «Вакт», 1912. – 16 б.

5. Тәрбиәле бала. Ибтидаи мәктәпләрнең беренсе синиф шәкердләре өсөн. Нигезенсе мәртәбә басылды. – Ырымбур: Типография газ. «Вакт», – 1912. 16 б.

6. Мөхәммәд салуллаһи ғәләйһи үә сәләм. Икенсе табғы. Ырымбур: Типография газ. «Вакт», 1912. – 64 б.

7. Ибн Ғәрәби. (Вәләдәте 560-1165дә – вафаты 638-1240дә). Мәшһүр ирләр мәжмүғәсендән дүртенсе жөзә. – Ырымбур: «Вакыт» матбағасы, 1912. – 146 б.

1913

1. Әхмәд Мидхәт әфәнде. (Вәләдәте 1844 - вафаты 1912) Мәшһүр ирләр мәбүғәсендән алтынсы жөзә. – Ырымбур: Типография газ. «Вакт», 1913. – 144 б.

1914

1. Дини вә ижтимағи мәсьәләләр. – Ырымбур: Типография газ. «Вакт», 1914. – 208 б.

1916

1. Нәсихәт. Беренсе. Балалар өсөн. Унынсы табғы. Ырымбур: Типография газ. «Вакт», 1916. – 36 б.

2. Нәсихәт. Икенсе. Кыз балалар өсөн. Нигезенсе табғы. – Ырымбур: Типография газ. «Вакт», 1916. – 32 б.

1917

1. Мәнасибе диния. «Альгаср Альджадид» жүнәлендә нәшер иделдеки суң айырым рисәлә сүрәтендә басылды. – Ырымбур: Электро-паровая лито-типография товарищества «Каримов, Хусайнов и К^о», [1917]. – 70 б.

**йыйынтықтың кушымтаһында мәкәләгә иллюстрациялар бирелә*

УДК 001.92:37:903.5(470.57)

**КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА МИШАРЕЙ
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ВЫЕЗДОВ
2022-2023 ГГ.)**

Матросов В.А., старший преподаватель Школы
востоковедения Высшей школы экономики,
г. Москва

Аннотация: *В рамках данного доклада приводятся предварительные итоги четырёх полевых выездов, осуществлённых небольшими группами преподавателей и студентов московских ВУЗов, на юго-восток Нижегородской области. Последний из выездов, направленный на оцифровку и попытку первичной классификации двух сельских архивов, позволил получить представление о том, что читали, покупали, привозили мишари на рубеже XIX-XX вв. (а также на протяжении XX в.).*

Представлены и первые попытки собственно классификации архива. Несмотря на большой объём (порядка 5,5 страниц оцифрованного текста), некоторые выводы относительно основных жанров, направлений книжной культуры можно сделать уже сейчас. Намечены перспективы дальнейшей работы с этим регионом, незаслуженно забытым многими исследователями, однако представляющим очевидный интерес для всех, кто занимается вопросами развития культуры народов Поволжья, и в частности, поволжского ислама.

Ключевые слова: *археография, этнография, полевые исследования, татары-мишари, Нижегородская область*

Район компактного расселения татар-мишарей на юго-востоке Нижегородской области зачастую незаслуженно оказывается вне фокуса внимания исследователей, занимающихся Поволжским регионом. На фоне Татарстана или даже Касимовского района Рязанской области мишари Нижегородчины традиционно остаются в тени, несмотря на довольно серьёзный вклад, который они сделали в общее развитие поволжской культуры – от деятельности Хусайна Фаизханова и до творчества Рашита Вагапова. Широкий пласт весьма примечательной литературы, написанной местными краеведами, к сожалению, доступен исследователям лишь в малой доле.

В период с августа 2022 г. по ноябрь 2023 г. состоялось четыре небольших полевых вылазки (каждая в пределах 3-7 дней), организованных сотрудниками и студентами НИУ ВШЭ, ГАУГН и РГГУ – арабистами и тюркологами. В общей сложности, в ходе этих вылазок нам удалось посетить 18 сёл и 9 мест, имеющих сакральное значение – два священных дерева (вяз Кургонсат между с. Шубино и с. Кочко-Пожарки, священная берёза на кладбище д. Красный Яр), два родника (Керемет в Кочко-Пожарках и родник под с. Чембилей), дом святого Садыка-абзи в д. Овечий Овраг, (предположительное) место захоронения павших в битве на реке Пьяне под с. Анда, кладбище шахидов между Пошатово и Семёновкой, хранилище уникальных по своему значению книг в с. Ключищи и валун Тараташ под Аткуково.

В ходе осуществления вылазок постепенно сместились акценты внимания экспедиционных групп. Выяснилось, что в последние годы прежние сакральные места постепенно теряют свою центральную функцию. Тропа к Тараташу, ещё видная летом 2022 г., летом 2023 г. была обнаружена практически заросшей, священная берёза

в Красном Яре – срубленной местными жителями. Опросы показали, что население Кочко-Пожарок не придаёт особого значения воде родника Керемет, а о «страшном дереве», вязе Кургонсат, имеет крайне приблизительное представление.

Среди причин подобного отхода от традиционных практик и убеждений можно смело назвать постепенное вытеснение форм «народного ислама» исламом более конвенциональны. В рамках этого процесса, по мере утраты значения прежними сакральными объектами, начало расти значение других элементов локальной культуры, и в первую очередь – архивов рукописных и старопечатных материалов, имеющихся во многих сёлах. В ходе полевых вылазок было зафиксировано по меньшей мере шесть подобных архивов; более-менее подробное знакомство участникам удалось произвести с четырьмя, два из них – частично оцифровать и начать описывать.

В этой связи было бы интересно поделиться предварительными выводами, сделанными в ходе начальных работ над упомянутыми архивами. В первую очередь, эти выводы будут касаться принципа, по которому архивы возникают, накапливаются, растут, во вторую – непосредственно их состава с точки зрения основных жанров и направлений, составлявших, по всей видимости, основу книжной культуры мишарей до революции.

Что касается первого вопроса, в формировании архива участвуют обычно все жители села, однако центральную осмысленную роль играет или имам, или наиболее авторитетный член общины – бабай, или, как, например, в с. Ендовищи, бабушка-апа. Жители села, обнаруживая в своём доме старые книги, относят их в мечеть или к местному бабаю, не представляя, что с ними можно делать. По мере накопления пачек бумаги, свёртков, пакетов формируется костяк архива.

Интересно, что имамы местных мечетей отдают себе отчёт в значимости старых книг, однако редко предпринимают усилия по их сохранению или, по крайней мере, улучшению условий хранения. Один из молодых хазратов рассказал в ходе личной беседы, что проходил практику в Булгаре, и там он проникся идеей сохранения старого наследия, в первую очередь – книжного. Тем не менее, материалы его коллекции хранятся в довольно плачевных условиях. Примечательно, что за полгода до этой беседы тот же имам предполагал, что единственный возможный выход – уничтожение книг путём сожжения (дозволенный шариатом способ уничтожения Корана). Взгляды местного молодого духовенства меняются, однако практические подходы и действия пока что отстают от этих изменений и требуют активной работы с духовенством.

Важным фактором в рамках подобной работы может стать недоверие со стороны ряда местных жителей к любым внешним исследователям. Если верить рассказам очевидцев, в 1970-80-е гг. по сёлам юго-востока Нижегородской области прошла волна археографических экспедиций, в основном из Казани и Москвы. Исследователи вывозили книжные коллекции с собой под предлогом исследования и дальнейшего возвращения в «родные» сёла, однако ни результатов их исследований, ни своего рукописного и старопечатного наследия местные жители после этого так и не увидели. Этим обусловлена настороженность, а в редких случаях – и неприязнь к проявлению интереса к книжным архивам со стороны представителей московских ВУЗов.

Это же устанавливает и некоторые рамки дальнейшей работы, в том числе, требует соблюдать полный отказ от попыток релокации архивов и коллекций, во избежание дальнейших конфликтов с местным населением. Условия хранения коллекций, их оцифровку и сортировку необходимо осуществлять «на месте».

Вопрос базовой типологии содержащихся в архивах произведений и основных их жанров оказался ещё интереснее. После первых двух полевых выездов и первичного поверхностного знакомства с рядом архивов участниками была выдвинута гипотеза о том, что костяк местных коллекций составляют (в порядке убывания степени частотности – и, возможно, популярности и распространённости в прежние времена):

1. Священный Коран или его фрагменты (от многих Коранов до нас дошло по одному-два листа или груда обрывков);

2. Трактат «ат-Тарика ал-Мухаммадийя» об основах исламского вероучения, в принципе крайне популярный во всём Поволжье;

3. Труды по ханафитскому фикху, в первую очередь касающиеся социальных сфер (брак, развод, похороны), практик поклонения и некоторых базовых этических вопросов;

4. Сочинения по арабской грамматике – «ал-Кафийя», «ал-Алфийя», «Ми'ат 'ауамил», также распространённые в регионе. К этой же категории относятся более редкие, но более красочные пособия по арабской фонетике. Пожалуй, сюда же можно отнести и более поздние учебники арабского и татарского, словари, простые разговорники.

5. Книги исторического характера, в основном, посвящённые истории тюркских народов в целом.

6. Материалы, связанные с генеалогиями, родословными, шеджере. В большинстве своём, имеют рукописный характер, не связаны с систематической печатью, многие оказываются вложены в другие книги.

7. Сочинения по различным областям науки. Арабоязычные и тюркоязычные учебники и пособия по физике, химии, кулинарии и т.д.

8. Рукописные материалы самого разного свойства, в большинстве своём – записи имамов о делах прихода (суммы пожертвований, списки посещавших кружок по чтению Корана или какой-нибудь мавлид), а также личная переписка.

Подобным образом представлялась мишарская книжная культура в целом. Однако небольшая вылазка, совершённая в ноябре 2023 г. в сёла Анда и Сафажай (Красная горка) с целью оцифровки, каталогизации и описи архивов, показала несколько иной расклад.

Подборка населённых пунктов осуществлялась в соответствии с доступностью архивов: в обоих сёлах в качестве основного информанта и проводника в мир рукописно-старопечатного наследия выступали местные имамы. Также учитывалось, что исторически оба села были весьма крупными: в Анде и сейчас впечатляют два кладбища на разных концах населённого пункта, а что касается Сафажая, то мы располагаем сведениями от местных жителей, согласно которым в селе до революции проживало порядка 6,5 тысяч человек, было 9 мечетей. При этом, Сафажай – единственный населённый пункт юго-востока Нижегородской области, в отношении которого указывается, что это суфийское село. Местные жители и не отрицают подобную оценку со стороны соседей.

В результате вылазки удалось оцифровать порядка 5,5 тыс. страниц рукописного и старопечатного текста. Работа над сортировкой и классификацией материала постепенно идёт; всего оцифрованный массив старопечатных изданий будет насчитывать несколько десятков единиц, рукописных – возможно, около сотни или более. В с. Анда удалось оцифровать около 4/5 архива, в Сафажае – 2/3 архива 5-й мечети. Поскольку есть сведения о наличии архивов в двух других мечетях села, представляется, что работа в Сафажае только началась.

И несмотря на то, что впереди ещё титанический труд по разбору, классификации и идентификации текстов, можно сразу сделать предварительный вывод: наша изначальная гипотеза касательно приоритетов мишарской книжной культуры и приведённая выше классификация источников по их частотности и культурной значимости оказались неверны.

В первую очередь, стоит отметить, что при тщательном обзоре материалов, в глаза бросается невысокая численность изданий Корана. В целом или обрывочном (иногда – по 1-2 листа) виде в Анде и в 5-й мечети Сафажая имеется лишь по 10-15 единиц хранения, непосредственно представляющих собой Священное Писание.

В то же время, на первый план вышла категория источников, пропущенная при первых поверхностных знакомствах с архивами мишарских сёл: переводная литература, Коран с параллельным переводом и толкованием на тюрки (по принципу, когда перевод и объяснение даются слово за словом, а не аят за аятом), а также чисто тюркоязычные тафсиры, в которых толкование даётся не пословно, а по аятам.

Даже в чуть большем объёме встречаются сочинения – примерно на две трети на тюрки или старотатарском, на треть на арабском, – связанные с пояснениями основ веры. Невозможно провести чёткую грань между догматикой (усул ад-дин), ритуальной составляющей (‘ибадат), прикладным правом (усул ал-фикх), они по сути формируют единый мощнейший пласт литературы, которой зачитывались обитатели мишарских сёл в период перед революцией. Обилие подобной литературы, в основном относящейся к одному периоду, позволяет предположить, что книги такого характера имелись не только в мечетях, но и в грамотных семьях.

Второй по важности пласт обнаруженной и идентифицированной литературы составляют всевозможные богословско-философские и этические сочинения – записи маджлисов, проходивших в Египте (там же опубликованных и оттуда же привезённых), довольно обширная подборка чистых этических наставлений (ал-ахлак), довольно прочно связанных по структуре и содержанию с фикхом и литературой, посвящённой бытовому поведению и мышлению мусульманина. Описи маджлисов в большей степени характерны для Анды, причём их несомненно суфийский характер позволяет говорить о том, что суфийские практики ранее были распространены шире, чем сейчас, и не ограничивались Сафажаем. Этика в чистом виде попадает и там, и там в равной степени; то же касается и языка. Если описи маджлисов напечатаны в Египте и целиком арабоязычны, то этические сочинения встречаются на обоих языках, чаще – на тюрки. В Сафажае можно встретить и сочинения, касающиеся как этики, так и этикета совершенно светского характера (адаб), в формате учебных пособий на тюрки.

Третий пласт формируют уже упомянутые экземпляры Коранов и двуязычные сочинения – переводы и тафсиры. К этой категории можно было бы отнести и уникальный для этих краёв текст Псалтири на арабском языке, обнаруженный в Сафажае. Псалтирь находится в довольно сносном состоянии, хотя страницы совершенно перемешаны, как будто листы тасовали наподобие колоды карт. Пометок, позволяющих пролить свет на причину заинтересованности в псалмах обитателей Сафажая, пока не обнаружено. Кроме того, стоит отметить и небольшой, но важный блок хадисов – на арабском или на тюрки, иногда на обоих языках сразу. Хадисы могут представлять собой и отдельные сборники, и своеобразные приложения и дополнения к литературе из первых двух пластов – к фикху, догматике, этике.

Четвёртый пласт – материалы, связанные с языком. В принципе, их состав (в большей степени, средневековые сочинения, в несколько меньшей – современные пособия) целиком соответствует первоначальному представлению, описанному выше. Примечательно, что ни в Анде, ни в Сафажае практически (исключение – рукописные материалы, о чём ниже) не были обнаружены пособия по фонетике, в том числе по таджвиду, который безусловно должен был составлять важную отрасль знаний.

Пятый – сочинения исторического характера. Важно отметить, что предварительные представления о том, что история тюркских народов составляет костяк этого пласта, не оправдались. Второй важной темой сквозит история исламской общины, довольно подробные сочинения затрагивают правление первых четырёх халифов, чуть более беглые – историю халифата в целом. Очевидно, в среде татар-мишарей существовал интерес к ранним стадиям становления исламской уммы и к чертам тех деятелей, имена которых упоминались в хадисах и на хутбах.

Шестой по количеству и значению пласт (в основном, представленный в Сафажае) оказался весьма неожиданным: была выявлена художественная литература, а также учебники по истории литературы, арабской и русской, на тюрки. С этим пластом предстоит разбираться: для понимания книжной культуры мишарей он, пожалуй, представляет наибольший интерес, и богатая картина – от «Демона» Лермонтова до сочинений турецких суфразжисток – встанет тогда перед глазами в полный рост.

Седьмой и последний крупный единый пласт – литература специального типа, связанная с теми или иными узкими областями, – также оказался не совсем ожидаемым. Чего стоил один только не идентифицированный пока что арабский томик 1960-х гг., без первых десятков страниц, о политическом устройстве мира! Эффективность ООН,

будущее социалистических режимов, характеристики западного строя и мира беспокоили кого-то из обитателей Сафажая настолько, что во второй половине XX в. они добыли эту книжицу на чистом арабском языке и весьма усердно её читали: на страницах видны следы пальцев, пятна от чая или кофе.

Наконец, стоит чуть подробнее сказать о рукописном наследии двух сёл. И если в том, что касалось старопечатных изданий, разница между архивами Анды и Сафажая была невелика, то в листах, исписанных самыми разными почерками, наблюдается очевидная несхожесть.

Рукописные коллекции из Анды почти полностью представлены частной перепиской – между близкими родственниками, друзьями, между имамами и их прихожанами. Также представлен, конечно, и пласт приходских рукописных документов, реже – документов личного характера (справки и выписки). Словом, рукописная коллекция Анды соответствовала изначальным ожиданиям.

Однако архивы Сафажая, насчитывающие 635 страниц текста и более 300 единиц хранения, более чем на 3/4 состоят из текстов культового характера. Переписанные от руки суры и хадисы, фрагменты тафсиров и сочинений по фикху, в основном выполнены очень аккуратно. Гораздо более «черновой» вид имеют хутбы – по случаю никяха и похорон, для благополучия новорождённого и для вызывания дождя в период засухи. Очевидно, эти тексты, которые вплоть до 1970-х гг. записывали на татарском языке арабицей, перемежая арабоязычными же вставками, использовались духовенством в качестве шпаргалок. Многие выполнены одной рукой, рукой некоего С. Сабитова (вероятно, местный имам, о личности которого необходимо будет расспросить жителей Сафажая в следующий заезд), или адресованы С. Сабитову.

Упорство в использовании арабицы в период, когда весь татарский мир был переведён на кириллицу, готовность тратить недели на переписывание и сохранение тем самым текстов, которые, возможно, не все дошли до нас в печатном виде, заставляют относиться к рукописному архиву Сафажая с особым уважением. Они же требуют и дальнейшей работы, чтобы узнать, кто были те люди, которые на протяжении советской эпохи старались поддержать арабоязычную и арабоязычную культуру среди села. Как связаны между собой элементы наследия религиозного с широким спектром других произведения – с турецкими суфразистками или политологическим учебником.

Словом, знакомство с двумя лишь архивами юго-востока Нижегородской области позволяет судить о том, что впереди – огромный объём работ. По мере того, как уходят в прошлое сакральные объекты, связанные с природными явлениями, и растёт значимость книг, необходимо классифицировать и разбирать эти архивы, помогать жителям мишарских сёл возрождать историческую память и историческую гордость.

В этом может быть залог сохранения и дальнейшего развития целой небольшой самобытной культуры и предмет интереса ряда учёных, равнодушных к истории и современному развитию народов Поволжья.

УДК 821.512.141.09

**СУФИЙСКОЕ ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ
СОДЕРЖАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ САЙФА САРАИ
«ГУЛИСТАН БИТ-ТЮРКИ»**

Мурзагулова З.Г., кандидат филологических наук, научный
сотрудник отдела рукописей и редких изданий
Национальной библиотеки им.А.-З. Валиди, г.Уфа,
Республика Башкортостан

Аннотация: *Тюркский поэт С. Сараи глубоко понимал суфийскую философию и литературу. Он в своем произведении «Цветущий сад по-тюркски» посредством поэтических образов сумел передать сложные научно-теоретические мысли, а также практический опыт суфиев. Автор изображает тонкие психологические процессы, происходящие в душе и разуме духовных искателей, анализирует нравственный облик вступивших на путь духовного поиска дервишей, их человеческую природу, образ жизни как важных факторов, оказывающих влияние на достижение ими божественного совершенства.*

Ключевые слова: *тюркская литература, суфизм, психологизм, поэзия, нравственность, духовность, совершенство, эмоция*

Перевод Сайфом Сараи знаменитого произведения персидского поэта-суфия Саади Ширази «Гулистан» (1258 г., «Страна цветов», перс. ناتسنگ: от слова «гуль», перс. لگ – цветок и «-стан») на тюркский язык является большим достижением его литературной деятельности. Обратимся к творчеству Саади, автора первоисточника указанного произведения Сайфа Сараи. Саади Ширази был членом

тариката Накшбандийа, учился в медресе г. Багдад – Низамийа, долгую часть жизни провел в скитаниях, путешествовал по разным странам. Книгу «Гулистан» он создает, основываясь на собственном жизненном опыте. Структура и язык данного труда, состоящего из занимательных хикаятов¹, достаточно просты. Но приведенный здесь художественный материал носит многоуровневый характер и состоит из нескольких пластов: его внешний пласт адресован образованному человеку и напоминает сборник нравственно-этических канонов, а тонкие внутренние пласты выполняют функцию практического руководства для представителей суфийских направлений.

Содержание этого сложного, разнопланового персидского произведения С. Сараи сумел передать в переводе поэтическим языком. Одни заметят, что в толкованиях хикаятов-хикметов² поднимаются социальные проблемы, другие – морально-этические, третьи же найдут в них сведения о безграничных возможностях человеческой психики, о явлениях метафизики.

В хикаятах первой главы дастана отражается жизнь как правителя, так и народа, как правителя, так и государства, раскрывается влияние личностных качеств правителя на судьбу страны и народа в целом. В следующих строках, например, говорится о том, к каким печальным последствиям может привести скверный характер султана:

¹ Хикаят (хикэйят) – литературный жанр. Прозаическое или поэтическое произведение, в основе которого лежит легенда или исторический факт. Возник и бытует в литературах народов Востока, в т.ч. в башкирской литературе.

² Хикмет (от араб.) – жанр восточной литературы, небольшое по объему, преимущественно поэтическое произведение, содержащее философскую или житейскую мудрость, поучительный вывод.

Золм кылса мәлик рэгыйәткә,
Ля жәрм, мәмләкәт хәраб булыр ¹.
(Если правитель совершит зло по отношению к народу,
это приведет государство к уничтожению)².

В хикаятах и изречениях мудрости также нашли отражение отношения везиров с султанами, общение правителей с образованными людьми, их наставления беднякам. Эти удивительные, поучительные, небольшие по объему произведения имеют большое значение в качестве сборника полезных, жизненных советов, адресованных правителям. В то же время, наряду с изображением жизни маликов, автор ведет философские рассуждения о таких тонких психологических проявлениях личности простого человека, как нафс и духовность. С. Сараи подвергает критике те отрицательные качества, которые ограничивают духовное развитие людей: тщеславие, надменность, распущенность, коварство, скупость, завистливость, корыстолюбие.

В дастане «Гулистан бит-тюрки» главы по своему внутреннему смыслу структурированы в соответствии с различными ступенями суфийского пути (шариат, тарикат, мағрифат, хакикат). По сути, первая глава – это художественное воплощение одной из ступеней суфийской пути – этапа нравственного очищения. В творчестве поэтов-суфиев понятие «сердце» применяется очень часто (Саади, Рудаки, Омар Хайям, Авиценна и др.). На языке суфиев понятие сердце воспринимается как одухотворенное сердце, которое все время вращается между тонким влиянием духа и грубым воздействием

¹ Сәйф Сараи. Гөлестан. Лирика. Дастан / Әсәрләрне басмага әзерләуче Миңнегулов Х.Й. – Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1999. –Б.93.

² Здесь и далее перевод З.Г. Мурзагуловой.

нафса. Это состояние-явление нашло подробное освещение в трудах авторитетного знатока суфизма Нурбахши ¹.

Во второй главе дастана, посвященной изображению жизни бедняков, сложные психологические переживания объясняются через деяния суфиев. В ней повествуется о сущности и особенностях ступени суфизма – тарикате. В глубокомысленных хикаятах, поэтических текстах анализируется конфликт между человеческой природой и нравственным обликом дервишей, вставших на путь духовного поиска, а также их ошибки и достижения. Через образные сравнения писатель мастерски разоблачает несоответствие внутренней сущности некоторых суфиев их делам:

Киеб хирка, йөрер заһид, азыб йул,
Ишәккә кидереб Кәгъбә тунын ул ².

(Надев хирку (халат дервиша), верующий с нечестными помыслами, подобен ослу в шубе Каабы).

Автор анализирует человеческую природу, образ жизни, нравственный облик вступивших на путь духовного поиска дервишей как важные факторы, оказывающие влияние на достижение ими божественного совершенства. В этой же главе говорится о сути многочисленных состояний, встречающихся на священном пути суфиев. Есть такие хикаяты, в которых образно отражаются психические состояния явления под названиями тауба, вара, зухд, факр, сабр, таваккул. Последнее состояние, самое совершенное из них, называется риза (согласен) или кәнәғәт (доволен).

¹ Нурбахши Джавад. Психология суфизма. – М.: Амрита-Русь, 2004. – С.158.

² Сәйф Сараи. Гөлестан. Лирика. Дастан / Әсәрләрне басмага әзерләуче Миңнегулов Х.Й. Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1999. –Б.93.

В дастане С. Сарай изображению данного состояния посвящена вся третья глава. Состояние довольствования достигается на самой высокой ступени суфизма. По мнению автора, довольствование – это «великие врата истины и это рай на земле»:

Эй, канагать, мәне баеткыл кем,
Сәндән олы жәһанда нигъмәт йук ¹.

*(Эй, довольство, что сделало меня богатым,
Во всей Вселенной нет сокровища ценней тебя).*

В состоянии довольствования суфий терпеливо, со смиренностью принимает и радости, и страдания как проявление Божьей воли. Причины многочисленных проявлений безнравственности, преступности связываются с низменными человеческими желаниями, с неумением людей довольствоваться малым. В хикаяте об одном бедняке, неожиданно ставшем богатым, герою не удается справиться со столь быстро обретенными материальными благами и он, встав на преступный путь, попадает в тюрьму. В произведении отмечается, как важно добывать средства на пропитание собственным трудом, подчеркивается значимость труда и работы в жизни человека:

Һәр бер ир бер эш өчендер, һәр бер эш бер ир өчен,
Мәслихәт ул: үз эшене эшлэгәй һәр зүфөнүн ².

*(Каждый мужчина рожден для определенного труда
(промысла), каждая работа предназначена мужчине.
Закономерно это: каждый человек должен заниматься
делом по душе).*

¹ Сәйф Сарай. Гөлестан. Лирика. Дастан / Әсәрләрне басмага әзерләүче Миңнегулов Х.Й. Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1999. –Б.127.

² Там же. С.143.

В произведении писатель определяет работу как средство воспитания человека; в целом любовь к труду автором оценивается как важный фактор на пути духовного развития. В пятой главе («Образ джигита в состоянии влюбленности») описывается самый высокий уровень суфийского пути – состояние восшествия на ступень истины. Достижение истины суфии возвышаются до понимания истинной сути бытия, поэтому-то в этом плане они называют себя «ахл-ак-хакика» («истинные люди бытия») ¹. На ступени истины суфий видит божественную действительность такой, какая она есть, образно говоря, «смотрит на самого Аллаха глазами Аллаха». В этом мистическом состоянии он чувствует себя подобно лишенному дара речи, влюбленному джигиту:

Качан күңлендә кылса гыйшк мәскән,
Әлифдән «би» вә «ти» не белмәгәйсән ².

(Когда в твоей душе любовь найдет причал, Ни «би», ни «ти» из Алифбы уже не вспомнишь ты (т.е. «если до этого ты знал Коран наизусть, то в состоянии влюбленности не сможешь произнести ни «би», ни «ти»)).

Тонкие состояния разума и духа, свойственные им в данный момент, автор раскрывает в нескольких строках:

Күреп ул ай бикин йөзне, сәңа булыб мән кол,
Йәнә олоттым үземне булып сиңә мәшгуль ³.

(Увидев лик, луне подобный, я стал твоим рабом, и вновь забыл я о себе, тобою поглощенный).

¹ Али-заде А.А. Тасаввуф // Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007. – 400 с.; Абу аль-Газали Абу Хамид. Исследования сокровенных тайн сердца. М.: Ансар, 2008. – 472 с.

² Сәйф Сараи. Гөлестан. Лирика. Дастан / Әсэрләрне басмага әзерләуче Миңнегулов Х.Й. – Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1999. – С.165.

³ Там же. С.165.

Как поясняют теологи исламской религии, на этом высоком духовном уровне искатель забывает о себе, он ощущает себя целиком растворенным во Вселенной (в Аллахе), для него не остается понятия «я»¹, поэтому иногда данное состояние изображают, сравнивая его с другим видом смерти.

Через произведение С. Сарай «Гулистан бит-тюрки» от начала до конца проходят красной нитью несколько мыслей. Во-первых, путь духовного развития каждый проходит по-своему, стезя духовного поиска, переживания каждого человека своеобразны, индивидуальны. Во-вторых, основная цель нравственного поиска – любовь. Человек после длительной, упорной работы над собой достигает уровня высокой нравственности – состояния всеобъемлющей любви; именно она и стремление бескорыстно служить человечеству становятся основным смыслом его жизни. В седьмой и восьмой главах дастана речь ведется об интеллектуальных возможностях человека. Проблема интеллекта освещается исходя из разных аспектов. Здесь классифицируются все те: кого природа не наделила умом, кому он дан от природы и кто при помощи своей старательности развил свой природный ум до уровня высокой интеллектуальности. Например:

Бер этне йиде тиниздэ йуса,
Чөн булды уш, пәлидрәк торыр.
Гыйса ишәген Хижазә илтеб килтерсә,
Йәнә һаман ишәк торыр².
*(Если даже в семи морях собаку искупаешь,
все равно ее не очистишь.*

¹ Абу аль-Газали Абу Хамид. Исследования сокровенных тайн сердца. М.: Ансар, 2008. – 472 с.

² Сәйф Сарай. Гөлестан. Лирика. Дастан / Әсәрләрне басмага әзерләүче Миңнегулов Х.Й. Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1999. –Б.195.

*Если приведешь осла Гайсы на Хадж,
все равно ослом так и останется).*

Даим зэр вэ сим таш эчендэ мәүжүд,
Лэкин каму таш эчендэ йуктыр зэр-ү сим ¹.
(*Золото и серебро всегда образуются внутри камней,
однако не в любых камнях есть золото и серебро*).

Произведение «Гулистан бит-тюрки» пронизано глубоким психологизмом. Здесь каждый религиозно-мистический термин отражает сложное психическое и эмоциональное состояние человека. Например, в понятия «бренность» и «вечность» вложена своеобразная картина конкретного цельного психико-интеллектуального состояния-явления человека. В воплощении образов можно наблюдать различные оттенки богатого на эмоции душевного мира индивида – в состоянии восхищения, удивления, сомнения, гнева, страха, равнодушия, агрессии и др. Писатели-суфии имели обыкновение отражать в своих произведениях психико-эмоциональные состояния людей посредством использования различных цветов. Основу данной теории суфизма заложил известный в Средней Азии и Египте суфий Нажмиддин Кубро ². В его теоретико-практической школе каждому этапу духовного развития человека соответствует свой цвет, например, белый – ислам, желтый – совесть, зеленый – цвет абсолютной веры. Цвета – это картина видения мюридом мира в определенные моменты его духовного развития. Согласно данной философии, сложилась традиция передавать различные уровни духовности через образ цветочного сада, состоящего из белых, желтых, красных, голубых цветов. В произведении Сайфа Сарай это звучит следующим образом:

¹ Сэйф Сарай. Гөлестан. Лирика. Дастан / Эсэрләрне басмага әзерләуче Миннегулов Х.Й. – Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1999. –Б. 201.

² Нурбахши Джавад. Психология суфизма. – М.: Амрита-Русь, 2004. – С.157.

Йэнэ килде йаңы эшжар хилгать,
Бизэнеб баг-у бостан тотты зиннэт.
Ботаклар алды бостандан йэнэ баж,
Чичэклэрдэн үренеб һәрбере таж¹.

*(С приходом весны
Приукрасился плодовый сад,
Ветки деревьев недели
Венок из разных цветов).*

Таким образом, Сайф Сараи был человеком, глубоко понимающим суфийскую философию и литературу. Тот факт, что он сумел передать сложные научно-теоретические и практические мысли посредством тонких поэтических образов, говорит о его высоком интеллекте и поэтическом мастерстве.

Список использованных источников и литературы

1. Али-заде А.А. Тасаввуф // Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007. – 400 с.
2. Абу аль-Газали Абу Хамид. Исследования сокровенных тайн сердца. – М.: Ансар, 2008. – 472 с.
3. Аль-Газали Абу Хамид. Весы деяний. – М.: Ансар, 2004. – 216 с.
4. Нажмиддин Кубро (Рисола). Тарикат куброси // Комилов Н. Тасаввуф. 2-нчи китоб. Тавхид асрори. – Ташкент: Адабиет ва санъат нашриети, 1999. 1– 51–188 бит (на узбек.яз.) (Нажмиддин Кубро. (Трактат). Возвеличитель тариката // Комилов Н. Тасаввуф. Кн. 2. –Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1999. – С. 151–188).
5. Нурбахши Джавад. Психология суфизма. – М.: Амрита-Русь, 2004. – 158 с.
6. Сэйф Сараи. Гөлестан. Лирика. Дастан / Эсэрләрне басмага эзерләүче Миңнегулов Х.Й. – Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1999. – 296 б.

¹ Сэйф Сараи. Гөлестан. Лирика. Дастан / Эсэрләрне басмага эзерләүче Миңнегулов Х.Й. – Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1999. – Б. 39.

**МӘХМУТ БИНЕ ҒӘЛИЗЕҢ «НӘҤЖ ӘЛ-ФӘРАДИС»
КИТАБЫНЫҢ ХУДОЖЕСТВО ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРЕ**

Мырзаголова З. Ғ., филология фәндәре кандидаты,
Әхмәтзәки Вәлиди исемендәге Милли китапхананың
кульязмалар һәм һирәк китаптар бүлегә ғилми хезмәткәре,
Өфө калаһы, Башкортостан Республикаһы

Аннотация: *Основное содержание тюркских религиозно-дидактических произведений направлено на поиски реализации гуманистических принципов истины, счастья. Авторы в своих произведениях стремились учесть социальные и психологические факторы воспитания.*

В книге «Нахж аль-фарадис» Махмута бине Гали выдвигались идеи, гуманного и гармоничного развития личности. Автор книги для усиления выразительности и убедительности речи воспользовался многочисленными художественными средствами как метафора, олицетворение, отрицание, утверждение.

Ключевые слова: *ислам, литература, дидактика, мораль, метод, психологизм, средства изображения, художественность*

XIII – XIV быуаттарза төрки һүз сәнғәтендә исламды нигезләүсә Мөхәммәт, уның сәхибәләре, хәлифтәр тураһында дини йөкмәткелә әсәрзәр киң таралыу ала. Дини-дидактик язма әсәрзәрзең сюжет-композиция королошонда билдәлә бер традицияны тотоу күзәтелә. Ғәзәттә, бындай китаптарза көрьәндән хәдис килтерелә, хәдискә аңлатма һәм билдәлә дин әһелдәренәң фекерзәрә бирелә, йөкмәтке ғибрәтлә, фәһемлә сюжеттар менән байытыла.

Текст төзөүзә схоластик метод неоплатонизм осоронан килә. Нуңынан Аристотель был методтың оҫтаһы буларак таныла. Схоластик алым үз эсенә хикәйәләүгә королған тексты һәм уға комментарий биреүзә ала. Ошо рәүешле текст төзөү формаһы дини китаптарға үтеп инә. Урта быуаттарза көнсығыш эзәбиәтендә ислам дине рухындағы схоластик хезмәттәр күпләп языла. Улар араһында Әбү Ғәли Синаның «Канун» хезмәте, Ибн Рушт язмалары бик популяр була.

Әбү Ғәли Сина китабында кешенең психофизиологик үзенсәлектәре буйынса яңы фекерзәр әйтелә, тәрбиә мәсьәләләре үзәккә куйыла. Ғәрәп, фарсы ғалимдары кешегә эзәп-әхләк кағизәләрен һендереү кәрәклегә идеяһын күтәреп сыға. Ошо рухта урта быуаттарза ғәрәп һәм фарсы телле көнсығыш, төрки эзәбиәттәрендә эзәп-әхләккә өндәгән бихисап дини-дидактик эсәрзәр ижад ителә. Был эсәрзәрзән тексы билдәле бер дини-тәрбиәүи канундарзы кеше аңына һендереү максатында төзөлөү сәбәпле һәр төрлө психологик деталдәргә бай була, автор эмоциональ әүземлегә менән айырылып тора. Мәхмүт бине Ғәлизән «Нәһж әл-Фәрадис» китабы быға асык миҫал.

«Нәһж әл-Фәрадис» китабы зур күләмле, дини-дидактик характерзағы сәсмә эсәр. Автор китаптың инеш өлөшөндә уның төзөлөшөн үзә аңлатып киткән: «Пәйғәмбәрзәр ғаләйһи әс-сәләм хәзистәрен эсенә алған ышаныслы китаптарзан, шул хәзистәргә окшатып кырк хәзис жәмиғ кылдык». Мәхмүт Болғари үзен был китапты «Жәмиғ кылыусы», йәғни китапты йыйыусы тип атаһа ла, уның эсәре туранан-тура һиндәйзәр бер китапты тәржемә итеү түгел. Автор ислам донъяһында билдәле булған ғалимдарзың егерме берзән артык эсәрзәренә таянып, оригиналь хезмәт язған.

Мәхмүт бине Ғәли – ул XIV быуат төрки эзәбиәтенен күренекле вәкиле, дин белгесе. Әзип һақында мәғлүмәттәр күп түгел. Уның тормошо, эшмәкәрлегә һақында беззән

көндөргө килеп еткән эсәре – «Нәһж әл-фәрадис» тексынан бер ни тиклем мәғлүмәт алырға мөмкин. Мәсәлән, ул һарай калаһында йәшәгән, ижад иткән, Болғар калаһында тыуған. «Нәһж әл-фәрадис» эсәренең Төркиә күсермәһендә Мәхмүт бине Ғәлиҙең 1360 йылдың 22 мартында вафат булыуы тураһында хәбәр ителә.

«Нәһж әл-фәрадис» эсәре композицион йәһәттән ислам дине хезмәттәре традицияһын һаҡлай. Эсәр өс өлөштән – моққадимә (инеш), төп өлөш һәм хәтимәнән тора. Эзип хезмәтенең инеш өлөшөндә эсәрҙең төзөлөшө үзенсәлеген үзе үк аңлатып биргән: «Тәкый бу китапны төрт баб үзә кылдык. Тәғмә бер фасыл әүвәлендә бер хәзис килтердүк, пәйғәмбәр хәдисләредин кем, мәжмугы кырык хәдис булып. Әүвәл бабы пәйғәмбәр фазаиленең бәйаны эчендә торыр. Икинч бабы хөләфа рәшидин, тәкый әһли бәйт һәм төрт имам фазаиленең бәйаны эчендә торыр. Учинч бабы Хак Тәгалә хәзрәтенә йавунгу изге ғәмәлләр бәйаны эчендә торыр. Төртинчи бабы Хак Тәғәлә хәзрәтедин ыратту йавыз ғәмәлләр бәйаны эчендә торыр»¹.

Китаптың «Нәһж әл-фәрадис» тигән атамаһы «Ожмахтарзың асык қапкаһы» тигән мәғәнәне бирә. Эзип был китапты укығандар китапса ғәмәл кылырзар, ожмахка эләгерзәр тигән өмөт менән ижад иткән. Һәр фасыл хәзистән башлана. Башта хәзис ғәрәп телендә килтерелә, шунан тәржемәһе бирелә. Фасылдың калған йөкмәткәһен килтерелгән хәзискә аңлатма биреү ала. Аңлатмаларында автор дини китаптарзан, тормоштан алынған хикмәтле, ғибрәтле хикәйәттәргә таяна. Ошондай композицион төзөлөш бөтә бүлектәр өсөн дә хас.

Китаптың беренсе бабында Мөхәммәт пәйғәмбәрҙең тормошон һәм эшмәкәрлеген тасуирлап үтеү төп мақсат булып тора. Бүлектә пәйғәмбәр тормошонан киң билдәлә хәл-вақиғаларзан иң әһәмиәтлеләре генә һайлап алынған.

¹ Мәхмүд әл-Болғари. Нәһжел-фәрадис / Эсәрне басмага әзерләүче Ф.Нуриева. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. – 17-18 бб.

Мажаралы, мистик һәм тарихи-биографик хәл-вакиғалар бергә укмаштырылып, Мөхәммәт пәйғәмбәр ғаләйһи әс-сәләмдең дини-сәйәси эшмәкәрлеген, уның шәхеслек портретын һәр яклап асыуға йүнәлтелгән. Ул бер яктан итәғәтле, әзәпле, матур күңелле ябай инсан буларак һүрәтләнһә, икенсе яктан ғәжәйеп кирамәт көстәргә эйә илаһи зат буларак та һынланыш ала.

Мөхәммәт пәйғәмбәр күрһәткән мөғжизәләр автор тарафынан Алла көзрәте буларак баһалана. Аз ғына ризыктың меңләгән кеше ашаһа ла һис кәмеһәүе, Кәғбәгә ислам дине дошмандарының бер нисек тә үтеп керә алмауы вакиғаларын һүрәтләү аша автор Мөхәммәт пәйғәмбәрҙең хак юлда Алла курсауында булыуын күрһәтә. Бүлектә хәл-вакиғалар тик мажараларҙан ғына тормай. Мөхәммәт пәйғәмбәрҙең ислам динен илдәр, халыктар араһында таратыуҙа каты каршылыктарға осрауы, күптәрҙең корбан китеүе реалы, драматик төстәрҙә һүрәтләнеш таба.

Әзип көнөнә биш тапкыр намаз укыу, ураза тотоу, хажға барыу кеүек ислам дине тәртиптәренең төзөлөүе, кабул ителеүе процесын яктыртыуға етди иғтибар бирә. Әсәрҙә һүрәтләнәүенсә, был тәртиптәр тизмәһе Мөхәммәт пәйғәмбәрҙең ете күк катына сәйәхәте ваҡытында Ибраһим, Ғайса, Муса һәм башка пәйғәмбәрҙәр менән осрашып фекерләшеүе, Алла менән әңгәмәләшеүе һөҙөмтәһендә барлыкка килгән. Мөхәммәт пәйғәмбәрҙең оймаһа һәм тамуҡка сәйәхәтен тасуирлау аша автор уның пәйғәмбәрлек һәм рәсүллек вазиғаһының асылын, максатын, бурыстарын төшөндөрә. Мәсәлән, тамуқтың каты ғазаптарына алдашкан, ғәйбәт һөйләгән, ришүәт алған, зина кылған, йәнә ике йөзлә әзәмдәр эләккәнән һүрәтләү менән әзип изгеләр алдында кешеләрҙә әхлаки йәһәттән тазартыу, уларҙы хак юлға әйзәү кеүек оло бурыстар тороуын күрһәтә. Ошо рәүешле икенсе бабта һүз барасак Мөхәммәт пәйғәмбәрҙең фекерҙәштәре булған тәүге хәлифтәр, изге сәхибәләр эшмәкәрлеге асылын,

әһмиәтен тулыһынса күз алдына бақтырыу өсөн анык йүнәләш бирелә.

Беренсе, икенсе бабтарза изге шәхестәр тормошо һәм эшмәкәрлеге хакында һүз барыу сәбәпле, автор хикәйәләүзә кеселеклелек, итәғәтлелек һаклаһа, өсөнсә һәм дүртенсе бабтарза иһә ул кәтғи, талапсан тәрбиәсе-моралист, үткер публицист сифатында сығыш яһай. Был авторзың китап укыусыларға Аллаға якынайтыусы (өсөнсә баб) һәм дә унан алыслатыусы ғәмәлдәрзе (дүртенсе баб) ныклап төшөндөрөүзе үзенәң әзиплек бурысы тип иһәпләүе менән аңлатылалыр. Ул изге ғәмәлдәрзең изгелеген, кире ғәмәлдәрзең насарлығын төшөндөрөү өсөн бик күп аргументтар килтерә. Бында әзиптең әхлаки проблемаға кағылышлы сығанактарзы төплә өйрәнәүен, дини-дидактик хезмәт ижад итеүзә үзенсәлекле үз методикаһын булдырыуын билдәләп үтергә кәрәк.

Без әсәрзә һәр төрлө мифик, реаль-тарихи образдар менән орашабыз. Уларзың кабатланмаһ үз йөззәре, холоктары бар. Автор йыш кына персонаждарының үзенсәлекле портретын да бирә. Күп оракта тышкы портрет образдарзың эске торошон асыуға йүнәлтелә. Мәсәлән, Мөхәммәт пәйғәмбәрзе ул бер нисә урында «матур йөзлә», «мөбәрәк йөзлә», «йөзә асык» кеүек һүззәр менән һүрәтләй. Уның тулы портреты былай бирелә: «күрекле йөзлә, татлы һүзлә, урта буйлы... һимез түгел, ябык түгел, бик хәрәкәтсән, тештәре һирәк, йөзә тулған айзай балкый...»¹.

Автор геройларының кейем-һалымдарына ла иғтибарлы. Ғүмәр хәлифтең тышкы киәфәте түбәндәгесә сағылыш таба: «Әй, бабам, бу жомгага ырақдин, якындин укуш сәхибәләр килгәй, тунығыз йугун суфдин иске торыр,

¹ Мәхмүд әл-Болғари. Нәһжел-фәрадис / Әсәрне басмага әзерләүче Ф.Нуриева. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. — Б. 36.

укуш йамаглары бар»¹. Йәғни, бында Ғүмәрзең калын йөндән эшләнгән, күп ямаузан торған бик иске кейемдә булыуы һүрәтләнә.

«Нәһж әл-фәрадис» әсәре образдарзың психологик кисерештәр байлығында һүрәтләнеше йәһәтенән осорзоң башка әсәрзәренән айырылып тора. Автор геройзарзың янып-көйөүзәрен, кыуаныстарын базык буяузар менән тасуирлай. Мәсәлән, шул ук Ғүмәрзең Абу Бәкерзең вафат булыуын ишетеп кайғырыуы былай һүрәтләнә: «...тәкый укуш йыглады... бихуш булды, мөнбәр үзә йыгылды. Сәхәбәләр күтәрделәр, мөнбәрдән төшөрделәр, тәкый эвенгә күтәрәп иләттеләр. Жомга намазын кылу белмәде»². Икенсе бер персонаждың хәл-торошо һүрәтләнешенә иғтибар итәйек: «Нәжаши күзендин катарат вә габарат күз йәшләре ага башлады. Андан соң сабыры-калары калмады...». Ошо рәүешле образдарзың уй-кисерештәре, рухи тороштары һүрәтләнеше укыусыны битараф калдырмай, ул геройзар менән бергә борсола, көйөнә, һөйөнә.

Китапта өгөт-нәсихәткә королған телмәр текстары бик көсөргәнешле, тығыз ойошторолған. Автор үз хикәйәләрендә эмоциональ булып кала, билдәле бер фекерзе кат-кат дәлилләй, фекерзе нигезләрзәй сюжеттарға йыш мөрәжәғәт итә. Мәсәлән, сабыр итә белмәүзең, насар юлға басыузың, бозок кылыктарзың эзәтләре автор тарафынан бик ныкышмалы фашлана. Ул был хикәйәләүзәренә үзенә барлык ғилемен, зиһенен, ныклы инаныузарын, усаллығын һала. Автор теге йәки был кире һызаттарзы тәнкитләгәндә, үзенә фекерен укыусы күнеленә еткерер өсөн, тормоштан йәки тормошсан булмаған, мистик характерзағы миһалдарзы килтерә бара.

¹ Мәхмүд әл-Болғари. Нәһжел-фәрадис / Әсәрне басмага әзерләүче Ф.Нуриева. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. – Б. 104.

² Шунда ук. 104-се бит.

Был – ислам динендө кеше инандырыузағы бик эффектлы алым. Ғәйәт күп миҫалдар, иллюстрациялар менән фекерзәрзе нығытыу тыңлаусыны ышандырыу өсөн кәрәк.

Китап авторы һәр бер кире күренеште, сифатты күрһәтеп кенә калмай, уны бөтөрөү өстөндө эшләргә кәрәклеген, башкаларзы ла тәрбиәләү фарызлығын кат-кат иҫкәртә бара. Был кире сифаттарзы, ғәмәлдәрзән тамырзарын тәрәндән юллай. Боронғо мифтарға мөрәжәғәт итә, тәүге пәйғәмбәрзәр тарихына күз һала, унан килеп үзе йәшәгән осор кешеләр тормошонан миҫалдар килтерә.

Хезмәттә ақылды томалаусы кире күренештәрзән азат булыуға сакырыу, зиһенде үстөрөү кәрәклегә актуаль куйыла. Әзип, мәсәлән, күп йоклаузы бик насар ғәзәт тип карай. Күп ашау, күп йоклау кеше зиһенен томалаусы, әүземлеген юкка сығарыусы алама ғәзәттәр буларак укыусы күнеленә һендерелә. Әсәрзән миҫал килтерәйек: «Байазид-и Бистамикка сәәл кылдылар: «Йә шәйех, ни берлә таптың бу мәғрифәтне?» – тип әйтделәр әрсә, шәйех әйде: «Карын берлә, ялангач тән берлә», – тине». Йәнә бер кызыклы миҫал: «Ибраһим Нәхғый Рәхмәтуллаһи Галайһи әйткән: «Төшөмдә пәйғәмбәр ғаләйһи әс-сәләмдә күрзем дә һораным: «Йә, Рәсулуллаһи, ғилемдән ни ишәһәм онотамдыр, ни эшләргә миңә ғилемдә онотмаҫка?». Ул миңә әйтте: «Йә, Ибраһим, тәғмә бер фарыз намазка бер абдәс кылғыл, тәғмә йунмышта ағзыңа мәсвак сөртгел, тәгамны аз аша, аз йокла».

Әсәрзә укыусыға эмоциональ тәҫсир яһаузың бер нисә алымын күзәтергә мөмкин. Автор кешеләрзән куркыу, һокланыу кеүек тойғоларына йыш баһым яһай. Был бигерәк тә ожмахты һәм тамукты тасуирлаған картиналарза асык сағыла. Ожмахты әзип ләззәтләнеп китеп, тәмләп һүрәтләй: шишмәләре һөттәй ақ, балдай татлы, ә уның ярзарында ынйыташ, якут, зөбәржәт куббалар бар, бик күп алтын-көмөш һауыт-һабалар

куйылған. Өлбиттә, бындай мөгжизәле донъяға изге гәмәлдәр аткарып кына эләгергә мөмкин. Тамук, киреһенсә, кот оскос куркыныс һүрәттә һынланыш ала. Өзәм балаһы, унда барып капмаҫ өсөн, был тормошта гонаһлыктар кылыузан бик нык куркырға тейеш.

Мәхмүт бине Ғәлизең «Нәһж әл-фәрадис» әсәре – ислам дине тарихы һәм теорияһы буйынса бай мәғлүмәттәр туплаған, сағыу иллюстрациялар менән байытылған энциклопедик характерзағы әһәмиәтле хезмәт. Шул ук вақытта ул үзенәң идея-эстетик тәбиғәте, художество үзенсәлектәре йәһәтенән урта быуаттар төрки әзәбиәтенәң күркәм бер казанышы дәрәжәһенә лә дәғүә итә.

Кулланылған сығанактар һәм әзәбиәт исемлеге

1. Абилов Ш. О новонайденных списках памятника XIV века «Нахдж ал-фарадис» // Советская тюркология. – 1977. – №2. – С.69–73.
2. Мәхмүд әл-Болғари. Нәһжел-фәрадис / Әсәрне басмага әзерләүче Ф.Нуриева. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. – 384 бит.
3. Нуриева Ф. «Нахдж ал-фарадис» Махмуда ал-Булғари. – Казань: Фән, 1999.

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О
ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ ИНШАЛЛАХ-ХАНА
ИНША¹**

Саитбатталов И. Р., кандидат филологических наук,
вед. специалист УУНиТ
г. Уфа, Республика Башкортостан

Аннотация: *Статья посвящена предварительному описанию и количественному анализу поэтических произведений на языке тюрки индийского поэта и филолога Иншаллах-хана Инша (1752–1817). Материалом для исследования выступают тексты, включённые в его Куллийат – полное собрание стихотворений. В рамках исследования обсуждается жанровая принадлежность его тюркоязычных произведений, их связь с контекстом, представленном произведениями на персидском языке и языке урду, даётся краткая лингвистическая характеристика. Обращение Иншаллах-хана к литературному творчеству на языке тюрки рассматривается в контексте биографических данных о поэте и сведений о его происхождении. Язык его произведений рассматривается в сопоставлении с бытовавшим в сопредельных регионах Центральной Азии литературным чагатайским языком и присутствовавшим на территории Ирака и Ирана языком турки-йи ‘аджами.*

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01061, <https://rscf.ru/project/23-78-01061/>

Ключевые слова: *Империя Великих Моголов, Иншаллах-хан Инша, тюркская литература в Индии, тюркские языки в Индии, чагатайский язык, язык тюрки.*

Хотя носители тюркских языков присутствовали в Индии, начиная с XI в., и с этого времени играли значительную роль в общественной жизни мусульманских государств, существовавших на её территории, традиция письменной фиксации тюркской лексики возникла на Субконтиненте только в XIV в. [2, р. 229], а тюркоязычная литературная традиция укоренилась с возникновением Империи Великих Моголов, основатель которой Бабур сам был одарённым поэтом и теоретиком литературы. Если представители первых поколений монгольской знати не только владели тюркским языком и создавали оригинальные произведения крупного объёма (авторами диванов были сам Бабур, его второй сын Камран-мирза, регент при малолетнем шахе Акбаре Байрам Хан-и Ханан), то в течение XVII в. сфера использования тюркского языка в качестве домашнего языка правящей династии и знати постепенно сужалась, а его функционирование поддерживалось за счёт миграции в Индию выходцев из других регионов. Хотя оригинальных литературных произведений в это время было создано немного, вплоть до окончательной ликвидации Империи Великих Моголов в ней создавались тюркские словари и грамматики на арабском и персидском языках, а во второй половине XVIII в. к тюркскому языку в своём творчестве обратилась целая группа поэтов разного происхождения, находившихся на службе навабам княжества Авадх (Аудх) в северо-восточной Индии [Ibid., р. 244–246].

Одним из них был поэт и филолог Иншаллах-хан б. Машаллах-хан, писавший под псевдонимом (перс. tahallus)

Инша ‘сочинение’ (перс. Inšā’ Allah xān Inšā’; 1752–1817), происходивший из рода потомков пророка Мухаммада (ар. sauyid), прибывших в Индию из Наджафа (совр. Ирак) или Самарканда (совр. Узбекистан) [1], то есть из регионов со значительным тюркским присутствием. Уроженец города Муршидабада в Бенгалии, Инша начал свою карьеру в Дели, служил при дворе императора Шах ‘Алама II (правил в 1759–1806), после захвата Дели афганцами 1788 г. переехал в Лакхнау, где стал придворным поэтом навабов Авадха, в конце жизни впал в немилость и умер в бедности [Ibid.].

Творческое наследие Инша многообразно и включает диван (собрание стихотворений, сгруппированных в алфавитном порядке рифм) газелей на персидском и урду, маснави, кит‘а, руба‘и, касиды, мухаммас, загадки, приключенческую повесть «Рани Кетаку ки Кахане» ‘Повесть о Рани Кетаку’ в прозе и первую грамматику урду «Дарйа-йи латафат» ‘Море изящества’ (составлена в 1807 г. в соавторстве с мирзой Мухаммадом Хасаном Катилом).

Столь же широк языковой диапазон его творчества: Инша сочинял стихи на арабском, пашто, пенджабском, персидском, тюркском и разных диалектах урду, нередко комбинируя их в рамках одного текста. Такая полифония отражает, с одной стороны, языковой ландшафт Индии и врожденное чувство языка поэта, образно описанное одним из первых историков литературы урду Мухаммадом Хусайном Азадом (1830–1810): «Языки Индии подобны его служанкам. Вот он останавливается в Пенджабе, вот он сидит и ведёт беседу на Востоке. Вот он житель страны Брэджд, а вот — маратха, кашмирец, афганец. И на всех этих языках он что-то сочинил» [1]. С другой стороны, переключение языковых кодов было частью поэтической техники Инша и служило более полному и объёмному выражению его мысли [Ibid.]. Ряд его поэтических текстов,

в которых комбинируется до пяти языков, представляет собой образец изысканной языковой игры, требующей большого мастерства и пронизательности как от автора, так и от читателя.

Тюркские тексты разбросаны по всему его куллийату и, как правило, выделены заглавиями *ši'g-i turkī* 'стих на тюркском' и другими схожими формулировками. Их объём не превышает одной строфы, а количество возрастает к концу собрания. Этот факт связан с традиционной композицией собраний-куллийатов, которые начинались с чётко структурированных диванов и завершались подборками небольших по объёму стихотворений.

1) *ši'g-i turkī* 'стих на тюркском' из одного бейта, разделяющий газели на урду с рифмами на харфы *kāf*-и фарси и лам [3, p. 79];

2) *aš'āg-i turkī* 'стихи на тюркском' из двух бейтов в составе «Касиды без точек о подвигах повелителя правоверных, называемой устной» [Ibid., p. 226];

3) не выделенные специально полтора бейта в составе оды «Разница в годах» [Ibid., p. 255], представляющие собой прямую речь царя Туркестана;

4) *ši'g-i turkī* 'стих на тюркском' из одного бейта в составе главки «Описание лошади» в поэме «Книга об охоте» [Ibid., p. 350],

5) две загадки (*čīstān ba-zabān-i turkī* 'загадка на тюркском языке') из трёх и двух бейтов соответственно [Ibid., p. 415],

6) тюркоязычные фрагменты в «Пятистишиях на индийском, персидском, тюркском, арабском и пенджабском языках» общим объёмом порядка двадцати слов [Ibid., p. 420–421].

Из этого списка явствует, что все тюркоязычные тексты Инша имеют крайне небольшой объём, выступают средствами разграничения между фрагментами на других

языках (стихи 1, 2, 3), компонентами языковой игры (стихи 4 и 6), представляют собой самостоятельные функциональные тексты (загадки).

Лингвистическая интерпретация поэтических произведений Инша затруднена двумя обстоятельствами. С одной стороны, поэтическая форма ограничивает средства языкового выражения и предопределяет использование нестандартных синтаксических средств; с другой, доступные издания его сочинений представляют собой литографии, основы для которых переписаны каллиграфами, не владевшими, по-видимому, тюркским языком, поэтому в текстах присутствуют тёмные места, прочтение которых даже на уровне графем имеет предположительный характер. Языковая компетенция поэта при этом не вызывает сомнений: автограф его «Тюркского дневника» (перс. *Turkī Rūz-nāma*) написан богатым образным языком и свидетельствует о сформированной способности свободно и связно излагать сложные мысли [4]. Орфография стихотворений Инша на тюркском языке тяготеет к среднеазиатскому (чагатайскому) стандарту: налицо тенденция к отражению всех гласных в слове, знаки для эмфатических согласных в тюркских словах не присутствуют, ряд грамматических категорий оформляется типично карлукскими показателями (*andīn* ‘от него’, *keladūr yadīmğa* ‘приходит мне на память’), примеры огузских форм единичны (*yāğa* ‘в сторону’, *ōlmasūn* ‘да не будет’).

Специфическими чертами орфографии текстов Инша являются написание начального алиф без мадды в словах с заднеязычными гласными, написание деепричастий на -b без предшествующей губной гласной (*alīb* вместо ожидаемого *ālīb* ‘взяв’), графическое отражение ассимиляции согласных в глаголах прошедшего времени (*çīktī* вместо ожидаемого *çīkdī* ‘вышел’). Использование

с переднеязычными основами заднеязычных показателей (tīlīga ‘на его язык’) и рифмы типа uşıl — kızıl ‘зелёный — красный’ позволяют предположить, что тюркский язык Инша был несингармоническим.

Лексика исследуемых текстов резко отличает их от чагатайских и ближневосточных: за исключением случаев языковой игры, построенной на сознательном комбинировании элементов разного происхождения, тюркоязычные стихотворения Инша выстроены из исконной лексики и старых заимствований, не выбивающейся из общей языковой ткани: mena mawķūf wakil dīrsa Tañgī-yi hulq / Ōlmaskī halq-i cihān ĩcra sendik ādam ‘Если скажет Бог сотворённых: «Вот оставленный наместник», / Не будет среди тварей Вселенной подобного тебе мужа’. Такой подход к лексике реализует пуристический взгляд на языки, характерный для Инша, написавшего «Повесть о Рани Кетаку», не прибегая к арабским и персидским заимствованиям.

В целом, язык текстов поэта на тюрки позволяет предположить, что основным способом приобщения мусульманских интеллектуалов Индии к тюркской речи был устный, а влияние предшествующей традиции — относительно слабым.

Список использованных источников и литературы

1. Āzād, M.H., Pritchett, F.W., & Faruqi, S.R. (2001). Āb-e ḥayāt: shaping the canon of Urdu poetry. 474 pp. <https://dsal.uchicago.edu/books/PK2155.H8413/index.html>
2. Inšā, Inšā’ Allah xān. (1876) Kulliyāt-i Inšā’. Lukhnow Munshi Nawal Kishore. 450 pp.
3. Péri, Benedek. (2017). Turkish Language and Literature in Medieval and Early Modern India. In book: Turks in the Indian Subcontinent, Central and West Asia. Pp. 227–262.
4. Rampur Raza Library. Turki-155. 24 ff.

**ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЖАНРА ПАРСЫ В
БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДО НАЧАЛА XX
ВЕКА**

Салаватова Ф.Р., кандидат филологических наук, доцент
УУНиТ,

Уфа, Республика Башкортостан

Аннотация: *Проблема формирования и развития жанров приобретает в современном литературоведении все большее значение в качестве одного из ведущих факторов, в наибольшей мере характеризующих процессы, происходящие в той или иной литературе. В частности, можно отметить, что в литературоведении народов России в последние десятилетия все большее место начинают занимать малые по форме, емкие по содержанию литературные жанры. Одним из таких жанров является парса.*

Необходимость проведения подобного рода исследований, когда современная башкирская литература переживает чрезвычайно интересный, сложный и далеко неоднозначный период своего развития, эта работа предопределяет актуальность и неизбежность комплексных исследований, направленных на детальный анализ места того или иного малого жанра в системе жанров литературы.

Ключевые слова: *Жанр, процесс, система, произведения, период.*

Жанр – категория историческая. Появившись в определенную эпоху, приобретая характерные особенности, отличающие его от других жанров,

сформировавшись как нечто самодостаточное, он, тем не менее, продолжает развиваться. В те или иные исторические периоды отдельные литературные жанры приобретают ведущее значение, определяют характер и формы существования художественных произведений. И этот процесс непрерывного становления и развития жанра, обогащения его новыми возможностями, постепенного изменения идейно-эстетических, социально-политических и других свойств можно наблюдать во всех литературах без исключения.

Система малых форм данного периода развития башкирской литературы включает десятки форм. Это например, такие жанры, как хикмет, хикайат, хикайа, мадхия, марсия, газель, рубаи, китга, парса, насер, масаль, тамсил, латифа и др. Некоторые из них в настоящее время в башкирской литературе уже почти не используются и представляют в основном исторический интерес. В то время как другие жанры, наоборот, обрели «второе дыхание».

Одним из таких жанров является и «парса». «Парса» в переводе с персидского означает: 1) отрывок, кусок; 2) маленькое, поэтическое или прозаическое произведение. По словам мастера этого жанра Г. Хусаинова, «В основе парсы лежит миниатюрная деталь. Она и порождает литературно-художественный кристалл произведения, сочетаясь с другими средствами организации текста» [4, с. 245]. По объему парса может быть различной.

«Парса близка к таким жанрам восточной литературы, бытовавшим и в дореволюционной башкирской литературе, как хикмет, китга, а также миниатюре, распространенной в западной литературе» [1, с. 252], – пишет ученый Р. Бикбаев.

Таким образом, термин «парса» применяется для обозначения небольшого по объему поэтического или прозаического произведения, которое построено на основе

одной небольшой художественной детали и характеризуется композиционной и тематической целостностью. Содержание парсы обычно бывает философского характера, в ней скрывается затейливое, хитроумное высказывание.

Становление жанра «парса» в башкирской литературе происходило под значительным влиянием таких представителей восточной литературы, как Рудаки, Хайям, Руми и др. Сами эти поэты к жанру парсы обращались сравнительно мало, поскольку развивали и использовали в своем творчестве другие лирические и эпические жанры: рубаи, китга, газель, касыда, масневи и др. Однако для понимания специфики парсы, в частности в системе жанров башкирской литературы, необходимо четко представлять генезис этого жанра и его взаимосвязь с жанровыми формами и восточной литературы.

Одним из древнейших жанров восточной поэзии является рубаи. Рубаи (с арабского – четверостишие) – один из самых распространенных лирических жанров средневековой восточной поэзии. Это лирическое стихотворение философского, нравственного, общественно-политического или любовного содержания, состоящее лишь из четырех стихотворных строк. Характерной особенностью рубаи является выражение лирического начала с преобладанием философских размышлений и обобщений. Рубаи получил всемирную известность благодаря Омару Хайяму, в творчестве которого он приобрел свои классические черты. Однако нельзя говорить, что этот жанр использовался исключительно в ираноязычной литературе или характерен только для ираноязычной литературы. Широкому его распространению в тюркоязычной литературе способствовало, в частности, то обстоятельство, что в фольклоре тюркских народов еще до IX–X вв. также широко было распространено использование стихотворных

четверостиший для афористического выражения философских размышлений и сентенций. Из тюркских поэтов в жанре рубаи писали свои произведения такие поэты и мыслители, как Махмуд Кашгарский, Ахмет Ясави, Сулейман Бақыргани, Хорезми, Сайф Сарай, Акмулла, Кандалий, Дердменд, Бабич и многие другие. Литературоведы отмечают, что рубаи представляет собой один из миниатюрных жанров, построенных, как правило, по схеме а-а-б-а, реже по схеме а-а-а-а.

Другим не менее распространенным в древности лирическим жанром была и китга. Ее происхождение тоже связывают как с ираноязычной литературой, так и с фольклорными жанрами тюркских народов. Китга используется для создания небольших стихотворений философского или дидактического характера. Как и в рубаи, в жанре китга поэт мог обращаться к различным темам: от мировоззренческо-философских проблем до вполне незначительных эпизодов своей личной жизни. Для жанра китга наиболее свойственна жесткая логическая связь компонентов, что обеспечивает единство и целостность стиха, причем этот жанр не имеет своей строго определенной формы, стихотворного размера, темы, как другие жанры.

По своим жанровым признакам китга очень близка широко распространенному в западной литературе жанру миниатюры, которого также как и китга довольно сложно определить по каким-либо формальным признакам. Несомненно, что миниатюра восходит к устному народному творчеству, к пословицам и поговоркам, где в лапидарной, афористической форме выражается отношение к какому-либо событию, явлению и т.п. Так, в рамках башкирской литературы миниатюры представляют собой лирические произведения-афоризмы, содержащие остроумную сентенцию философского

характера. Как отмечает И.С. Мальмберг [2, с. 24], в европейской поэзии миниатюрой обычно называются небольшие произведения, причем не только состоящие из двух, трех или четырех строк, но и такие, как сонет.

В восточных литературах жанры миниатюрного типа имеют более широкое распространение. В тюркских литературах это китга, парса, в персидской – рубаи, японской – танка и хокку, корейской – сиджо и кае, китайской – цы и ши. Отличительной особенностью миниатюрных жанров являются устойчивость формы, широкое использование аллегорий, символов, параллельных конструкций, специфическая поэтическая многозначность образов.

В тюркских литературах жанр парсы известен уже начиная с X века. Он зафиксирован в той или иной форме в таких произведениях, как «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, «Дивану лугат ит-турк» Махмуда Кашгарского, «Киссас ал-анбийя» Насретдина Рабгузи, «Диване хикмат» Ахмеда Ясави, «Китабе Бакыргани» Сулеймана Бакыргани и ряде других произведений, где жанр парсы имеет религиозно-философское содержание, отличается остроумными и поучительными характеристиками и приобретает наиболее существенные свои черты.

Таким образом, можно констатировать, что в формировании и развитии жанра парсы в башкирской литературе большую идейноэстетическую роль сыграли, во-первых, традиции древнетюркской словесности, классической восточной литературы (арабской, фарсыязычной, индийской) и собственно региональной тюркоязычной письменной литературы, во-вторых, традиции национального устного народного творчества и изустной литературы. В развитии этого малого жанра в башкирской литературе значительную роль сыграло

также западное, особенно русское искусство слова. Процесс влияния этих литератур на башкирскую словесность усиливался и в новое время, особенно в последней четверти XIX–начале XX вв. И так, можно предположить, что становление жанра парсы в башкирской словесности происходит в XIV веке. В дальнейшем в разные периоды развития башкирской литературы он имеет различные темпы развития и в начале XX века занимает свое достойное место в системе малых жанров башкирской словесности.

Список использованных источников и литературы

1. История башкирской литературы. В шести томах. Т.6. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1996.
2. Мальмберг И.С. Восточная поэтическая миниатюра (в русском переводе) в творчестве советских композиторов. – Ташкент, 1988.
3. Мирзо-Заде Х.М. Рудаки - основоположник таджикской классической литературы. – М., 1958.
4. Салаватова Ф.Р. Эволюция парсы в системе малых жанров в башкирской литературе: учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – 152 с.
5. Хусаинов Г. Жизнь. Парсы. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1990 (на башк. яз.).

УДК 001.92:37(470.57)

УЧЕНЫЙ-ВОСТОКОВЕД, ПРОСВЕТИТЕЛЬ И ЖУРНАЛИСТ РИЗАИТДИН ФАХРЕТДИНОВ

Салихов А.Г., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИЯЛ УФИЦ РАН,
г. Уфа, Республика Башкортостан

Аннотация: *В статье рассматривается деятельность выдающегося башкирского ученого-просветителя Ризаитдина Фахретдинова, внесшего большой вклад в изучение и развитие культуры тюркских народов. Р. Фахретдинов является автором многочисленных сочинений, в том числе по истории мусульманских народов, творческой биографии ученых Урало-Поволжья и художественных произведений. Он был бессменным редактором журнала «Шура», сыгравшего в начале XX века большую роль в просвещении тюркоязычных народов. В развитие народной педагогической мысли внесли существенную пользу его многочисленные работы по воспитанию подрастающего поколения.*

Ключевые слова: *Ризаитдин Фахретдинов, журнал «Шура», Центральное духовное управление мусульман, история Урало-Поволжья, этнопедагогика, история башкирской литературы.*

Выдающийся башкирский ученый-просветитель, востоковед, энциклопедист, писатель, муфтий Центрального духовного управления мусульман Ризаитдин Фахретдинович Фахретдинов внес большой вклад в изучение истории и культуры тюркских народов. Он родился 4 (16) января 1859 г. в деревне Кичучатово Бугульминского уезда Самарской губернии (ныне Альметьевский район Республики Татарстан)

в многодетной семье простого сельского мусульманского духовного служителя. Его отцом был деревенский имам и мударис Фахретдин бин Сайфетдин бин Субхангул, а матерью – Махуба бинт Рымкул аль-Иштиряки бин Максуд аль-Байтугани аль-Бугуруслани .

В метрической книге деревни Кичучат Бугульминского уезда Самарской губернии за 1859 год о рождении Ризаитдина Фахретдинова: «Ризаитдин. (В каком месяце и в какой день родился) Января 4 дня. (Имена отца и матери) Отец – башкир Фахретдин, мать – Магуба. (В какой деревне родился) родился в Кичучате» («Ризаитдин. (Кайу айда вә кайу көндә) Гинуарның 4-нче көнөндә. (Атасының вә анасының исемләре) Атасы – башкорт Фәхретдин, анасы – Мәһүбә. (Кайу ауылда) Кичучатта мәүжуд»).

По словам Р. Фахретдинова, его родная деревня Кичучат была основана примерно в 1700 годах его предком Юлдашем, переселившимся из деревни Шырдан Зуйского (Свияжского) уезда Казанской губернии. До поступления в начальную школу при мечети Ризаитдин Фахретдинов начал обучаться у своей матери. Начальное традиционное мусульманское образование он получил в медресе своего отца. Позже в течение года учился в медресе г. Чистополя (с 1867 г.). С 11 лет (с 1869 г.) продолжил обучение д. Нижние Чершилы Самарской губернии (Ныне – Нижние Чершилы Лениногорского района Республики Татарстан).

В течение всей жизни Р. Фахретдинов активно вел творческую деятельность, исполняя различные должности. После окончания медресе он стал имамом мечети в д. Ильбаково Самарской губернии (с 1889 г.). Вскоре его избрали на должность кадия Оренбургского магометанского духовного собрания (с 1891 г.). После этого он переезжает в г. Уфа, где получает духовный сан ахунда.

В 1906 году Р. Фахретдинов стал заместителем редактора газеты «Вақыт» («Время»; Оренбург, 1906–

1908), издаваемого известными меценатами братьями Закиром и Шакиром Рамеевыми. В этот период он работал вместе с известным писателем, журналистом Фатихом Карими. Об отъезде Р. Фахретдинова в Оренбург была опубликована информация в газете «Аль-галям аль-Ислами» («Мусульманский мир»). В номере от 27 мая 1906 г. сообщалось о его переезде 20 мая в Оренбург, давалась высокая оценка его деятельности в Оренбургском духовном управлении мусульман. Автор статьи говорил, что он старался поднять авторитет духовного управления и прилагал усилия прогрессу нации. В заметке выражалась надежда, что Р.Фахретдинов и впредь будет служить национальному процветанию .

30 ноября 1906 года Р. Фахретдинов получил свидетельство и стал официальным членом редакции газеты «Вақыт», ее вторым редактором. Это позволило ему в период отсутствия редактора исполнять его обязанности. Например, с 20 марта по 20 июня 1907 года периодическое издание выходило за его подписью. С приходом Р. Фахретдинова в редакцию в газете появились ряд новых рубрик, таких как «Из нашей жизни», «Из жизни зарубежных мусульман», «Библиография», которые он начал вести. Некоторые собственные материалы Р. Фахретдинов подписывал псевдонимом «Мурад».

Через два года его пригласили быть редактором журнала «Шура» («Совет», 1908–1917), издававшимся также при финансовой поддержке братьев Рамеевых. Данное издание стало одним из главных журналов, освещающих культурную жизнь не только Урало-Поволжских мусульман, но и тюркских народов других регионов России. Оно стало одним из самых крупных периодических изданий, охватывающих все стороны жизни того периода.

Период работы в журнале «Шура» является временем активной творческой деятельности Р. Фахретдинова. Новый литературно-художественный, общественно-

политический и научный журнал стал одним из самых востребованных изданий для российских тюрков, распространявших научные и просветительские идеи. Редактор журнала вел научно-популярную рубрику «Знаменитые люди и знаменательные события», которая знакомила с жизнью и творчеством известных личностей прошлого, таких как Платон, Аристотель, Демокрит, Сократ, Декарт, Бэкон, Лейбница, Спиноза, Герберт Спенсер, Альфред Нобель, Томас Эдисон, Жюль Верн, Иоганн Гете, Жан Жак Руссо, Ибн Фадлан, Ибн, Хальдун, Алишер Навои, аль-Афгани, Мидхат-паша, Фатали Ахундов, Низами Гянджеви, Замахшари, Ибн Таймия, Махтумкули, Каюм Насыри, Шигабетдин Марджани, Исмаил Гаспринский. Всего в данной серии были описаны биографии 180 выдающихся деятелей.

Журнал, возглавляемый Р. Фахретдиновым, знакомил читателей с передовыми достижениями западной философии и русской литературы. На его страницах приводились статьи о творчестве таких русских писателей, как Антиох Кантемир, Михаил Ломоносов, Гавриил Державин, Денис Фонвизин, Николай Карамзин, Василий Жуковский, Иван Крылов, Александр Пушкин, Александр Грибоедов, Николай Гоголь, Иван Тургенев, Александр Островский, Лев Толстой, Антон Чехов, Максим Горький. В журнале печатали статьи о литературных достижениях известных восточных философов, поэтов и писателей. Большое место уделялось письмам и статьям современников и читателей из Урало-Поволжья, Средней Азии, Казахстана, Сибири и других регионов российской империи. В журнале печатались Габдулла Тукай, Мажит Гафури, Сагит Рамиев, Дардменд (Мухаметзакир Рамиев), С. Сунчелей, Шайхзада Бабич и многие другие, творчество которых вошло в историю национальных литератур.

На страницах журнала «Шура» проводились дискуссии, волновавшие современников. Так, одним из наиболее известных широких коллективных

обсуждений, проведенных на страницах указанного периодического издания, является дискуссия о языке. Она затронула многих представителей интеллигенции и простых читателей тюркских народов, проживавших в самых разных регионах Российской империи. Во время дискуссии авторы прислали для публикации материалы на письменных тюркских языках, которые также содержали примеры из местных разговорных языков. После окончания обсуждений материалы указанной дискуссии были изданы в 1910 году в Оренбурге в отдельном сборнике «Тел ырышы» («Языковая дискуссия»).

Ризаитдин Фахретдинов уделял большое внимание публикации исторических исследований и документов. Так, в журнале «Шура» увидели свет многие статьи в то время еще молодого историка Ахмет-Заки Валиди. Из отдаленных деревень в редакцию присылали отрывки исторических документов или же родословных, которые предлагались вниманию широкого круга читателей.

Журнал продолжал выходить и после революции 1917 года. Однако 26 января 1918 года Оренбургский мусульманский военный комитет закрыл типографию «Вақыт», конфисковал его бумаги и банковские счета. Таким образом, оставшиеся без средств газета «Вақыт» и журнал «Шура», были вынуждены закрыться. Сотрудники изданий, в том числе и Ризаитдин Фахретдинов остались без средств существования. Одновременно в этот период он был избран на должность кадия Духовного управления мусульман России. Поэтому Р. Фахретдинов переехал из Оренбурга в город Уфу. Нужно отметить, что после Февральской революции 1917 г. Р. Фахретдинов входил в состав предпарламента Башкирского Областного Совета в Оренбурге. Он также являлся одним из учредителей научного «Общества по изучения быта, истории и культуры Башкирии» (1922 г.), впоследствии на его основе был создан нынешний Орден Знак Почета Института истории, языка

и литературы УФИЦ РАН. 14 февраля 1922 г. в Стерлитамаке при представительстве Наркомнаца при БАССР состоялось специальное совещание, на котором было принято постановление об учреждении упомянутого Общества, членами-учредителями которого были избраны известные ученые и писатели, оставившие яркий след в истории Башкортостана: Ризаитдин Фахретдинов, Хидият Сагадиев, Хабибулла Габитов, Мухаметша Бурангулов, Габдулла Сулейманов, Габдрахман Фахретдинов (сын Ризаитдина Фахретдинова), Сагит Мрясов.

После смерти муфтия Галимджана Баруди на IV Всероссийском съезде мусульман Р. Фахретдинов был избран на пост главы Центрального Духовного управления мусульман России. Это произошло 19 июня 1923 года. Он возглавил управление в один из самых сложных периодов истории. Антирелигиозная политика сопровождалась конфискацией культовых сооружений, старопечатных и рукописных сочинений, среди которых были редкие экземпляры с единственными копиями трудов выдающихся средневековых авторов. Р. Фахретдинов неоднократно обращался в органы власти для защиты священнослужителей и культовых имуществ от перегибов атеистической политики представителей местных органов власти.

Муфтий самоотверженно боролся за сохранение письменного наследия мусульманских народов России. Много сил вложил для сохранения документов Духовного управления, среди которых были и метрические записи по многим регионам Российской империи, мусульманские организации которых подчинялись Оренбургскому Магометанскому Духовному Собранию. Он обращался к научным учреждениям и органам власти с просьбой содействовать сохранению ценных документов, в большом количестве направляемых в качестве вторичного сырья для переработки в бумагу. Муфтий пытался сохранить старинные книги и рукописи в архиве Духовного

управления, часть которых хотел передать в научные учреждения с целью сохранения для потомков. В этот период он продолжал свои научно-исследовательские изыскания, занимался переписыванием различных источников, приводил в порядок свои сочинения и переписки.

В качестве муфтия Р. Фахретдинов принимал участие во встречах с представителями мусульманских стран. В 1926 году он участвовал на международном исламском конгрессе в Мекке (Саудовская Аравия).

Ризаитдин Фахретдинов владел тюркскими, русским, арабским, персидским и турецким языками. Он написал большое количество работ. Так, до 1917 года им было издано более пятидесяти книг и 700 статей, в том числе двух повестей «Сәлимә, йәки ғиффәт» («Салима, или Целомудрие», 1899), «Әсмә йәки ғәмәл вә яза» («Асма, или Проступок и наказание», 1903).

Начало художественного творчества Р. Фахретдинова восходит к первому периоду пребывания в Уфе. Им была написана повесть «Сәлимә, йәки Ғиффәт» («Салима, или Целомудрие»), опубликованная в 1903 году в Казани под псевдонимом Гафир бир Габдулла. Повесть состоит из введения, 17 глав и заключения. Каждая из глав имеет оглавление и идейное содержание. По мнению, литературоведа М. Надергулова, повесть напоминает популярные восточные художественные сочинения «Бахтияр-наме» и «Тутый-наме».

Известно, что Ризаитдин Фахретдинов написал также еще одну повесть под названием «Таң йондозо» («Утренняя звезда»), близкое к повести «Салима, или Целомудрие». Однако цензура не дала разрешение на ее публикацию. Во время обыска в доме Р. Фахретдинова рукопись данного произведения была конфискована полицией вместе с другими рукописями. К сожалению, данное сочинение писателя не обнаружено.

Другая опубликованная повесть Р. Фахретдинова «Әсмә, йәки Ғәмәл вә яза» («Асма, или Проступок и наказание») начинается с описания башкирской степи, с широкой ссылкой на дневник путешествия арабского путешественника Ибн Фадлана, являвшегося секретарем делегации Багдадского правителя, прибывшего в 922 году в Булгар: «В связи с тем, что наша повествование происходит в башкирских степях и городах, в которых проживают башкиры, будет уместно написать несколько предложений о башкирах...».

Исследователи научного и художественного творчества Ризаитдина Фахретдинова отмечают, что его деятельность является неотъемлемой частью дела представителей прогрессивной общественно-политической мысли Урало-Поволжья XIX – начала XX века. Ученый был проводил не только теоретические исследования, но и претворял на практике. По словам историка Ф. Баишева: «Многогранное творчество Фахретдинова сыграло важную роль в дальнейшем развитии общественной жизни в крае, в постановке новых общественно значимых проблем применительно к изменяющимся условиям жизни, не ограничиваясь лишь сохранением наследия предшественников... Риза Фахретдинов не был творческим деятелем, замкнувшимся в узконациональных рамках и изолированным от мировой культуры, литературы, науки. На формирование его взглядов оказали влияние творчество как восточных, так и европейских ученых, мыслителей и литературоведов».

Р. Фахретдинов изучал биографии и творческую деятельность восточных ученых, в том числе уроженцев Урало-Поволжья. Им написаны ряд сочинений по теологии, истории религии, педагогике. Он является автором большого историко-биобиблиографического исследования «Асар» («Наследие», 1900–1908),

«Асар» Фахретдинова содержит богатый фактологический материал и требует скурпулезного

изучения. Видные тюркские ученые-историки считают, что «Асар», содержащий редкие документальные материалы, будет постоянно использоваться исследователями.

Книга «Знаменитые женщины» была написана в библиографическом жанре для освещения жизни и деятельности известных женщин мусульманского Востока. В данном труде автор приводит список использованных книг и статей.

Ценным вкладом Р. Фахретдинова в развитие педагогики являются его многочисленные педагогические сочинения. Например, им были написаны «Наставления» с учетом пола и возраста. Первая из них «Наставления для мальчиков» состоит из 35, вторая – «Наставления для девочек» из 27, а третья – «Наставления для взрослых» из 15 глав и 11 назиданий. Также им были написаны книги «Воспитанная мать», «Воспитанная женщина», «Семья», «Воспитанный шакирд» и другие. Эти сочинения являются ценными работами, отражающие поистине народную педагогику, которое не хватало в период обучения в медресе самому автору. Его педагогические труды воспитывают молодых и взрослых, опираясь на историю, опыт предков, учитывая духовные и нравственные ценности народа .

Будучи высокообразованным мусульманским ученым, в определенные годы занимавший высокие посты в Оренбургском Магометанском Духовном управлении, позже в Центральном Духовном управлении мусульман России, Р. Фахретдинов написал достаточно большое количество книг по догматике и истории Ислама. Часть этих рукописных сочинений, в частности «Ислам дине» («Религия Ислама») хранится в Научном архиве УФИЦ .

В Научном архиве УФИЦ РАН хранится рукопись исторического сочинения Р. Фахреддинова «Болгар ва Казан тюрклери» («Булгарские и казанские тюрки»), посвященная истории тюркских народов Урало-Поволжья. В ней уделено место социально-экономической и духовной

истории Булгара, жизни ее народов, распространению Ислама в регионе. К историческим работам можно отнести также опубликованные им переводы на тюркский язык сочинений арабских путешественников Ибн Фадлана, Ибн Баттуты, ряда дневников путешествий местных уралоповолжских авторов, например, путевые заметки Исмагилага о посещении Индии с торговой целью и Ш. Марджани о совершении хаджа.

Рукописное сочинение Р. Фахретдинова «Йыуаныс» («Утешение»), хранящееся в Научном архиве УФИЦ РАН, состоит из тридцати глав, озаглавленных автором «меджлис» («собрание»). Предположительно она была написана в 1930 г. Некоторые главы указанной работы были изданы в 2011 и 2021 гг. в транслитерации на основе современного башкирского языка.

Ризаитдин Фахретдинов умер в 11 апреля 1936 года и похоронен на мусульманском кладбище города Уфы. В течение своей жизни ученый активно участвовал в общественной жизни, писал и опубликовал множество книг, статей. Его рукописные сочинения хранятся в научных архивах Уфа, Казани, Санкт-Петербурга. При жизни им было издано более 150 публикаций книжного формата и более 700 статей в периодической печати. Творческое наследие ученого-просветителя продолжает привлекать внимание научных и исследователей.

Список использованных источников и литературы

1. Türkoğlu İ. Rusya Türkleri Arasındaki Yenileşme Hareketinin Öncülerinden Rızaeddin Fahreddin. – Ankara: Ötüken, 2000. – 368 s.
2. Байбулатова Л.Ф. «Асар» Ризы Фахретдинова: источниковая основа и значение свода. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. – 174 с.
3. Байшев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. – Уфа: Китап, 1996. – 172 с.

4. Кутушев Р.Р. Материалы к библиографии Ризы Фахретдинова // Творчество Ризы Фахретдинова. – Уфа, 1988. – С. 54–61.
5. Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА УФИЦ РАН). Ф. 7. Оп. 1. Д. 7.
6. Ризаэддин Фахреддин: Жизнь длиною в вечность / авторы-составители Д.Г. Гимранова, Л.И. Губайдуллина, Р.Х. Миннуллин. – Казань, 2014. – 148 с. (на рус. и тат. яз.).
7. Ризаэтдин Фахретдинов: Научно-библиографический сборник. – Казань: Рухият, 1999. – 224 с.
8. Салихов А.Г. Некоторые документы о создании и деятельности Общества по изучению Башкирии // Межкультурный диалог на евразийском пространстве: Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 85-летию доктора филологических наук, профессора Р.З. Шакурова, приуроченной к Году культурного наследия народов РБ. г. Уфа, 14 апреля 2022 г. – Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2022. – С. 28–32.
9. Фәхретдинов Р. Асар. Икенсе китап / Инеш һүз авт. Ғ.Б. Хөсәйенов, яуаплы мөх. М.Х. Нәзерғолов. – Өфө: РФА ӨҒҮ ТТӘИ, 2009. – 224 б.
10. Фәхретдинов Р. Йыуаныс. Беренсе китап / Инеш һүз авт. Ғ.Б. Хөсәйенов, С.М. Хөсәйенов; яуаплы мөх. С.М. Хөсәйенов. – Өфө: РФА ӨҒҮ ТТӘИ, 2011. – 224 б.
11. Фәхретдинов Р. Йыуаныс. Икенсе китап / Төзөүселәр Г.Х. Абдрафикова (инеш һүз авт.), С.А. Искәндәрова, М.Х. Нәзерғолов, (яуаплы мөхәррир), Ә.Ғ. Салихов, С.М. Хөсәйенов. – Өфө: РФА ӨФҮ ТТӘИ, 2021. – 224 б.
12. Фәхретдинов Р. Нәсихәттәр (Наставления) / Тәржемәсәһе һәм төзөүсәһе Ә.Ғ. Сәлихов.– Өфө: Гилем, 2003. – 140 б.

ТОЛКОВАНИЕ КОРАНА «ТАУИЛАТ АХЛ АС-СУННА» АБУ МАНСУРА АЛ-МАТУРИДИ

Саяхов Р.Л., кандидат педагогических наук,
ДОО ВО «Российский исламский университет»
ЦДУМ России,
г.Уфа, Республика Башкортостан

Аннотация: *Имя имама Абу Мансура ал-Матуриди (ум. 944/ 333) известно в среде российских мусульман-ханафитов прежде всего как эпомин одной из школ калама – матуридизма. За свою богатую на интеллектуальный труд жизнь, мыслитель составил множество работ по каламу, усулю, искусству диспутов, экзегетике.*

За последние годы были опубликованы десятки статей, освещающие самые различные аспекты его деятельности: теория познания, этика, калам, экзегетика. Вместе с тем, деятельность Абу Мансура ал-Матуриди в качестве экзегетамуфассира и автора многотомного труда Тауилат ахл ас-сунна изучена недостаточно.

Ключевые слова: *Абу Мансур ал-Матуриди, Тауилат ахл ас-сунна, тафсир, экзегетика Корана, корановедение*

В историческом плане, тафсир имама ал-Матуриди можно отнести к одним из наиболее ранних. В одно время с ним (IV век хиджры) работали

над своими тафсирами Ибн Джарир ат-Табари и Абу Лайс ас-Самарканди. Примечательно, что Абу Мансур ал-Матуриди и Абу Лайс ас-Самарканди не только работали в одну эпоху, но и были земляками. Остальные известные и распространенные сегодня тафсиры были написаны значительно позже:

- Ибн Джарир ат-Табари (ум. 923/310, Багداد), тафсир (جامع البيان عن تأويل أي القرآن);

- Абу Мансур ал-Матуриди (ум. 944/ 333, Самарканд), тафсир (تأويلات أهل السنة);

- Абу Лайс ас-Самарканди (ум. /373, предположительно, Самарканд), тафсир (العلوم بحر);

- Абу Мухаммад ал-Багауи (ум. 1122/ 510, Мерверруд, Великий Хорасан), тафсир (معالم التنزيل);

- Махмуд аз-Замахшари (ум. 1144/ 538, Кёнеургенч, Туркменистан), тафсир (لكشاف عن حقائق غوامض التنزيل و عيون الأقاويل في وجوه التأويل);

- Фахруддин ар-Рази (ум. 1209/ 606, Герат), тафсир

(مفتاح الغيب);

- Абу АбдуЛлах ал-Куртуби (ум. 1273/ 671, Эль-Минья, Египет), тафсир;(الجامع لأحكام القرآن)

- Абдуллах ибн Умар ал-Байдауи (ум. 1286/ 685, Тебриз), тафсир (أنوار التنزيل وأسرار التأويل);

- Ибн Касир (ум. 1373/774, Дамаск), тафсир (تفسير القرآن العظيم);

- Исмаил Хакки ал-Бурсауи (ум. 1715/ 1127, Бурса, Турция), тафсир (روح البيان في تفسير القرآن);

- Махмуд Шихабуддин ал-Алуси (ум. 1854/ 1270, Багداد), тафсир (روح المعاني في تفسير القرآن العظيم والسبع) (المثاني).

Важно отметить также, что Абу Мансур ал-Матуриди был практически современником с авторами шести классических сборников хадисов, работавших в III (IV) веке Хиджры:

- Имам ал-Бухари (ум. 870/ 256 с. Хартанг, близ Самарканда);
- Имам Муслим (ум. 875/ 261, Нишапур);
- Имам Абу Дауд (ум. 888/ 275, Басра);
- Имам ат-Тирмизи (ум. 892/ 279, Термез);
- Имам ан-Нисаи (ум. 915/ 303, Палестина);
- Имам Ибн Маджа (ум. 886/ 273, Казвин).

Современное издание тафсира ал-Матуриди

Пяти томное издание тафсира имама, выпущенное в свет бейрутским издательством *Муассасат ар-рисалат* в 2004 году¹, было подготовлено к печати в результате титанической работы исследователя Фатима Йусуф ал-Хайми по богословско-текстологическому анализу экземпляров, хранящихся в Дамасской национальной библиотеке *ал-Асад*, в Каирской библиотеке *Дар ал-кутуб ал-мисриййат* и в Мекканской библиотеке *Мактабат ал-харам ал-маккий аш-шариф*.

Особенности тафсира ал-Матуриди

Тафсир Абу Мансура ат-Табари относят к трудам, посвященным разъяснению мировоззрения людей сунны и согласия (أهل السنة والجماعة) и защите их взглядов перед лицом различных течений и, прежде всего, мутазилитов, рафидитов, каррамитов.

Будучи последователем имама Абу Ханифы (ум. 767/ 150), методология аргументирования которого опиралась одновременно и на разум и на исламские первоисточники (العقل والنقل), Абу Мансур ал-Матуриди

¹ Оригинальный источник:

الماتريدي. أبو منصور محمد بن محمد بن محمود الماتريدي السمرقندي الحنفي (ت. 333 هـ).
تأويلات أهل السنة. لبنان – بيروت: مؤسسة الرسالة ناشر. الطبعة الأولى. 2004 م.

также строил свои суждения с опорой на эти два начала.

Методологические особенности:

1. Рассматривая фрагмент, автор представляет два-три существующих толкования кого-то из сахабов, табии и заслуживающих доверия ученых. После критического анализа приведенных мнений, он высказывается за предпочтение одного из них, обосновывая свое суждение айатами, хадисами и достоверными сведениями.

2. Когда автор встречает мнение, отличное общепринятому в среде людей сунны и согласия, он открыто называет по имени автора или течение, а затем подвергает его аргументированной критике.

3. Правовые айаты автор толкует в соответствии с позицией имама Абу Ханифа, аргументируя ее предпочтительность перед другими школами фикха.

4. Отстаивая идеи людей сунны и согласия, автор пользуется как методом утверждения, так и методом отрицания. При необходимости, автор приводит различные чтения (قراءات), а также прибегает к филологическому анализу отдельных фрагментов.

5. Прибегая к аргументации посредством хадисов, Абу Мансур ал-Матуриди полагался на свою память и не сверял содержание с имеющимися сборниками. С одной стороны, это свидетельствует о феноменальной памяти ученого, но с другой – это не уберегло труд от некоторых ошибок в передаче хадисов.

6. Рассматривая наиболее чувствительные вопросы веры, автор прибегает к методологии тематического, сопоставительного исследования,

когда по рассматриваемому вопросу выбираются все фрагменты, имеющие отношение к одной теме, с последующим комплексным их анализом. Так автор рассматривал, в частности, вопросы «утверждения на Троне»: (على العرش استوى). Таким образом, его можно считать одним из основателей тематического тафсира (تفسير موضوعي).

7. Размышляя над неоднозначными аятами (آيات متشابهات), ал-Матуриди исходит из позиции, что «нет ничего подобного Ему» (сура аш-Шура, аят 11). Входя в дебаты с антропоморфистами (المتشابهة), он рассуждает следующим образом... Подразумеваемое под «Троном» и «утверждением» Всевышнего, нельзя толковать привычными для человека категориями и понятиями. Может ли разум создания претендовать на адекватное постижение Создателя?! Не закладывал Всевышний для человеческого разума больше того, что необходимо ему в брэнной жизни. В своих рассуждениях человек, как создание Всевышнего, должен остановиться у назначенных ему границ. Не подобает человеку пытаться быть больше и выше того, что он собой действительно представляет. Человек есть суть ограниченная, не способная объять необъятное.

Экзегетические особенности:

В начале своей работы автор поясняет разницу между терминами *тауил* и *тафсир*. Он отмечает, в частности: «Тафсир принадлежит сахабам (رضي الله عنهم), а тауил - факихам. Сахабы... знали то конкретное обстоятельство, по которому ниспосылался (фрагмент) Корана (и сообщали о том конкретном смысле)... Тауил же состоит в том, чтобы представить

те смыслы, которые вообще может означать фрагмент, без предпочтения какого-то из них, поскольку невозможно сказать, что именно подразумевает в данном конкретном случае Сам Всевышний... Таким образом, тафсир несет один смысл, а тауил – несколько»¹.

Подобное пояснение проявляет взгляд ал-Матуриди на функцию факихов: они должны раскрывать, разворачивать первоисточник, делая доступными для дальнейшего анализа все возможные смыслы, заложенные Всевышним в Откровении. Именно такому принципу он следовал, представляя по несколько возможных смыслов к каждому новому фрагменту Корана.

Этические особенности

Высокая мораль ал-Матуриди проявляется в том, что по завершению свободных суждений (чаще всего, относительно языковых особенностей отдельных слов и выражений), он оговаривается: «Поддержка – лишь с Аллахом». А после аргументации особо острых вопросов, он завершает суждение словами: «да упасет нас Аллах от чрезмерности в словах!».

Языковые особенности

Проводивший богословско-текстологический анализ труда специалист отмечает наличие нетипично построенных предложений и нетипичное использование некоторых слов, что затрудняет

¹ Оригинальный источник:

الماتريدي، أبو منصور محمد بن محمد بن محمود الماتريدي السمرقندي الحنفي (ت. 333 هـ).
تأويلات أهل السنة. لبنان – بيروت: مؤسسة الرسالة ناشرون. الطبعة الأولى. 2004 م. - ج. 1.
ص. 1.

понимание смыслов, которые автор желает передать¹. Данный факт осложняет работу с трудом как для специалистов из числа носителей языка, так и для хорошо владеющих арабским языком иноязычных исследователей.

Текстологические особенности

Наличие большого количества разночтений, связанного с сопоставлением трех копий труда (дамасская, каирская и мекканская), выполненных в XII и XIII веках Хиджры. На одной странице приводится 10–20 разночтений, допущенных, очевидно, переписчиками. Если учесть, что Абу Мансур ал-Матуриди работал над трудом на рубеже III–IV веков Хиджры, наличие разночтений в имеющихся копиях вполне объяснимо: оригинал и копии разделяет почти 10 веков! Несомненно, что это затрудняет восприятие и анализ текста.

Особенности толкования на примере суры *ал-Фатиха*

Толкованию суры *ал-Фатиха* отведено 10 страниц современного печатного издания. Первым аятом ал-Матуриди обозначает не *басмала*, а «хвала Аллаху...» (...الحمد لله...), что соответствует мнению факихов ханафитского мазхаба.

¹ Оригинальный источник:

الماتريدي، أبو منصور محمد بن محمد بن محمود الماتريدي السمرقندي الحنفي (ت. 333 هـ).
تأويلات أهل السنة. لبنان – بيروت: مؤسسة الرسالة ناشرون. الطبعة الأولى. 2004 م. - ج. 1.
18ص.

Позиция относительно *басмала*¹

Ал-Матуриди именует *басмала* как *ат-тасмийат* (التسمية) и отстаивает мысль, что *басмала* является аятом Корана, но не является частью суры ал-Фатиха. Аргументируя свою позицию, он приводит слова Пророка (ص), обращенные к Убай бин Ка'б: «Я поведаю тебе об аяте, который не был дан никому (из прежних посланников), кроме Сулеймана бин Дауда... Каким аятом открывается Коран?». Он (Убай) ответил: «С именем Аллаха, Милостивого, Милосердного». И тогда Пророк (ص) сказал: «Это и есть тот аят». Комментируя данный хадис, ал-Матуриди замечает: «Если бы этот аят был частью суры ал-Фатиха, Пророк (ص) не назвал бы его открывающим Коран, а именовал бы его открывающим суру». В своей аргументации ал-Матуриди ссылается также на *хадис кудсий*, где Всевышний говорит о суре ал-Фатиха, не упоминая *басмала*².

В качестве другого аргумента о том, что *басмала* не является аятом суры ал-Фатиха, ал-Матуриди приводит слова сподвижников (Анаса ибн Малика, 'Али ибн Абу Талиба, 'АбдуЛлаха ибн 'Умара) о том, что они не слышали, чтобы Пророк (ص) или праведные халифы, читая намаз, произносили бы вслух *басмала*.

¹ Примечательно, что в иракской версии труда суждения о *басмала* расположено после рассмотрения первых трех аятов, в то время как в египетской версии суждение о *басмала* расположено перед разбором первого аята. Сейчас, вероятно, расположение *басмала* в оригинале установить достоверно не представляется возможным.

² Оригинальный источник:

الماتريدي. أبو منصور محمد بن محمد بن محمود الماتريدي السمرقندي الحنفي (ت. 333 هـ).
تأويلات أهل السنة. لبنان - بيروت: مؤسسة الرسالة ناشرون. الطبعة الأولى. 2004 م. - ج. 1.
6-7ص.

Приемы и методы

1. Толкование аятов посредством хадисов. При этом ал-Матуриди приводит хадисы без перечисления иснадов, либо хадисы со ссылкой на сподвижника (например, Ибн ‘Аббаса). При этом он использует выражение: «рассказано от Ибн ‘Аббаса, да будет доволен им Аллах» Сборники хадисов автор также не упоминает. Примечательно, что хадисы он именуется как *хабар* (خير).

2. Ссылка на бытовавшие толкования без указания на конкретные работы или на конкретные имена.

3. Толкование Корана – Кораном: посредством сопоставления между сходными по смыслу аятами (тематический подход к толкованию Корана).

4. Языковое толкование: анализ использования отдельных слов-понятий в арабском языке. Иногда автор приводит поговорки, добавляя при этом: «как говорят люди... (وذلك قول الناس: كما تدين تدان)».

Критика мутазилитов

Несмотря на относительно небольшой объем суры, автор трижды критикует позицию своих идеологических оппонентов из числа мутазилитов: по вопросу о прибегании за помощью к Аллаху (в толковании слов «Тебе одному мы поклоняемся и к Тебе одному обращаемся за помощью»), о природе и направленности водительства Аллаха (в толковании слов «веди нас дорогой прямой»), а также по вопросу о природе благодетельствования Всевышнего (в толковании слов «путем тех, которых Ты благодетельствовал»).

Например, рассуждая о словах Всевышнего «Тебе одному мы поклоняемся и к Тебе одному обращаемся за помощью», ал-Матуриди заключает: *«вполне очевидно, что людям следует обращаться за помощью (в том, что им надлежит исполнять) и прибегать к защите (от того, чего следует сторониться) к Аллаху, и такова сунна лучших (из людей)»*. Далее он отмечает, что с таким положением не согласны мутазилиты, по мнению которых человеку не может вменяться в обязанность то, возможность исполнения чего не дается ему изначально (*«по мнению мутазилитов, не может на человека возлагаться Аллахом что-то, сама возможность выполнения чего оставлена за Ним»*)¹.

Таким образом, ал-Матуриди согласен, что вместе с обязанностями человеку даны и возможности их исполнения, но он критикует позицию мутазилитов, которые настаивают, что «нет здравости в том, чтобы просить то, что уже дано». По его мнению, для использования даже того, что уже дано свыше, необходимо обращаться за поддержкой к Всевышнему. Именно так следует понимать слова Всевышнего «Тебе одному мы поклоняемся и к Тебе одному обращаемся за помощью». И это никак не означает, что Он изначально что-то не дал или дал что-то в недостаточной мере.

В завершении толкования суры ал-Фатиха автор приводит ее достоинства, поясняет значение ее имен и обобщает общий смысл суры:

¹ Оригинальный источник:

الماتريدي. أبو منصور محمد بن محمد بن محمود الماتريدي السمرقندي الحنفي (ت. 333 هـ).
تأويلات أهل السنة. لبنان - بيروت: مؤسسة الرسالة ناشر. الطبعة الأولى. 2004 م. - ج. 1.
8-9 ص.

- излечение от различных болезней духовного, душевного и физического плана;
- оберег от заблуждений и источник благодати;
- (فاتحة القرآن) – «открывающая Коран» – по расположению в Коране и особому духовному достоинству;
- (أم القرآن) - «мать Корана» – предшествует чтению всего остального, является основой и источником.

Основными смыслами, заключенными в суре, ал-Матуриди выделяет напоминание о благодатях верующим и прибегание за помощью от заблуждения.

Знакомство с тафсиром Абу Мансура ал-Матуриди *Тауилат ахл ас-сунна* позволяет прийти к следующим заключениям. В историческом плане, тафсир является одной из наиболее ранних работ по экзегетике Корана. В одно время с ним (IV век Хиджры) работали над своими тафсирами Ибн Джарир ат-Табари и Абу Лайс ас-Самарканди. Важно отметить также, что Абу Мансур ал-Матуриди был современником авторов шести классических сборников хадисов, работавших в III (IV) веке Хиджры.

В методологическом плане ал-Матуриди сочетает опору на первоисточники с использованием собственного суждения на базе сравнения различных высказываний сахабов и табиитов, сопоставления различных чтений Корана, личных умозаключений. При этом любопытно, что ал-Матуриди не приводит иснады, как это было распространено в ранних тафсирах. Рассматривая наиболее чувствительные вопросы веры, автор прибегает к методологии тематического, сопоставительного исследования. Значительные усилия автор уделяет критике мутазилитов.

**МАТЕРИАЛЫ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ И
БАШКИРСКОМУ НАРОДНОМУ ТВОРЧЕСТВУ
В ФОНДЕ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ УФИЦ РАН**

Сибагатова Р.Ю., кандидат филол. наук, заведующая
Научной библиотекой УФИЦ РАН,
Уфа, Республика Башкортостан

Аннотация: *Народное творчество оказывает огромное влияние на развитие и обогащение письменной литературы и культуры. В 1920 годы, в период становления башкирского литературного языка, ученые также стремились максимально использовать внутренние ресурсы со всеми грамматическими, стилистическими, орфографическими изменениями, а также диалектизмы.*

Ключевые слова: *Народное творчество, лексика, Научная библиотека УФИЦ РАН, Г.Вильданов, литературный язык, терминология.*

Общеизвестно, что литературный язык возникает на основе народного творчества, который является фундаментом письменной литературы и культуры. Именно в нём отражается все духовное богатство и культура народа. В XVIII–XIX вв. русские ученые хорошо понимали это и активно использовали народное творчество для практических целей (для изучения культуры, философии и менталитета народа). Например, П.Паллас, П.И. Рычков и др., записывая фольклорные материалы, находили ценную информацию о местах залежей полезных ископаемых, переправах и бродах и др. Таким образом,

значение народного творчества стало намного шире, охватывая всю жизнедеятельность нашего общества.

В конце XIX – начале XX века фольклор стал истоком творчества национальных поэтов тюркского мира. Например, первые национальные поэмы в башкирской литературе также были основаны либо на фольклорном, либо на религиозном сюжетах, как, например, в произведениях М.Гафури, Ш.Бабича и др.¹ Значительная часть этого богатого наследия хранятся в фондах Научной библиотеки УФИЦ РАН, которая является крупнейшим информационным центром Республики Башкортостан с разносторонним научным профилем.

Фонд Научной библиотеки содержит более 740 000 ед.хр., в т.ч. 245000 экз. на иностранных языках. Периодические издания составляют около 446 000 экз., из них половина на иностранных языках. Многие издания представлены в республике в единственном экземпляре. Уникален фонд редких книг, насчитывающий 17 тыс. экз. книг, журналов, карт на русском и иностранных языках, в том числе и на арабской графике (более 2000 книг). В фонде имеются издания XVI–XVII, ряд ценных изданий XVIII–XIX вв. по этнографии, истории Башкирии и Урала, есть труды исследователей Башкирии Палласа, Рычкова, Лепехина и др. Отечественная периодика представлена в фонде академическими изданиями с 1864 года и изданиями советского периода². На основе этих материалов можно проследить этапы развития и становления национального языкознания.

¹ Сибэгэтов Ф.Ш. Башкорт эзбиэтендә Көрһән мотивтары. – Өфө: Гилем, 2001. – Б.101.

² Сибагатова Р.Ю., Гиниатуллина Л.М. Научный архив и Научная библиотека УНЦ РАН как источники изучения литературы и культуры Башкортостана // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. – №1–2 (68). – С.43–45.

Как известно, по способу обогащения лексического состава языка условно разделяются на две группы: 1) внутренние ресурсы со всеми грамматическими, стилистическими, орфографическими изменениями, а также диалектизмы; 2) внешние ресурсы – заимствованные слова: в начале 20-х годов XX в. – арабские, персидские термины; в конце 20-х гг. (примерно, с 1927 года) – русские и вошедшие через него европейские термины (социализмы, интернационализмы). К внутренним ресурсам входят обогащения лексики за счет диалектных слов и «художественными» выражениям из народного творчества.

В ходе формирования современного башкирского литературного языка и терминологии в 1920 – 1930 гг. именно национальный фольклор стал основным источником обогащения лексики. Поэтому в этот период начинается активный сбор образцов народного творчества. В национальных республиках к этому времени еще не сложилась подобная система сбора и систематизации фольклорных материалов. В основном в этой области работали краеведы и передовые представители народа, которые были идейно заинтересованы в сборе, изучении и популяризации культурного наследия своего народа.

16 февраля 1922 г. постановлением ЦИК Башкирской АССР в г. Стерлитамаке создается Общество по изучению быта, культуры и истории Башкирии, а в сентябре он был реорганизован в Академический центр. С самого начала Центр приступил к разработке отдельных вопросов истории и этнографии края, сбору краеведческого материала.

В его обязанности входила разработка программ и методики преподавания в школах применительно к местным условиям, составление учебников и пособий для школ, организация научных экспедиций, созовы научных

конференций, создание и руководство научными обществами¹. Многие материалы Центра были изданы в журналах «Аймак» («Башкорт аймағы») и «Белем».

Разрабатываются и издаются методические инструкции по сбору народного творчества: «Инструкция по сбору и изучению башкирского народного творчества» Н. Тагирова (1922), статья Х. Габитова «Примеры из народного творчества» (1923).

По этому направлению особенно активно работал и заведующий методическим отделом Академического центра Габделахат Фазлыевич Вильданов. Он собирал и издавал материалы народного творчества по разным жанрам: загадки, пословицы, эпосы, сказки. В 1924 г. Г.Вильданов совместно Х.Габитовым издают в Центре восточных изданий Москвы в типографии «Красный восток» первую часть сборника пословиц «Мудрость предков (Башкирские пословицы и поговорки)», («Боронғоларзың һүзәрә. Башкорт телендә мәкәлдәр һәм тапкыр һүзәрә») с тиражом 3000 экз. В сборник вошло 1130 пословиц и поговорок. Н.К. Дмитриев в журнале «Книгоноша» публикует развернутую рецензию на книгу (1924. №41. С. 13).

В эти годы издаются статьи Г.Ф. Вильданова «Башкорт кашкалары» (Башкорт аймағы. 1925. №1), «Башкорт экиәтәрәненә беренә» (Башкорт аймағы, 1927. №3), «Башкорттарза сендәү» (Башкорт аймағы, 1927. №3), «Кобайырзар башкортса» (Башкорт аймағы. 1927. №4) и др.

В 1927 г. Г.Вильданов издает сборник «Башкорт йомактары» («Башкирские загадки»), в который вошла 431 загадка, собранные им среди башкир Масыгутовской, Тамьян-Катайской, Зилаирской, Стерлитамакской кантонов.

¹ ЦГИА РБ. Ф. 798. Оп.1. Д.902. Л.25.

Когда началась кропотливая работа по развитию и формированию лексического состава башкирского литературного языка, так же возникает необходимость по изучению диалектов данного народа. Как и народное творчество, диалектные слова являются одним из важнейших внутренних ресурсов языка. И в связи этим в истории башкирского языка с 1928 по 1940 гг. проводится более десятка лингвистических экспедиций, где накапливались ценнейшие материалы.

Первые комплексные экспедиции возглавлял сам Николай Константинович Дмитриев. В составе отряда работали и местные ученые – М.М. Билялов, З.Ш. Шакиров, Т.Я. Давлетшин, С.Г. Мирясов. В настоящее время «Отчет о работе лингвистико-фольклорного подотряда Башкирской экспедиции Академии наук за 1928 год» хранится в Научном архиве УФИЦ РАН¹.

В 1930-е годы наряду со сбором фольклорных материалов активизируется и их публикация. Например, в периодических изданиях были опубликованы материалы, собранные в ходе экспедиций, записанные писателем Даутом Юлтыем «Сказка о законе Ленина» (1935), «Дева и царь» (1938), «Поиски счастья деда Дзяляла» (1938; эти сказки в том же году были изданы на русском языке), сборник Габдулла Амантая «Башкирские пословицы» (1936. 30 с.), «Загадки» (1936. 18 с.); Галимова Саяма «Башкирские советские народные песни» (1939. 97 с.), «Башкирские поговорки» (1939. 36 с.), С.Мирясова «Пословицы и загадки из башкирского творчества» (1936),

¹ Сибгагтова Р.Ю., Ураксин З.Г. Отчеты экспедиций (1928–1936 гг.), хранящиеся в Научном архиве УНЦ РАН, как первоисточник по башкирскому языку // Археография Южного Урала. Материалы VI Межрегиональных научно-практических конференций. – Уфа, 2006. – С. 127-131.

где были представлены 1731 пословиц и 708 загадок. Башкирским научно-исследовательским институтом языка и литературы подготовлен и издан сборник «Башкирские народные сказки» (1939. 200 с.), куда вошли 25 сказок и 8 кулямасов¹.

Как видим, за короткое время в этой области сделано многое. Таким образом, народное творчество, существовавшее до сих пор в локальном виде, выходит к широкому кругу читателей. Изданные тексты внесли огромный вклад в обогащение лексики башкирского литературного языка. Народные и диалектные слова порой заменяли арабско-персидские заимствования.

Народное творчество оказало огромную роль не только в обогащении лексики литературного языка, но и в искусстве. Фольклорные традиции стали также основой современного башкирского театра. По результатам гастролей башкирского театра в Москве в 1925 году писатель Сагит Агиш по публикациям столичных театральных критиков отметил, «репертуар башкирских артистов в фольклорно-этнографическом направлении московскими зрителями воспринимался теплее, чем классика»². На фольклорно-этнографическом материале, например, основаны пьесы Д. Юлтыя «Карагул», С. Мираса «Салауат», Х. Габитова «Ынйыкай и Юлдыкай», М.Бурангулова «Таштугай», «Идукай и Мурадым» и др.

¹ Көлэмэс – жанр башкирского фольклора, шуточное прозаическое произведение с неожиданным и парадоксальным финалом. Они высмеиваются такие недостатки людей, как глупость, жадность, тщеславие, лень, суеверие, общественные пороки – несправедливость, зазнайство, бюрократизм, взяточничество. Остроумный и находчивый человек является действующим лицом кулямаса. Распространен в фольклоре многих народов.

² Сибэгэтов Ф.Ш. Йылдар тауышы. Башкорт журналистика тарихы буйынса укыу кулланмаһы. – Өфө: БашДУ, 2003. – Б.56.

Когда начинается взаимосвязь с европейскими странами то и в фольклоре начинает преобладать западное влияние. Это уже современный фольклор. В них уже больше употребляются русские и зарубежные слова заимствованные через русского языка. Для примера можем привести башкирские пословицы, использующие русские слова: «Якаһы юк тун булмаҫ, законы юк ил булмаҫ» («Без воротника не будет шубы, без закона – страны»), «Брат – браттың тирмән тартканына не рад» («Брат не рад за работу в мельнице») – слово *брат* вошел в состав языка приблизительно в XX веке, а особенно интенсивно начал использоваться в годы Империалистической войны; «Ир какканда мир кағыр» («Когда муж обижает, то и мир (общество) будет обижать») – слово мир вошел вместе с административными терминами как мировая судья. Поэтому в разговорной речи использовался как синоним слов « страна», « общество»; «Бурзы йөккә, мулланы мәктәпкә, кулакты колхозға якын ебәрмә» («Вора ближе не подпускай к возу, муллу – к школе, кулака – в колхоз») – слова *кулак*, *колхоз* вошли в обиход во время коллективизации; «Мәсеттә михнәт, клубта рәхәт бар» («В мечети трудно, а в клубе хорошо») – слово *клуб* – во время комсомола. В мусульманском мире запрещалось собираться женщинам и мужчинам в одном помещении, а слово « клуб» их объединял. Как видим в фольклоре отразились и исторические и политические события. В некоторых жанрах видны научные и производственные изменения. Например загадки: «Канаты бар – кағышмай» («Крылья есть, но не машут») – (самолет), «Камыты юк, дуғаһы юк, кара атым егеүле» (поезд), «Жырға китәр, урманға һыймаҫ, үзе рельста бара, рельсын йыйнап бара» («В поле выйдет, в лес не войдет, на рельсах едет, свои рельсы собирает») (гусеничный трактор) и т.д.

Таким образом народное творчество оказало огромное влияние на обогащении литературного языка. Это явление не прекращается в рамках 1920-1930 гг. В конце 90-х годов XX века снова начали обращаться к внутренним ресурсам, стараясь использовать исконно родные слова, заменяя заимствованных.

Список использованных источников и литературы

1. Горький М. О литературе. – М.: Советский писатель, 1953.
2. Сибгатов Р.Ю., Гиниатуллина Л.М. Научный архив и Научная библиотека УНЦ РАН как источники изучения литературы и культуры Башкортостана // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №1–2 (68). – С.43–45.
3. Сибгатов Р.Ю., Ураксин З.Г. Отчеты экспедиций (1928–1936 гг.), хранящиеся в Научном архиве УНЦ РАН, как первоисточник по башкирскому языку // Археография Южного Урала. Материалы VI Межрегиональных научно-практических конференции. – Уфа, 2006. – С. 127-131.
4. Сибгатов Ф.Ш. Башкорт эзэбиәтендә Керән мотивтары = Коранические мотивы в башкирской литературе. – Өфө: Филем, 2001. – 148 б.
5. Сибгәтов Ф.Ш. Йылдар тауышы. Башкорт журналистика тарихы буйынса укыу кулланмаһы = Летопись века: краткая история башкирской журналистики. – Уфа: БашГУ, 2003. – 104 с.
6. ЦГИА РБ. Ф. 798. Оп.1. Д.902. Л.25.

УДК 001.92:37(470.57):930.253:001.89(061.6)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ФОНДЕ Р.ФАХРЕТДИНОВА В НАУЧНОМ АРХИВЕ УФИМСКОГО НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА РАН

Сибгаатов Ф.Ш., кандидат филологических наук,
доцент, заведующий отделом рукописей и редких изданий
Национальной библиотеки им. А.З. Валиди РБ,
г.Уфа, Республика Башкортостан

Аннотация: *Статья посвящена фонду ученого и религиозного деятеля Р. Фахретдинова, хранящего в настоящее время в Научном архиве Уфимского научно-исследовательского центра РАН в объеме 40 томов. Фонд является ценнейшим источником по истории и культуре не только Башкортостана и Урало-Поволжского региона, но и Средней Азии и Кавказа.*

Ключевые слова: *Р. Фахретдинов, Научный архив УФИЦ РАН, фонд, опись, том, рукопись.*

Ризаитдин Фахретдинов (1859–1936) – видный башкирский ученый-востоковед, педагог-просветитель и религиозный деятель, муфтий ЦДУМ Внутренней России и Сибири (1922–1936). Получил известность и как общественный деятель – в декабре 1917 года участвовал в работе III Всебашкирского учредительного курултая (съезда), в котором был избран в состав Кесе-Курултая – предпарламента республики. Являлся уполномоченным Башкирского шуро (совета) по Караван-Сараю (Оренбург). Советское правительство, особенно Народный комиссариат иностранных дел, также стремилось использовать его высокий авторитет среди мусульман мира в своих

пропагандистско-политических целях. Например, в 1926 г. Р.Фахретдинов возглавил делегацию советских мусульман на Мекканском исламском конгрессе¹.

Р.Фахретдинов, как ранее отмечал он сам, всегда работал во благо будущих поколений, чтобы духовное наследие наших народов дошел до потомков. Как в позднее справедливо отмечал Д.С. Лихачев, «Память противостоит уничтожающей силе времени. Это свойство памяти чрезвычайно важно. Принято элементарно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим. Память – преодоление времени, преодоление смерти»².

Исследователи Д.Ю. Арапов и И.Л. Алексеев указывают, в фонде постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР Государственного архива Российской Федерации (Ф. 5263) выявлены два письма Ризаэтдина председателю ЦИК М.И. Калинину от 29 декабря 1923 г. и 15 ноября 1928 года о сохранении архива ЦДУМ и издании религиозной литературы. «Они написаны Фахретдиновым по всем правилам этикета, принятого в среде русской интеллектуальной и политической элиты XIX – начала XX в. Последнее свидетельствует не только о его глубочайших познаниях в исламском богословии и традиционных мусульманских науках, но и о высокой светской культуре автора. Корреспонденции дают возможность представить драматизм борьбы Фахретдинова, понимавшего важность

¹ Романенко В.С. Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства в 20-е гг. XX в. (К 80-летию со дня проведения Первого всемирного мусульманского конгресса). – Нижний Новгород, 2005.

² Лихачев Д.С. Искусство памяти и память искусства. Письма о добром и прекрасном. – Москва, 1985. – С. 160-161.

сохранения архива ЦДУМ в целостном виде для формирования культурного и национального самосознания мусульманских народов. В период становления советской государственно-идеологической системы он видел путь к сохранению их духовных сил в издании религиозной литературы и периодики»¹.

Риза Фахретдинов многое сделал для того, чтобы спасти от гибели архив Духовного собрания. Например, в 1923 году в своем письме М.И. Калинину ученый писал: «Такой сокровищницей является хранящийся в городе Уфе при Духовном управлении мусульман архив. Оценивая по достоинству, какое богатое собрание материалов исторического, бытового и демографического характера [находится в их распоряжении], мусульмане верят и надеются, что этот архив будет использован мусульманами-историками и бытописателями. Дела этого архива могут быть подразделены на следующие категории: 1) религиозные определения (фетвы в разъяснении шариата); 2) дела о лицах, подвергавшихся испытанию на пригодность занятия духовных должностей; 3) дела, основанные на правилах шариата по семейным спорам; 4) жизнеописания духовных ученых, подведомственных Духовному управлению; 5) сведения о числе приходов и мечетей и их истории; 6) метрические записи и 7) дела о духовных учебных заведениях»². Таким образом, ученый любыми способами пытался сохранить архив Духовного управления, прекрасно понимая, что на волне антирелигиозной борьбы они могут быть уничтожены.

¹ Арапов Д.Ю., Алексеев И.Л. Мусульмане... преисполнены надежды, что будут полностью обладать и пользоваться правами ... дарованными РСФСР. Письма председателя ЦДУМ муфтия Р.Фахретдинова председателю ЦИК М.И. Калинину. 1920-е гг. // Отечественные архивы. – 2006. – №5. – С.99.

² Там же. С.99.

Он поддерживал тесные связи с известными востоковедами В.В. Бартольд, И.Ю. Крачковским, А.Н. Самойловичем. В 1925 году Президиум Академии наук СССР пригласил Р. Фахретдинова в качестве почетного гостя на юбилейные торжества, посвященные 200-летию Академии наук страны.

Р.Фахретдинов оставил богатейшее письменное наследие, которое является ценнейшим источником по истории и культуре не только Башкортостана и Урало-Поволжского региона, но и Средней Азии и Кавказа. Будучи в 1908–1918 гг. редактором журнала «Шуро» (Оренбурге), он опубликовал в нем 179 биографических статей о видных деятелях мусульманской культуры.

Работая в Духовном собрании в должности казья (1891–1906 гг.), Р.Фахретдинов приводит в порядок архив и положил начало архивной обработке и музеефикации его фондов, систематизировал и описывал материалы и начал публикацию наиболее ценных документов. В дальнейшем эти материалы стали основой для его трудов.

Выявление и изучение этих ценных документов является важнейшей задачей для ученых, ибо «исследование письменных памятников давно вызывает интерес в мировой науке. ... Мусульманская книжная культура народов России, в том числе башкир, до начала XIX века фактически состоит лишь из рукописных книг. В этих книгах зафиксирована вся культура, литература, духовный мир народа»¹.

В настоящее время в Научном архиве Уфимского научно-исследовательского центра (НА УФИЦ) РАН создан его личный фонд. «Фонд состоит из 42-х томов,

¹ Абдрафикова Г.Х. Творческое наследие Р. Фахретдинова как источник духовной культуры народов России и мусульманского Востока // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – №7(49): в 2-х ч. Ч. II. – С. 13.

написанных на арабском алфавите: а) рукописи 3-го и 4-го томов книги «Асар», подготовленные к печати, но неопубликованные; б) сборник источников (подлинники писем, сообщений различных авторов), использованных при написании «Асара», рукописи многочисленных работ фондообразователя по истории ислама, истории культуры, общественной мысли, этике, морали, педагогике, в том числе сочинение «Йыуаныс» («Утешение»), состоящее из 24 бесед. ... К 42-м томам приобщены воспоминания родственников и современников о Р.Фахретдинове и их письма в количестве 28 ед.хр.»¹.

В отделе редких книг Научной библиотеки УФИЦ РАН и отделе восточных рукописей ИИЯЛ УФИЦ РАН, отделе рукописей и редких книг Национальной библиотеки хранятся изданные при его жизни старопечатные книги. Архивные материалы охраняются также в фондах Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург).

В его рукописной коллекции огромное количество записей и исследований по философии, социологии, религии, культуре арабов, персов и других народов. Ряд материалов посвящены вопросам взаимосвязи и взаимодействия литератур и типологической общности культур. Часто приводит цитаты из оригиналов таких классиков арабо-персо-тюркской литературы, как аль-Маари, Фирдоуси, Рудаки, Омар Хаям, Хафиз, Низами Гянджави, Навои, Физули и др., также дает смысловой перевод из трудов на арабском и персидском языках на тюрки.

¹ Сибягатова Р.Ю. Научный архив Уфимского научного центра РАН: история и современность // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2011. – Т.1. – №.1. – С. 175.

Например, в первом томе собраны материалы на арабском языке, переписанные в 1874–78 годах¹. Во втором томе также скопированы тексты на арабском языке. Например, в трактате «Байану-л тарджи-и фи-л Куръан» (Пояснение повторений в Коране) обсуждаются некоторые комментарии по вопросам повторного чтения отдельных аятов, ряд материалов посвящены грамматике арабского языка, грамматическим правилам чтения Корана и др.²

Третий том (1880) посвящен вопросам шариата³. В четвертом томе большинство материалов связаны с темой суфизма. Например, приводятся сведения о суфийских наставниках⁴, силсила шейхов Мухаммада ал-Бахā' ид-дин Накшбанд ал-Бухари, который включает в себя 145 имен, начиная с пророка Мухаммада и далее в хронологическом порядке имена наиболее крупнейших представителей исламской культуры. Под номером 144 следует Зайнулла ... Урали. По видимому, здесь имеется ввиду Зайнулла Расули (1833–1917) – крупнейший богослов из башкир, продолжатель суфийского тарриката накшбандия. Таким образом, автор доводит свою хронологию до своих дней⁵. Р.Фахретдинов, несмотря на молодость, а данный том был переписан в 1880 году, останавливается не только в общемусульманской проблеме, но и старается придать ей региональный характер. Далее это подтверждает и список суфиев, который включает в себя 24 имени.

Пятый том представляет собой комментарий на книгу известного мусульманского ученого Надим ад-Дина Насафи (XIV в.) «Знаменитый комментарий с

¹ Научный архив Уфимского научно-исследовательского центра РАН (далее –НА УФИЦ РАН). Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 1. 183 с.

² НА УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 2. 440 с.

³ НА УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 3. 399 с.

⁴ НА УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 4. С. 127–130.

⁵ НА УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 4. С. 169–171..

дополнениями уважаемого Исмаила ал-Кульнабауи на комментарий трактата «Акаид» Умара ан-Насафи»¹.

Среди рукописных томов Р.Фахретдинова, огромный интерес для ученых представляет многотомное сочинение Р.Фахретдинова «Асар». Био-библиографическое сочинение состоит из четырех томов. 15 выпусков первых 2-х томов были изданы в 1900–1908 гг. в Казани и Оренбурге, остальные тома остались в рукописной форме. Здесь представлены очерки о 1009 известных мусульманских ученых и государственных деятелях X – начала XX в. Благодаря своей фактографической ценности, сочинение постоянно будет использоваться спросом у исследователей. 12 том был переписан в 1930 году и дает сведения о башкирских и татарских поэтах и религиозных деятелях XIX в. Следуя традиции, в конце рукописи автор приводит сведения «об упомянутых именах»². В 13–14 томах автор продолжает приводить сведения о поэтах и религиозных деятелях XIX–начала XX веков.

Также большую ценность представляет его сочинение «Йыуаныс» («Утешение») ³, которую он закончил только к тридцатым годам XX века. По мнению Г.Б. Хусаинова, первоначально рукопись состояла из двух частей с общим объемом 1160 страниц. Данная книга также является своего рода энциклопедией, построенной в виде философских бесед о жизни, быте, культуре и нравственности. В композиционном плане книга состоит из 54 бесед («мәжлес»). Судьба первой части в 573 страниц, к сожалению, до сих пор остается неизвестной.

Вторая часть, хранящая в фондах архива, начинается с двадцать пятой беседы. Вот содержание бесед: мир, бытие, природа, среда; духовный мир, дух, ум, ремесло, торговля, история, книга и печать, литература, искусство,

¹ НА УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 5. 361 с.

² НА УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 12. 336 с.

³ НА УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 16.

поэты (арабские, иранские, турецкие), литература Туркестана и др., свои поэты; музыка (голос, мелодия), правительства, государства, цари, ученые; животный мир; пища; добрые характеры, испорченные или дурные характеры, вежливость, мораль и нравственность, воспитанность; просвещение, культура, религия, нравы, обычаи, жизнь, смерть, воля, невольничество, справедливость, несправедливость и др. Например, двадцать восьмая беседа «Семья. Народ и племя» посвящена вопросам семейных отношений. По мнению автора, любовь к детям и наслаждение их существованием дает возможность родителям забыть о тяготах жизни и на время освободиться от других земных забот. В свою очередь дети должны уважать и почитать своих родителей, ухаживать за ними.

Для обоснования своих идей Р.Фахретдинов часто цитирует Коран, обращается к высказываниям известных арабо-мусульманских ученых и мыслителей, часто комментируя их. В некоторых местах встречается и поэтические наставления.

18 том фонда – «Путешествие Ибн Фадлана в Булгар» (1920) – это обращение ученого ранним периодам истории нашей страны и мусульманского Востока. Автор указывает, что во время работы над данной рукописью, вместе с трудами «Мисбахал-булдан» Я.Хамауи он использовал также публикации Заки Валидова.

В заключении необходимо отметить, что творческое наследие Р. Фахретдинова имеет огромное значение для многонациональной культуры нашей страны.

Список использованных источников и литературы

1. Романенко В.С. Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства в 20-е гг. XX в. (К 80-летию со дня проведения Первого всемирного мусульманского конгресса). – Нижний Новгород, 2005.

2. Лихачев Д.С. Искусство памяти и память искусства. Письма о добром и прекрасном. – Москва, 1985.
3. Арапов Д.Ю., Алексеев И.Л. Мусульмане... преисполнены надежды, что будут полностью обладать и пользоваться правами ... дарованными РСФСР. Письма председателя ЦДУМ муфтия Р.Фахретдинова председателю ЦИК М.И. Калинину. 1920-е гг. // Отечественные архивы. – 2006. – №5. – С.99–113.
4. Абдрафикова Г.Х. Творческое наследие Р. Фахретдинова как источник духовной культуры народов России и мусульманского Востока // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – №7(49): в 2-х ч. Ч. II. – С. 13-15.
5. Сибгатов Р.Ю. Научный архив Уфимского научного центра РАН: история и современность // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2011. – Т.1. – №.1. – С. 172–177.
6. Научный архив Уфимского научно-исследовательского центра РАН (далее –НА УФИЦ РАН). Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 1. 183 с.
7. НА УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 2. 440 с.
8. НА УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 3. 399 с.
9. НА УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 4. 371 с.
10. НА УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 5. 361 с.
11. НА УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 12. 336 с.
12. НА УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 16. 337 с.
13. НА УФИЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед.хр. 18.

УДК 001.92:37(470.57)

**Ғ.С. КУНАФИН – XIX БЫУАТ АЗАҒЫ – XX БЫУАТ
БАШЫ РУХИ МИРАСЫБЫЗЗЫ ӨЙРӘНЕҮСЕ
ЭНЦИКЛОПЕДИК КОЛАСЛЫ ҒАЛИМ-ПЕДАГОГ**

Сибгәзтов Ф.Ш., филология фәндәре кандидаты,
доцент, Әхмәтзәки Вәлиди исемендәге Милли китапхананың
кульязмалар һәм һирәк китаптар бүлегә мөдире
Өфө к., Башкортостан

***Аннотация:** Статъя посвящена деятельности профессора Г.С. Кунафина, который внес заметный вклад в изучении истории башкирской литературы конца XIX–начала XX веков. Ученый-педагог ведет активные исследования в различных областях гуманитарной науки, как история и теория литературы, литературная критика, текстология, источниковедение и культурология.*

***Ключевые слова:** Г.С. Кунафин, духовное наследие, текстология, подготовка кадров, М.Уметбаев.*

XX быуаттың һуңғы утыз йылы – XXI быуат башында башкорт гуманитар фәне майзанына рухи мирасыбыззы өйрәнеүселәр сафы тулылана бара. Был сафка баһыузың, унан да бигерәк лайыҡлы урын алып, танылған фән әһеле, абруйлы шәхес булып китеүең ни тиклем ауыр икәнлеген һәр кем белә. Фән менән бер рәттән ғилми-педагогик эште лә алып барыу иһә бик һирәктәр өлөшөнә төшкән көмөш булып тора.

Был йылдарҙа Башкорт дәүләт университетының филология, һуңынан башкорт филологияһы һәм журналистика факультетында белем алған талиптар, ул ваҡытта иғтибар итмәһәләр зә, хәзер йылдар үтә барған

хайын үзэрэн ниндэй шөхөстөр укытканын аңлайзарзыр: Кирэй Мэргэн, Роберт Байымов, Марат Зэйнуллин, Ғәли Сәйетбатталов, Нәгим Ишбулатов һ.б.

Гиниәтулла Сафиулла улы Кунафин – бына ошо юғарылыкка күтәрелә алған, башкорт эзәбиәт ғилеменә хәзерге гуманитар фәндең көслө бер тармағына әүерелеүенә ифрат зур өлөш индергән һәм бөгөнгө көндә уның йөзөн билдәләгән, юғары профессиональ кадрлар әзерләүгә тос өлөш индергән шундай ғалимдарзың береһе. Ул гуманитар фәндең төрлө өлкәләрендә, атап әйткәндә, эзәбиәт ғилеменә барлык тип әйтерлек тармактарында: эзәбиәт тарихы һәм теорияһы, эзәби тәнкит, текстология, сығанактарзы өйрәнәү кеүек йүнәләштәрәндә һәм культурология өлкәләһендә әүзем тикшеренеүзәр алып барған тәрән фекерле һәм киң карашлы ғалим-педагог. Студент йылдарынан ук халкыбыззың рухи биографияһы кызыкһындыра уны. Республикабыз вуздарында, хатта БДУ-ла эзәби мирасыбыз йүнләп өйрәнелмәгән бер сакта, XIII быуат башында язылған «Кодекс Куманикус» («Коман мәжмүғәһе») тигән комарткылағы йомактарзы, әйтемдәрзе, һүззәрзе төрлө яклап өйрәнәп, уларзың башкорт теленә һәм һүз сәнғәтенә типологик яктан ғына түгел, ә генетик йәһәттән окшаш булыуларын нигезләп диплом әше итеп яклауы үзе бер уңғанлык һәм кыйыулык була. Башкорт дәүләт университетының филология факультетын тамамлаған йәш белгесте аспирантураға тәкдим итәләр. Диссертация темаһын башкорт эзәбиәтенә революцияға тиклемге дәүеренә бәйлә ала. Өфө, Ырымбур, Мәскәү, Ленинград, Казан архивтарында, китапханаларында ныкышмалы эзләнәп, М. Өмөтбаев ижадына, шул осор башкорт мәзәни һәм эзәби мөхитенә кағылышлы яңынан-яңы сығанактар таба. Ошо тема менән кызыкһыныусылар был документтар менән таныш тураһындағы кағызза Ғ.С. Кунафиндың култамғаһын күрә ала. Һөзөмтәлә ул аспирантураны М.Өмөтбаев ижады буйынса төплө диссертация яклап тамамлай. Уның әшен

үткән быуаттар башкорт эзәбиәте буйынса тәүге монография авторы арзаклы ғалим Ә.И. Харисов юғары баһалап: «Сафыбыз фәнни тикшеренеүзәргә маһир, киләсәге өмөтлө йәш белгес менән тулыланыуға шатланып бөтә алмайым. Әзәбиәт ғилеме донъяһына төплө әзерлекле ғалим килде. Уның фәнебеззе үстәреүгә зур өлөш индерәсәгенә иманым камил», – тип белдерә. Ошондайырак фекерзәр аспиранттың ғилми етәксәһе Ғ.Б. Хәсәйенов, танылған эзәбиәт белгестәре К.Ә. Әхмәтйәнов, Ғ.З. Рамазанов, фольклорсы Ә.М. Сөләймәнов тарафынан да әйтелә.

Белеүебезсә, ғалимдың ижади һәм фәнни һәләтен уның хезмәттәре, китаптары күрһәтә. Өлкән коллегаларының ышанысын, өмөтөн һәр сак ақларға ынтыла ул. Кандидатлык диссертацияһын яқлағандан һуң Тарих, тел һәм эзәбиәт институты ғилми хезмәткәре XIX быуат башкорт эзәбиәте тарихы буйынса эзләнеүзәрән тағы ла дәрәтләнеп дауам итә ул. Иәзәмтәлә 1981 йылда фекерзәш коллегаһы Ә.Х. Вилданов менән берлектә Мәскәүзәң «Наука» нәшриәтендә «Башкирские просветители-демократы XIX века» тигән монографияны донъяға сығара. Был хезмәт йәш белгестәрзәң генә түгел, бәлки, башкорт эзәбиәт ғилеменәң зур қазанышы була. Сөнки ул милли эзәбиәтебез һәм мәзәниәтебез тарихының мөһим һәм сағыу бер осоро менән тотош ил халкын таныштыра, мәғрифәтселек йүнәләшендәге рухи ынйыларыбыззы қиң даирәгә сығара. Китапта һүз сәнғәте үсәше ижтимағи тормош менән тығыз бәйләнәштә анализлана, мәшһүр М.Ақмулла, М.Өмөтбаевтар ижады, С.Күкләшев, М.Иванов һәм М.Биксурин кеүек мәғрифәтсепедагогтар эшмәкәрләге төрлө яқлап яқтыртыла. Әйтергә кәрәк, был китап революцияға тиклемге башкорт эзәбиәте буйынса Мәскәүзә, илебеззәң төп ғилми нәшриәтендә донъя күргән тәүге һәм әлегәсә берзән-бер фундаменталь хезмәт булып тора.

Ғ.С. Кунафин текстология өлкәһендә лә әүзем эшлэй. XIX быуаттың беренсе яртыһында йәшәгән Ш.Зәки, Һ. Салихов кеүек суфый шағирҙарзың ижадтарына бәйлә иҫке төрки телендәе сығанактарзы өйрәнөп, уларзың бығаса донъя күрмәгән йә иҫкесә басылған шиғырҙарҙарын хәзерге башкорт теленә аузарып бастырып сығарзы. Шулай ук мәғрифәтсе-ғалим, шағир, публицист һәм тәржемәсе М.Өмөтбаевтың кулъязмаларын, үз заманында басылып сыккан китаптарын, төрлө архив материалдарын системаға һалып, текстологик яктан эшкәртеп, баш һүз һәм аңлатмалар менән «Йәдкәр» тигән баш астында 1984 йылда бастырып сығара; 2011 йылда ул кабаттан нәшер ителә. Уның тырышлығы менән 2001 йылда күренекле мәғрифәтсенәң «Шиғырҙар» йыйынтығы, 2016 йылда «Әсәрҙәр. Хезмәттәр» тигән исем менән ижад емештәрәнәң бөгөнгө көндә иң тулы булған тупланмаһы донъя күрзе. Төплө баш һүз һәм аңлатмалар менән озатылған был китаптар әзиптәр, ғалимдар, мәктәп һәм юғары укыу йорттары укытыусылары, студенттар һәм укыусылар, ғөмүмән, үткәндәге тарихыбыз, ғилми-рухи байлығыбыз менән кызыкһыныусылар өсөн ифрат кәрәкле сығанактар булып тора. Ныкышмалы ғилми эзләнеүҙәр һөзөмтәһе буларак, 1991 йылда Ғиниәтулла Сафиулла улының тағы ла бер төплө хезмәте донъя күрә. «Мәғрифәтсе һәм әзип М.Өмөтбаев» тигән был монографияла киң мәзәни-әзәби фонда Мөхәмәтсәлим Өмөтбаевтың тормош һәм ижад юлы, донъяға карашы яқтыртыла, биографияһының быға тиклем билдәһез булған яктары асыла.

Ғиниәтулла Сафиулла улы бөгөнгө көндә әзәбиәт ғилемәбеззәң иң оло қазанышы булған хезмәттә – ете томлық башкорт әзәбиәте тарихын әзерләүзә әзем қатнашыусыларзың береһе булды. Ул XIX быуаттың беренсе яртыһында Башкортостандағы ижтимағи-мәзәни хәрәкәт, мәзәниәттәң һәм әзәбиәттәң торошо, үсеш тенденциялары, Ш.Зәки, М.Өмөтбаев, Р.Фәхрәдинов

кеүек эзиптәрзең тормошо һәм ижады хакындағы монографик бүлектәрзе яззы, XX быуат азағы –XXI быуат башы башкорт эзәбиәтенә арналған етенсе томда иһә И.Кинйәбулатов, Г.Юнысова ижадтарына киң байкау яһаны. Алға китеп булһа ла уның Урал халыктары эзәбиәте тарихын языузы ойоштороу, концепцияһын, план-проспектын тикшерерү вақыттарында академик Ғ.Б. Хәсәйенов, фән докторзары М.Х. Изелбаев, М.Х. Нәзерғоловтар менән берлектә башкорт эзәбиәте файзаһына концептуаль фекерзәр менән кыйыу, нигезле сығыштар яһауын, уға бәйле конференцияларза әүзем катнашыуын билдәләп китеү урынлы булып. һөзәмтәлә, берзәм тырышлык үз емешен бирзе, башкорт һүз сәнғәте «История литературы Урала» тигән һокланғыс фундаменталь күп томлыкта үзенең лайыклы урынын алды. Уның зур-зур ике китаптан торған XIX быуат эзәбиәтенә арналған томының (М., 2021) дүрт бүлегендә күренекле патриот ғалимдың хезмәт емештәре сағылыш тапты.

1981 йылда Башкорт дәүләт университетының филология факультетына эшкә күскәс, Ғ.С. Кунафин оҫта педагог һәм ойоштороусы буларак та асыла. Бер үк вақытта ул талиптар өсөн укыу әсбаптары әзерләүгә тотона. Һуңғы бер нисә тиҫтә йыл әсендә ул республикабыззың «Китап» һәм БДУ нәшриәтендә «XIX быуаттың беренсе яртыһындағы башкорт эзәбиәте», «XIX быуаттың икенсе яртыһындағы башкорт эзәбиәте», «XIX быуатта Башкортостан мезәниәте һәм башкорт эзәбиәте» «Культура Башкортостана и башкирская литература XIX – начала XX века», «Башкорт эзәбиәте тарихы. Беренсе киҫәк. XIX быуаттың беренсе яртыһындағы эзәбиәт» (икенсе киҫәк – «XIX быуаттың беренсе яртыһындағы эзәбиәт», өсөнсө киҫәк – «XX быуат башындағы эзәбиәт»), «XIX быуат башкорт эзәбиәте», «История культуры Башкортостана XIX – начала XX века»

тигән вуз дәреслектәре һәм укыу әсбаптары баһтырып сығара. Улар яңы осор – капитализм осоро башкорт әзәбиәтен һәм мәзәниәтен өзләкһөз үсеш-үзгәреш кисергән тулайым, системалы бер күренеш итеп яктыртырға ынтылыузың тәүге өлгөләре булды. Китаптарза узған быуаттағы башкорт һәм Башкортостан халыктары мәзәниәтенә, башкорт әзәбиәтенә тарихи, социаль-иктисади һәм сәйәси ерлеген, идея-әстетик сығанактарын, ижад ителеү һәм йәшәү формаларын, үз-ара бәйләнештәрен, художество методтарын, тематикаһын һәм жанр-стиль үзенсәлектәрен асыклауға, күренекле әзиптәрзәң тормош һәм ижад юлдарын яктыртыуға зур игтибар бүленә. Ә инде мәзәниәткә бәйлә рус телендә донъя күргән хезмәттәрзә Башкортостандағы төрлө менталитетлы рухи мәзәниәттең фән, мәғариф, матбуғат, музыка, театр, һынлы сәнғәт һәм башка өлкәләре, уларзың күренекле вәкилдәренә ижадтары хақында ла байтак мәғлүмәттәр бирелә, етди күзәтеүзәр һәм һығымталар яһала. Әйткәндәй, ғалим-педагог Башкортостан мәзәниәте буйынса әзләнеүзәрә артабан да дауам иттерә. Шуның бер етди һөзөмтәһе булып «Култура Башкортостана XIX – начала XX века» тигән күләмле монографияһы донъя (Өфө: Ғилем, 2016). Унда инде автор мәзәниәттең донъяуи яктарына ғына түгел, дини аспектарына ла зур игтибар бүлә. Субмәзәниәт (субкультура) күренешә булған диндә иҫәпкә алмай тороп, бер генә халыктың да, илдең дә рух-мәзәни тарихы тулы булмаясак тигән позициянан тороп, ул Башкортостанда ислам һәм христиан диненә бер зур тармағы булған провославиеның таралыу тарихын, уларзың төбәктә мәғарифты, фәнде, һаулык һаклаузы, әзәбиәтте, сәнғәттең башка тармактарын үстәреүзәге ролен асыклауға, күренекле мәғрифәтсә дин әһедәренә эшмәкәрлектәрен яктыртыуға зур игтибар бүлә. Ошо яктан был фундаменталь хезмәт беззәң культурология фәнен әр-яңы фекер-күзәтеүзәр менән байытқан яңы күренеш булып тора.

Күренекле ғалим-педагог республикабыз юғары укыу йорттары өсөн тәү тапкыр язылған рус телендөгә «Башкортостан тарихы. Боронғо дәүерзәрзән алып 1917 йылға тиклем» (1991) тигән дәреслекте, «Башкортостан Республикаһыныңтарихи-мәзәни атласы»н (2007) әзерләүзәлә туранан-тура катнаша. Әйткәндәй, был хезмәттәрзән авторзары араһында ул берзән-бер филолог була. Уның бөгөнгө көндә рус һәм башкорт телдәрәндә донъя күргән ете томлык «Башкорт энциклопедияһы»н, ете томлык «История башкирского народа» һәм «100 лет Духовному собранию Башкортостана» тигән етди хезмәттәрзә языуза әүзем катнашкан әзәбиәт белгесе һәм культуролог булыуын да билдәләп китергә кәрәк.

XX быуаттың 90-сы йылдарында тәжрибәле ғалим төп иғтибарын XIX – XX быуат баштарында башкорт әзәбиәттәң идея-әстетик һәм жанрзар системаһы йәһәтенән яңырыш кисереуән өйрәнеүгә йүнәлтте. Бигерәк тә поэтик жанрзар системаһының формалашуы һәм үсеше менән кызыкһынды. Нәзәмтәлә, шул әзләнеүзәрзән бер өлөшө буларак, «XIX – XX быуат баштарында башкорт сатирик поэзияһы: жанр формалары барлыкка килеүе һәм үсәүе проблемалары» (1996) тигән китабы нәшер ителде. Рус телендә басылған был хезмәттә башкорт әзәбиәт ғилеме тарихында беренсе тапкыр сатирик поэзиябыззың формалашу юлдары асып бирелгән. Автор мәсәл, тәмсил, пародия, эпиграмма, сатирик шиғыр, сатирик баллада, сатирик поэма кеүек жанрзар һәм уларзың төрзәрә эволюцияһын бер поэтик типка караған жанрзар системаһы буларак әзмә-әзлеккә күзәтә, уларзың үз-ара мөнәсәбәттәрән, йоғонто яһашыузарын асыклай. Китап фактик һәм теоретик материалға ғәйәт бай. Әзәбиәтебеззән үткәнә менән кызыкһыныусылар унан фәһемле һәм кызыклы мәғлүмәт ала ала. Ғалимдың был хезмәте бик ырыслы булды. Унан һуң ул бер-бер артлы «XIX – XX

быуат баштарында башкорт эзэби йыр поэзияһы» (1997), «Йыр менэн дә, сатира менэн дә» (199), «XIX – XX быуат баштарындағы башкорт поэзияһы: жанрҙар системаһы мәсьәләләре» (2002), «XIX – XX быуат баштарындағы башкорт нарратив поэзияһы» (2003), «Үткәндең шиғри ауазы. Башкорт манифестацион-публицистик һәм нарратив поэзияһының жанрҙар системаһы үсеше» (2004), «XIX – XX быуат баштарындағы башкорт поэзияһы: жанрҙар һәм иждея-художество үзенсәлектәр мәсьәләләре» (2011) тигән күләмле-күләмле монографияларын рус телендә баһтырып сығарҙы. Уларҙың һәр береһе айырым һүз алып барыуға һәм баһа биреүгә лайыҡ. Абруйлы һәм тәжрибәле эзэбиет белгестәребезҙең береһе, профессор М.Ф. Ғәйнуллин уның «И песней, и сатирой» (1999) тигән монографияһына яҙылған һәм «Ағизел» журналында баһтырып сығарған рецензияһында был хезмәттә «фәнни асыштар йыйылмаһы» тип баһаланы.

Ғалимдың докторлық диссертацияһына нигез булып яткан был монографияларҙа күтәрелгән мәсьәләләрҙең бығаса эзэбиет ғилемдә махсус рәүештә тикшерелгәне һәм яҡтыртылғаны булманы. Ғиниәтулла Сафиулла улы XIX – XX быуат башы башкорт шиғриәтен, берзәм һәм бөтөн бер система итеп карап, дөйөм эзэби фонда эзмә-эзлекле һәм төрлө яклап анализлай. Мәғрифәтселек һәи тәнкитле реализм дәүерендәге поэтик жанрҙарҙы автор төп дүрт төркөмгә бүлә: йыр лирикаһына, манифестацион-публицистик лирикаға, медитатив һәм нарратив (хикәйәләүгә һәм һүрәтләүгә королған) лирикаға караған жанрҙар. Жанрҙарҙы төркөмләүҙә алғы планға уларҙың тәғәйенләнешен, функцияһын сығарып, күренекле ғалим-педагог милли шиғриәтебез тарихына өр яңы караш ташлай һәм поэтик жанрҙар системаһының әлегәсә һис кем тарафынан өйрәнелмәгән яктарын, үзенсәлектәрен асып һала. Хезмәттәргә лирик формаларҙың һәр төрөнә ентөкле

һәм төплө характеристика бирелгән, ифрат бай эзәби материал күз унынан үткәрелеп, әлегәсә билдәле булмаған байтак язма сығанак фәнни әйләнешкә индерелгән.

Шуныһы ла игтибарға лайык, автор тикшерелгән осор эсәрзәре менән генә сикләнмәй, жанрзарзың генетик тамырзарын, формалашыу юлдарын асыклау максатында йыш кына боронғо һәм урта быуаттар төрки-башкорт эзәбиәтенә күз ташлап ала, шулай ук көнсығыш һәм көнбайыш эзәбиәттәренәң киң фонында сағыштырма-типологик тикшеренеүзәр үткәрә. Монографияларза фольклор комарткылары ла иркен файзаланылған. Был осраклы түгел, әлбиттә. Сөнки язма лирика жанрзарының һәр төрө лә, бигерәк тә йыр поэзияһы, үзенәң сығышы буйынса халкыбыззың сал быуаттарзан килгән ауыз-тел ижадына туранан-тура бәйләнгән.

Тәкдим ителгән төркөмләү принциптарына ярашлы рәүештә күренекле ғалимдың икенсе монографияһының тәүге бүлегендә – йыр поэзияһы, икенсендә – манифестацион-публицистик һәм өсөнсөндә нарратив поэзия жанрзары төплө һәм системалы анализлана. Тикшеренеүзәң ошондай тәртиптә бирелеше логик фекер ағышы йәһәтенән дә, хроникаль йәһәттән дә үзен тулыһынса аkläй. Хезмәттәң инешендә һәм йомғаклау өлөшөндә әйтелгәнсә, XIX быуат урталарынан башкорт шиғриәтендә нәк йыр жанрындағы, дөрөсөрәге, йырға, көйгә бәйле эсәрзәр: йыр-хикәйттәр, йыр-мәдхиәләр (одалар), йыр-элегиялар, йыр-балладалар, романстар, йыр-агиткалар, йыр-орандар, бәйеттәр һәм мөнәжәттәр өстөнлөк ала башлаған. XIX быуат азағы – XX башында иһә манифестацион-публицистик характерзағы хитап, мәктүб, васыятнамә, эпиграмма, пародия, памфлет кеүек эсәрзәр актуаль төс ала, ә сюжетлы хикәйәләүгә, һүрәтлөгә королған мәсәл, тәмсил, поэма һәм балла ише нарратив жанрзар XX быуат башында ғына ныклап популярлашып

китә. Жанрзарзың шулай шигрияттең төркөм-төркөм системаһы булып майзанға сығыуы, әлбиттә, социаль-сәйәси һәм иктисади шарттарға ла күпмелер бәйле. Шуны күз уңында тотоп, профессор Ғ.С. Кунафин үзенә монографияларында йәмғиәттә барған хәл-вакифаларзы яқтыртыуға ла зур урын бирә.

Ғөмүмән, тәҗрибәле ғалимдың был һәм башка хезмәттәре үзәренәң яңылыктары, асыштарға һәм табыштарға бай булыулары менән күңелде арбай. Асылда уларза башкорт әзәбиәт ғилеме тарихында тәү башлап һүз сәнғәтен жанр йәһәтенән өйрәнәүең методологик һәм тарихи-теоретик аспекттары, жанрзарзы классификациялау принциптары нигезләнә. Авторзың күп яклы һәм ентекле тикшеренәүәрзән сығып әйткән фекерзәре, һығымталары XIX – XX быуат башы башкорт шигриятенәң генә түгел, шул осорзағы тотош әзәбиәттең үсеш закондарына кағыла. Безгә төплө фекерле, кызыклы һәм кәрәкле был китаптарзың туған телебеззә лә нәшер ителеүен теләргә генә кала.

Ошондай күп яклы һәм емешле эзләнәүәр алып барған күренекле ғалим-педагог үзенәң әзәбиәтте жанр йәһәтенән өйрәнәүгә бәйле төплө ерлекле фекер-күзәтеүәрән артабан донъяға сығарған «Акмулланың шигри йәйғоро – Поэтическая радуг Акмуллы» (2006, 2011), «XIX – XX быуат башы башкорт әзәбиәтенәң үсеш үзенсәлектәре» (2014), «Шәйехзада Бабичтың ижад офоктары –Творческие горизонты Шайхзады Бабича» (2015), «XX быуат башы башкорт әзәбиәтенәң идея-художество үзенсәлектәре» (2016), «Башкорт мәғрифәтселек әзәбиәте» (2019) тигән күләмле монографияларында урынлы кулланды. Уларза революцияға тиклемгә башкорт әзәбиәтенәң формалашыуы һәм үсәүе үзенәң юлбашын көнсығығыш һәм көнбайыш һүз сәнғәттәре һәм мәзәниәттәренән алған киң милләт-ара

аспекттарза яктыртыла. Туған халкының рухи мирасын шулай киң масштаблы бэйләнештә, айырыуса рус әзәбиәте һәм мәзәниәте менән бағланышта системалы тикшерәү ғалимға уның йөкмәтке, жанр-стиль байлығын ғына түгел, бәлки теге йәки был осорзағы үсешә законлыктарын асып бирәүгә, идея-әстетик системаларзың алмашыныуы картинаһын төшләрәк нигезләүгә, шуның менән совет осорона тиклемгә башкорт әзәбиәтенәң теоретик тарихын тыузырыуға етди азым яһауға булышлык итә.

Милли һүз сәнғәтенәң үткәнә һәм бөгөнгөһә хақындағы уй-фекерзәрә менән профессор Ғ.С. Кунафин республикабыз, Рәсәй һәм халык-ара кимәлдә узғарылған фәнни конференцияларза һәм симпозиумдарза йыш сығыш яһай. Ул ғына ла түгел, конференцияларзы ойштороуза туранан-тура үзе катнаша. Һуңғы йылдарза ғына ла БДУ-ла «Туған тел һәм милли мәзәниәт», «Профессор Ж.Ғ.Кейекбаев һәм урал-алтаистика проблемалары», «Туған тел һәм әзәбиәт өйрәнәү һәм укытыу мәсьәләләрә», «З.Вәлиди һәм көнсығышты өйрәнәү фәнә», күренекле шәхестәрәбез Салауат Юлаев, Зәйнулла Рәсүлев, Мөхәмәтсәлим Өмөтбаев, Шәйехзада Бабич, Зәйнәп Бишева, Мостай Кәрим, Назар Нәжми, Ғайса Хөсәйенов, Рауил Бикбаев, Ғәли Ибраһимовтарзың юбилейзарына арналған һәм башка бик әһәмиәтлә фәнни-ғәмәли конференциялар булып үттә. Уларзың уңышлы һәм ойшқанлык менән үтәүеүзәрәндә инициатор һәм ойштороусы буларак уның хезмәт өлөшә ифрат зур.

Ғиниәтулла Сафиулла улы республикабыззың милли мәғариф системаһы, мәктәптәр менән бэйләнештәр булдырырға ла нык иғтибар итә. Ул VIII һәм IX синифтар өсөн башкорт әзәбиәте буйынса дәреслектәр төзөүзә әүзем катнашты. Бөгөнгө көндә ул профессор М.Х. Изелбаев менән берлектә «Башкорт әзәбиәте. IX класс өсөн дәреслек»тең яңы вариантын әзерләп бастырып,

уҡытыусылар һәм уҡысылар карамағына тапшырҙы. Бынан башка уҡытыусыларға ярҙам күрһәтәү йөзөнән ул ғалим-уҡытыусы Р.С. Искәндәров менән берлектә «IX класта башҡорт әҙбиәтен уҡыту» һәм ғалим-педагог М.Б. Юлмөхәмәтов менән берлектә VII – IX класстар өсөн ««Башҡорт әҙбиәте» дәреслегенә методик кулланма» тигән хезмәттәрҙе донъяға сығарҙы. Улар уҡыусыларҙың образлы фекерләүен үстәрәү, уларға эстетик һәм этик тәрбиә биреү буйынса уҡытыусы алдында торған бурыстарҙы аныҡ билдәләүе менән әһәмиәтле. Һуңғы хезмәتكә IX класс программаһына ингән бөтә материалдарға дәрсәтәрҙең яҡынса методик эшкәртмәләре килтереләүе лә уға бәс өстәй.

Үткән һәм бөгөнгө, улар араһындағы диалектик берлек – был хәкикәткә бик иғтибарлы профессор Ғ.С. Кунафин. Әҙбиәтебезҙең революцияға тиклемгә дәүерен өйрәнәү менән генә сикләнмәйсә, ул бөгөнгө әҙби процеска ла ваҡытында үз мөнәсәбәтен, баһаһын белдереп барырға тырыша. Ғалим бөгөн дә матбуғат биттәрәндә хәзергә әҙби процеска бәйлә проблемалы мәкәләләр, рецензиялар менән йыш сығыш яһай. Тиҫтәгә яҡын йыл ул Башҡортостан Языусылар берлегенә әҙби тәнкит секцияһын етәкләне, әҙби тәнкиткә йәш көстәрҙе ылыҡтырыу хаҡында ла етди хәстәрлек күрҙе. Уның һәм «Ағизел» журналы мөхәрририәтенә тырышлығы менән был баҫмала «Йәш тәнкитселәр клубы» рубрикаһы асылды. Бер нисә йыл һузымында унда талиптар һәм яңы әсәрҙәргә карата үз фекерен әйтәргә теләгән башка йәштәр даими һүз ала килде. Кызғаныска каршы, бөгөн был матур башланғысты үстәрәп алып китеүселәр күрәнмәй.

Ғ.С. Кунафиндың республикабыҙ өсөн юғары белемле кадрҙар әҙерләүҙә хезмәте баһалап бөткөһөз. 1986–1990 йылдарҙа ул БДУ-ның филология факультеты деканы урынбаҫары булып эшләне. Был ваҡытта башҡорт

мәктәбен тамамлаган йәштәр белемдәрен камиллаштырыуы бер генә төркөмдә – ул да булһа башкорт-урыс төркөмөндә бойомға ашыра ала ине. Гиниәтулла Сафиулла улы башкорт телен һәм эзәбиәтен, Башкортостан тарихын һәм мәзәниәтен укытыуы кинәйтеүгә күп көс һалды. Уның инициативаһы, ныкышмал кыйыулығы һәм Д.Ж. Вәлиев, М.М. Колшәрипов, Р.Н. Байымов, М.В. Зәйнуллин, М.Ф. Ғәйнуллин кеүек коллегаларының әүзем теләктәшлеге һәм тырышлығы менән БДУ-ла республика вуздар тарихында тәү башлап айырым берәмек буларак башкорт филологияһы һәм журналистика факультеты барлыкка килтерелде. 1990 йылда ойшторолған был факультеттың тәүге деканы итеп Ғ.С. Кунафин һайлана.

Ғ.С. Кунафин республикабыз вуздары тарихында йәнә беренсе булып БДУ базаһында халкыбыздың рухи мирасын өйрәнәү һәм студенттарға укыту, кинә йәмәғәтселеккә еткерәү бурысын тормошка ашырыусы кафедраны ойштороуға өлгәшә. 2000–2012 йылдарза ул 1917 йылға тиклемге башкорт эзәбиәте кафедраһын етәкләй һәм ул республикала танылыу алған, үз йөзө булған, емешле эшләгән кафедраға әүерелдерә. Кызғанымска каршы, XXI быуат баштарында ныклап «старт алған» оптимизация процессы был кафедраны ла урап үтмәй, 2012 йылда уны башкорт эзәбиәте һәм фольклоры кафедраһына кушалар. Озак йылдар абруйлы ғалим-педагог башкорт эзәбиәте, фольклоры һәм мәзәниәте кафедраһын етәкләне. Уларза тистәләгән йәштәр аспирантурала укый, вуз һәм мәктәп дәрәсләктәре языла, монографиялар, укыу әсбаптары, даими рәүештә «Эзәби мирас. Фольклор. Текстология» тигән дауам ителәп килгән ғилми мәкәләләр йыйынтығы, программалар донъя күрә, ике фән докторы, алты кандидат әзерләп сығарыла.

УДК 025.171:027.021(470.57)

**К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО
НАСЛЕДИЯ ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО:
КОЛЛЕКЦИЯ ПЕЧАТНОЙ ПРОДУКЦИИ
ТИПОГРАФИИ «ТЕРДЖИМАН» В ФОНДАХ
БАХЧИСАРАЙСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

Сеитмететова С.А., старший научный сотрудник ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник», г. Бахчисарай, Республика Крым

Аннотация: *Статья посвящена изучению печатной продукции одной из самых ярких мусульманских типографий конца XIX – начала XX века, чья печатная продукция стала ядром книжной коллекции Мемориального комплекса Исмоила Гаспринского – одного из структурных подразделений Бахчисарайского музея-заповедника.*

Ключевые слова: *Гаспринский, Терджиман, книжная коллекция, Бахчисарайский музей-заповедник.*

Книги и брошюры типографии известного общетюркского просветителя, издателя и общественного деятеля И. Гаспринского всегда вызывали особый интерес у исследователей, изучающих реформаторские процессы в тюрко-мусульманском обществе рубежа XIX–XX вв. Изучая формирование новой системы народного просвещения у российского мусульманства, учёные не раз отмечали важность учебников и методических пособий И. Гаспринского, однако, долгое время не могли составить полный реестр полиграфической продукции его издательства. Причиной этому, скорее всего, было то, что эти издания написаны на разных языках и рассеяны по различным научным учреждениям.

Личная библиотека просветителя не дошла до нас как целостное явление. После смерти И. Гаспринского его книжное собрание было передано в читальню Дома-музея, открытого на базе здания типографии газеты «Терджиман» 21 марта 1921 г. В 30-е годы, после закрытия Дома-музея экспонаты и печатная продукция были переданы в Бахчисарайский дворец-музей, однако, уже в 1944 г. были оттуда изъяты цензором Бахчисарая. После долгих лет забвения в 2001 г. к 150-летию со дня рождения просветителя музей Исмаила Гаспринского был возрождён и вновь открыт для посетителей. В новооткрывшееся учреждение из основного фонда Бахчисарайского музея-заповедника были переданы личные вещи просветителя – свыше 2 000 единиц хранения печатной продукции. На сегодняшний день переданные издания систематизированы по географическому и хронологическому принципу.

Книжная продукция учебного, научно-популярного, общеобразовательного, художественного и религиозного направления издательства типографии газеты «Терджиман» является основой книжного фонда Мемориального комплекса Исмаила Гаспринского. Условно её можно разделить на 6 групп.

В *первую группу* мы относим учебную продукцию, охватывающую более чем 40 наименований. Наиболее ярким представителем этой группы является знаменитый учебник И. Гаспринского «Ходжа-исубьян» («Учитель детей»), ставший первым светским учебным пособием для крымскотатарских школ. Впервые букварь вышел в свет в 1884 г., позже он расширялся и несколько раз переиздавался достаточно большими тиражами. Первая часть учебника предназначалась для изучения азбуки. После усвоения букв дети должны были перейти к чтению маленьких рассказов, затем следовал арабский язык. На обложке второй части указывалось: «*Специальный учебник по изучению тюркского языка*» [1, с. 75]. Третью

часть издания составляло «Обучение чтению и полезные сообщения». В 1890 г. уже вышло второе исправленное издание, через два года – третье, а после 1898 г. – 7 изданий. Самыми известными и наиболее полными были те, которые вышли в 1909–1910 гг. В фонде музея хранятся 4 выпуска «Ходжа-и субьян» за 1902 и 1910 гг.

В 1894 г. И. Гаспринским был издан учебник «Къырает тюркий» («Турецкая хрестоматия») – хрестоматия для «детского чтения», являющаяся неким продолжением учебника «Ходжа-и субьян». Она включала в себя материалы по арифметике, чтению, письменным упражнениям, географии и истории, которые все время перемежались. Литературные произведения, помещённые в хрестоматии, представляли собой небольшие рассказы нравственно-воспитательного содержания – о добре и зле, справедливости и обидах, о человеческой преданности и пр.

Среди методических пособий, изданных типографией газеты «Терджиман», стоит назвать «Рехбер-и-муаллимин яки муаллимлере ёлдаш» («Спутник учителя»), который знакомил с основными принципами джадидизма. На страницах труда были освещены проблемы обучения в школах, работавших по старому схоластическому методу. В пособии давались ценные советы по организации научной работы учителя и школы.

Для обучения правильному и красивому почерку И. Гаспринский предлагал наборы дешёвых каллиграфических тетрадей-прописей [2], которые широко использовались в начальных новометодных школах. Они помогали научиться правильно писать арабской вязью «способом наведения». Для обучения крупному письму рекомендовались тетради «Слюс», а для мелкого «Рик-а». Совершенствовать свое умение в написании персидских текстов помогала тетрадь «Талик».

Целый ряд пособий, хранящихся в единичных экземплярах можно увидеть в витринах музея просветителя: «Беден-и-инсан» («Анатомия»), «Нумюне-и-

хутут ве ресим» («Правила правописания»), «Мухтасар ильм-и-хэсап» («Научная математика»), «Атласлы джогъграфия» («Географический атлас») и пр.

Как известно, обучение в крымских мектебах и медресе, даже после джадидских реформ проходило в непосредственной близости с религией и часто тексты учебных пособий содержали рассказы религиозного характера, отрывки из жизнеописания пророков, образцы сур из Корана и т.д. Вторую группу печатной продукции типографии газеты «Терджиман», хранящуюся в фондах Мемориального музея, представляют издания религиозного и религиозно-нравственного характера. Возглавляет эту группу экспонатов «Самое лучшее и безошибочное издание в мусульманском мире» – Коран. Издаваемые И. Гаспринским Кораны были высокого качества, и большие его тиражи распространялись за границей. Помимо того, что Кораны печати И. Гаспринского были различных форматов, они так же издавались в различных полиграфических стилях. К сожалению, в фондах Бахчисарайского музея-заповедника сохранился лишь один экземпляр Келям-и Кадима. Он был издан среднего формата в 12.5x18.5 см. в 1899 г. Помимо Корана бахчисарайский редактор-издатель печатал литературу на разные религиозно-моральные темы. Так, в фонде музея хранятся брошюры содержащие наставления и проповеди: «Рамазан насихаты» («Наставления на Рамазан»), «Рамазан хедиеси» («Дары Рамазана»), «Къыркъ хадис-и шериф» («Сорок хадисов») и т.д.

Не менее влиятельным фактором распространения просветительских идей среди тюрко-мусульманских народов была художественная литература. Пытаясь осмыслить проблемы современного ему мира, И. Гаспринский в литературных произведениях отразил различные стороны общественной жизни в самых сложных

и разнообразных её проявлениях [7,с.16]. Произведения литературно-художественного характера составляют *третью группу* печатной продукции типографии газеты «Терджиман». При жизни И. Гаспринского и после его смерти в бахчисарайской типографии были изданы десятки оригинальных художественных текстов, переводов на крымскотатарский язык известных литературных произведений, пьес и сборников стихотворений. Так, следует выделить роман «Дар-ур Рахат мусульманлары» («Таинственная страна»). Будучи частью «Французских писем», опубликованных И. Гаспринским в течение 1887–1889 гг. в газете «Терджиман», этот труд стал первым историко-философским произведением и первым романом в крымскотатарской литературе. В фондах Бахчисарайского музея-заповедника хранятся и другие не менее интересные сочинения и переводы – рассказ И. Гаспринского «Ики бахадыр» («Два героя»), «Эки сарайда бир гедже» («Одна ночь в двух дворцах»), пьеса М. Хильмий «Бахтияр», перевод с русского Ш. Абдульгъафара «Крылов темссюлятындан терджиме» («Переводы произведений Крылова») и т.д.

Четвертая группа изданий охватывает малоизученные книги и брошюры, относящиеся к публицистическому наследию просветителя. В музее хранятся более 15 наименований эссе и очерков И. Гаспринского, опубликованных отдельными брошюрами. Так как публицистика И. Гаспринского прежде всего отражалась в периодических изданиях конца XIX – начала XX вв., в частности на страницах газеты «Терджиман», отдельными изданиями были переизданы, по мнению самого И. Гаспринского, наиболее интересные для его читателей работы. Среди них хотелось бы отметить произведения: «Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания», «Медениет-и ислямие» («Мусульманская цивилизация»), «Истиля-и Туркистан»

(«Экспансия Туркистана»), «Тавиз аль-Нисван» («Предостережение для женщин»), «Проблески культурного движения татар. Краткий очерк» и пр.

Пятой группой можно обозначить издания, опубликованные типографией И. Гаспринского в различных коммерческих, благотворительных и просветительских целях. В эту группу относятся отчеты благотворительных обществ, отески законов и пр.: «Высочайше утвержденное 5 апреля 1891 года Положение о комиссии о вакуфах», «Манкъя маразынынь инсанлара сурет-и сераиты яни юкьмасы» («Способы заражения людей сапом»), С. А. Озенбашлы «Ялы бою татар фукъаресы ярдымына махсус Ялта шехри джемият хайриеси» («Устав Ялтинского общества помощи бедным южнобережным татарам») и др.

Самой малочисленной группой является *шестая* – периодика И. Гаспринского. В музее она представлена тремя наименованиями: единственным сохранившимся в фонде Бахчисарайского музея-заповедника номером «Терджимана» за 1916 г., несколькими номерами журнала «Алем-и Нисван» («Мир женщин») и приложения к газете «Терджиман» – «Мектеб-и субъян» («Детская школа»).

Таким образом, коллекция печатной продукции первой крымскотатарской типографии содержит самые разнообразные книги и брошюры, каждая из которых требует максимального внимания и индивидуального подхода в процессе изучения. К сожалению, отсутствие открытого доступа в фонды, хранящие редкие издания, отдаленность этих учреждений, а также неверная атрибуция некоторых изданий привела к ряду ошибок, прочно закрепившихся в исследовательской литературе. Так, долгое время перу И. Гаспринского приписывали пьесу «Бахтсыз бала» («Бедное дитя») Намыка Кемаля, адаптированную под тюркоязычного российского читателя

и переизданную в Бахчисарае в 1882 г., книгу Ф. Кочарлинского «Талимат-и Сократ» («Поучения Сократа») 1891 г., рассказ М. Акчурина «Чобан къыз» («Девушка пастушка») 1897 г. и ряд брошюр, изданных при поддержке И. Гаспринского в его типографии.

В 2016 г. на основе исследований книжного фонда Бахчисарайского музея-заповедника был издан каталог, где была собрана информация о печатной продукции, изданной в типографии И. Гаспринского. В книге приведены сведения о сохранившихся учебниках, книгах и брошюрах, изданных в типографии «Герджиман», а также составлен полный реестр книжной продукции первого мусульманского издательства в Крыму.

Целью издания было не только помочь воссоздать картину развития печатного дела и тематику изданий бахчисарайской книгопечатни, но и стать некой справочной литературой, руководствуясь которой исследователи могут правильно ввести в научный оборот огромный массив первоисточников, недоступных долгое время широкому кругу читателей. Это в свою очередь не только повышает уровень доступности трудов И. Гаспринского, но позволяет вывести на качественно новый уровень исследования в области отечественного гасприноведения.

Список использованных источников и литературы

1. Абибуллаева Э., Сеитмететова С. Просвещённый народ бессмертен... // Восточная коллекция. Бахчисарайский альбом. – Москва, 2014. – № 4 (59). – С. 74–79
2. Гаспринский И. Устад-ы-субьян. Къалем кесмек ве тутмакъ усулы. Рикъкъа хаты дефт. 1–2. Багъчасарай: И. Гаспринский Нинънешри, 1909. 32 с.; Гаспринский И. Устад-ы-субьян. Къалем кесмек ве тутмакъ усулы. (Сюлюс, рикъкъа язы усуллары). – Багъчасарай: «Герджиман» табханеси, 1910–1911. – 36 с.

3. Ганкевич В. Ю. На службе правде и просвещению: Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). – Симферополь: Доля, 2001. – 328 с.
4. Ганкевич В.Ю., Ягъя Н. Гаспринский Исмаил-бей Мустафа-оглу: биобиблиография. –Симферополь, 1995. – 80 с.
5. Керим И. А. Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. Пособие для учеников старших классов средних школ и студентов вузов специальности «Крымскотатарский язык и литература». Симферополь: Симферопольская городская типография, 2009. – 324 с.
6. Печатная продукция типографии газеты «Переводчик-Терджиман» в собрании Бахчисарайского музея-заповедника: каталог / С. А. Сеитмететова. – Белгород: КОНСТАНТА, 2016. – 96 с.
7. Полное собрание сочинений Исмаила Гаспринского. Т. I. – Симферополь: ООО ФОРМА, 2016.– 384 с.
8. Сеитмететова С. А. Учебники издательства И. Гаспринского для преподавания светских дисциплин в мусульманских школах // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». – 2011. – Т. 24 (63). – № 2. – С. 105–110.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НОМИНАЦИЙ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Селендили Л.С., доктор филологических наук, профессор
кафедры крымскотатарской филологии Института
филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского»
г.Симферополь, Республика Крым, Россия

Аннотация: *В статье представлен анализ особенностей формирования крымскотатарской терминологии государственного и муниципального управления. Всестороннее изучение данной терминологической системы представляется особенно важным в связи с необходимостью уточнения, конкретизации и точной дефиниции многих терминов, в том числе специальных номинаций, заимствованных из других языков.*

Ключевые слова: *крымскотатарский язык, государственный язык, перевод, государственное управление, субстантивированные словосочетания, модели номинаций*

В 2014 году языковые условия современного Крыма изменились. В связи с принятием Конституции Республики Крым государственными языками республики стали русский, украинский и крымскотатарский языки [4]. Расширение сфер функционирования крымскотатарского языка в Республике Крым, на наш взгляд, необходимо начинать с развития субстантивированных словосочетаний-номинаций органов государственного и муниципального управления.

В крымскотатарском языке функционируют большие группы синонимов. Их можно иерархически распределить при формировании рассматриваемой терминологии: тематических менеджмент-блоков и номинаций органов государственного и муниципального управления. «Лексические единицы служат, прежде всего, для фиксации результатов познания человеком окружающей действительности. Действуя в этом мире, размышляя над ним и над собой, человек вычленяет всё новые и новые кусочки окружающей действительности и каждому из них даёт определенное имя» [5].

Сейчас крымскотатарский язык испытывает острую необходимость в вычленении этих «новых кусочков» и их номинации. Можно выделить четыре способа пополнения словарного состава крымскотатарского языка, увеличения его слов и значений:

1) образование новых слов (например, использовать потенциальные возможности словообразовательных аффиксов, сложение основ или слов целиком);

2) формирование новых значений у слов-синонимов, архаичной и диалектной лексики (метафора, метонимия, переосмысление, перенос значений);

3) образование субстантивированных словосочетаний и субстантиватов;

4) заимствования [3; 2].

Используя имеющуюся лексику крымскотатарского языка, попытаемся разграничить, десемантизировать, существующие синонимичные пары по убыванию признака, создать лингвистические кадровые цепи от главного должностного лица к подчиненному, обозначая таким образом круг базовых ключевых слов, необходимых нам при переводе номинаций, используемых в структуре государственного управления Республики Крым:

президент «башлыкъ», (высшее) руководство «башлыкълар», губернатор «ёлбашчы», глава «баш», премьер-министр «баш везир¹», председатель «реис», министр «везир», советник «тевсиеджи», консультант «меслеатчы», помощник «ярдымджи»; руководитель «ребер», руководство «ребериет», начальник «башчы», начальство «башчылар», директор/заведующий «мудир», управляющий «идареджи», заместитель «муавин»; министерство «везирлик», управление «идаре», комитет «комитет (орган, руководящий какой-либо областью государственной деятельности)», комитет «эйет» (орган, руководящий какой-либо областью общественной деятельности), департамент «болюм», отдел «болюк», сектор «къысым», создадим с ними ряд субстантивированных словосочетаний-клише.

Итак, после вхождения в состав Российской Федерации «Русие Федерациясы» и на основании принятой в 2014 году Конституции Республики Крым «Къырым Джумхуриетининъ Анаясасы» [Конституция Республики Крым <https://rk.gov.ru/ru/structure/39>], государственную

¹ В крымскотатарском языке посредством узбекского языка возникла традиция называть министра «назир», однако, если считать это слово арабо-персидским заимствованием, стоит обратить внимание на то, что слово «назир» в арабском языке употребляется в значении: «увещеватель, предвестник», а в персидском в значении «министр» используется слово «нозир»: 1. блюститель, наблюдатель; 2. инспектор; контролёр; 3. ист. министр; 4. делопроизводитель, управляющий. В современном узбекском языке уже попытались исправить эту ошибку и в значении «министр» употребляется слово «vazir», исторически в крымскотатарском языке слово «везир» функционировало, поэтому у нас есть все основания вернуть этот архаизм и использовать в значении «министр». Думаю, что слово «назир», не меняя устоявшейся формы написания, мы можем далее использовать в значении «наблюдатель», например: наблюдатель на выборах «сайлавларда назир».

власть «девет акимети»¹ в Республике Крым «Къырым Джумхуриети» осуществляют: Глава Республики Крым «Къырым Джумхуриетининъ Башы», Государственный Совет Республики Крым «Къырым Джумхуриетининъ Девет Шурасы» – Парламент Республики Крым «Къырым Джумхуриетининъ Парламенти», Совет министров Республики Крым «Къырым Джумхуриетининъ везирлер Шурасы» - Правительство Республики Крым «Къырым Джумхуриетининъ укюмети» [4].

Субстантивированные словосочетания-номинации должностей, которые будут использованы нами в качестве клише для дальнейшего перевода, имеют структуру безобъектного изафета, строятся слева направо по модели: (неоформленный падежным аффиксом) определитель + определяемое с аффиксом принадлежности -и/-ы (если определяемое оканчивается на гласный звук, то к нему добавляется эпентеза -с, а уже потом аффикс принадлежности -и/-ы). Например, заместитель председателя «реис муавини», Республика Крым «Къырым Джумхуриети», Совет министров «Везирлер Шурасы».

Субстантивированные словосочетания-клише, изафетные словосочетания и послеложные конструкции, обозначающие функциональные обязанности, поле деятельности, проблематику деятельности, признак подчинения должностного лица в целях создания термина-номинации должности или структурного подразделения объединяются в изафетные цепи в обратном для языка, с которого осуществляется перевод, порядке, например: 1Заместитель Председателя 2Совета министров

¹ Переводы на крымскотатарский язык извлечены методом сплошной выборки и контекстуального сопоставления из «Конституции Республики Крым (на русском, украинском и крымскотатарском языках)».

3Республики Крым – 1Постоянный Представитель
 2Республики Крым 3при Президенте 4РФ – 3Къырым
 Джумхуриети (-нинь) + 2везирлер Шурасы (-нынь) + 1реис
 муавини (регион + региональный орган власти + название
 должности – 4 РФ (Русие Федерациясынынь) 3Башлыгъы
 янындаки 2Къырым Джумхуриетининь 1Даимий Векили
 (название государства + номинация высшей
 государственной должности/ должности высшего органа
 федеральной власти + название региона + название
 должности). Аффикс -нынь/-нинь оформленного
 родительного падежа связывает субстантивированные
 словосочетания-клише по принципу принадлежности или
 подчинения определяемой должности. Перевод с русского
 языка будет осуществляться по следующей модели: [1 + 2
 + 3] – [1 + 2 + 3 + 4] = [3 (-нынь/нинь) + 2 (-нынь/нинь) + 1
 (-и/-ы/-сы)] – [4 (-нынь/нинь) + 3 (янындаки)
 + 2(-нынь/нинь) + 1 (-и/-ы/-сы)].

Послелог «янындаки»: 1) употребляется при
 обозначении лица, учреждения и т. п., к которому
 присоединено что-либо, от которого зависит что-либо;
 2) употребляется при указании на учреждение, лицо и т. п.,
 которому кто-либо подчиняется, чьи поручения кто-либо
 выполняет, например: Совет крымских татар при Главе
 Республики Крым «Къырым Джумхуриетининь Башы
 янындаки Къырымтатарларнынь Шурасы».

В «Аппарате» руководящего органа можно увидеть
 множество словосочетаний с предлогом «по», который при
 переводе на крымскотатарский язык переходит
 в постпозицию после слов или словосочетаний,
 обозначающих область, сферу проявления действий при
 выполнении функциональных обязанностей,
 и обозначается послелогом «боюнджа»: «по обеспечению
 деятельности (кого? чего?)» «фаалиетининь теминлеви

боюнджа», «по организационным вопросам» «тешкилий суаллер боюнджа». Строятся такие словосочетания по принципам построения объектных изафетных словосочетаний с полным согласованием имён существительных или по принципам несогласованных определительных словосочетаний с главным именем существительным и зависимой именной частью речи.

Несмотря на то, что в русском языке поле деятельности может обозначаться и без предлога «по», при переводе на крымскотатарский язык мы, всё же, рекомендуем использование послелога «боюнджа». На наш взгляд, такой подход позволяет унифицировать принцип перевода

и стандартизировать модель перевода рассматриваемых словосочетаний, например: начальник управления материально-технического обеспечения (ср.: начальник управления по материальному и техническому обеспечению) «маддий ве техникий теминлеви боюнджа идаренинь башчысы». Исключение могут составить словосочетания с функционалом, выраженным одним словом или цепью слов, представленными морфологически однородными лексемами, однородными членами предложения, например: министерство образования, науки и молодёжи «тасиль, илим ве генчлер везирлиги». Думаем, что дефис в парных словах русского языка правильнее заменить на союз «ве». Универсальное сокращение речевых актов всегда поощряется, тем более в жанрах малой формы, но использование наиболее употребительного союза «ве» вместо «дефиса» русского языка позволяет избежать ошибок, потому что в крымскотатарской грамматике принципы сокращения полных форм имен прилагательных или образование кратких форм имен прилагательных, заимствованных из/

посредством русского языка, еще не описаны. Во избежание тавтологии дважды повторяющийся послелог «боюнджа» в первой позиции можно заменить на послелог «устюнден» в значении «над, по».

Таким образом, в полной номинации должности на крымскотатарском языке на первом месте стоит название субъекта РФ, далее (если есть) словосочетание, обозначающее область или сферу функциональных обязанностей (оно всегда выносится в препозицию по отношению к названию базовой должности, при этом последовательность функциональных обязанностей сохраняется такой же, как и в языке, с которого осуществляется перевод), на последнем месте стоит название должности (слово или субстантивированное словосочетание, используемое для номинации этой должности), например: 1Министр 2 (А) жилищной политики и Б) государственного строительного надзора) Республики Крым «Къырым Джумхуриетининь 2 А) мескен сиясети ве Б) къурулыш устюнден девлет незарети боюнджа 1везир», т.е. модель $1+2(A+B)+3= 3+2(A+B)+1$. В перспективе планируем определить перечень тематических менеджмент-блоков, ключевых слов и субстантивированных словосочетаний, привести перечень номинаций органов государственного и муниципального управления Республики Крым.

Список использованных источников и литературы

1. Байнова М.С. Понятие государства и системы государственного управления // Материалы Афанасьевских чтений. – 2016. – №1(14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-gosudarstva-i-sistemy-gosudarstvennogo-upravleniya> (дата обращения: 12.10.2018).
2. Гелегаева А.Р. К вопросу о субстантивации как способе синхронного словообразования // Вестник Дагестанского

- государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2013. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-substantivatsii-kak-sposobe-sinhronnogo-slovoobrazovaniya>(дата обращения: 22.10.2021)
3. Даниленко В.П. Русская терминология (опыт лингвистического описания) / Отв. Ред. Ф.П. Филин. – Москва: Наука, 1977. – 246с. – Режим доступа: <https://klex.ru/tc0> (дата обращения: 22.10.2021)
 4. Конституция Республики Крым (на русском, украинском и крымскотатарском языках).– Симферополь: Ариал, 2019. – 136 с. URL:<https://rk.gov.ru/ru/document/show/11394>
 5. Морковкин В. В. Основные функции лексических единиц // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2007. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-funktsii-leksicheskikh-edinits> (дата обращения: 21.09.2021).

**НЕКОТОРЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОВЕСТИ Р. ФАХРЕТДИНОВА «САЛИМА, ИЛИ
ЦЕЛОМУДРИЕ»**

Хужахметов А.О., кандидат филологических наук,
доцент ИГСН УУНиТ, г.Уфа, Республика Башкортостан

Аннотация: *В статье анализируется поэтика прозы Р. Фахретдинова. В частности, повесть «Салима, или Целомудрие». Дается характеристика художественным образам, обрисовывается художественная линия повествования. Проза автора рассматривается как проекция его философских воззрений.*

Ключевые слова: *Р. Фахретдинов, проза, поэтика, художественный образ, проекция.*

Проза Р. Фахретдинова была новым явлением в башкирской литературе конца XIX в. как по содержанию, так и по форме. В своих произведениях писатель не ограничивается изображением одного события из жизни своих героев, раскрытием какой-нибудь одной их черты. Сюжеты его произведений состоят из ряда эпизодов, рассказов, охватывающих значительный период жизни героев. В них преобладают хроникальное начало, более сложная духовная эволюция главных героев, заметно ощущается голос самого повествователя. Через своих героев автор стремится поставить и решить такие важные проблемы своего времени, как приобщение народа к передовой европейской культуре, распространение светских знаний, воспитание высоких моральных качеств, эмансипация женщины, установление справедливости и равенства между людьми. Но он не поднимается до

показа жизни героев через общественно-исторические обстоятельства, до глубокого проникновения в социальный смысл жизненных явлений и широкого их обобщения.

«Для Фахруддинова художественные образы, как и для Гаспринского, служат только орудием пропаганды реформаторских идей возрождающегося мусульманства. Они никогда не были профессиональными беллетристами, но первым учителям нового метода приходилось пользоваться всеми приемами литературного искусства для того, чтобы воздействовать на погруженные в крепкий сон мусульманские головы. У них, особенно у последнего, мысль никогда не остается в тесных рамках художественных образов; автор «Салимы» и «Асмы» местами совсем забывает свою роль рассказчика и романиста и, обращаясь непосредственно к читателю, превращается в оратора или проповедника» [3, с. 88].

В своем исследовании Дж. Валидов определяет жанры произведений Р. Фахретдинова по-своему оригинально: «Салима, или Целомудрие», по его мнению, – это длинный рассказ, а произведение «Асма, или Проступок и Наказание» – роман. Но в жанровом вопросе мы придерживаемся мнения современных исследователей Г.С. Кунафина и М.Х. Надергулова, которые их по сюжету, идее и тематике, проблематике, композиции определяют как повесть [5, с. 10].

В «Салиме» перед Р. Фахретдиновым, как мыслителем и теологом-философом, стояла задача воссоздать образ просвещенного молодого человека-мусульманина без отнесения его к какой-либо национальности, космополита по воспитанию и образованию. При этом он интеллигент, который должен вобрать в себя знания не только в области гуманитарных наук, но и естественных. Изучению языков писатель отводит особую роль: чем больше языков личность знает, тем больше он глобализируется, становится «человеком мира», мыслящим «наднационально».

«Р. Фахретдинов, в отличие от многих богословов своего времени, выступал за новометодные формы обучения – джадидизм. Он не был противником кадимизма, отстаивавшего старые формы обучения, ориентированные на религиозную догматику и схоластику» [4, с. 163].

У Фахретдинова, взявшего на вооружение идею «булгарской идентичности» [1], начало пути молодого шакирда в сюжете лежит с города Казани – он в тексте представлен как центр просвещенного мусульманского мира, столицей образованных и энергичных, предприимчивых представителей из числа правоверных.

Казань, символ и наследница древнего Булгара, географически расположен между Европой и Азией, соединяя в себе положительные стороны и той, и другой цивилизационной парадигмы. «...Желая сблизить родственные тюркские народы [татар и башкир. – Прим. авт.] и, вероятно, желая облегчить их жизнь в условиях полукOLONиального существования в России, [Р. Фахретдинов. – Прим. авт.] предлагал всем им называться одним этнонимом – татары... Этот факт, говорящий об уважении к татарскому народу, к его предприимчивости и жизненной энергии, в то же время не свидетельствует о национальности Фахретдинова... По официальным документам архивов, Р. Фахретдинов был башкиром»[4, с. 164].

После рассказа «Казань» идет эпизод «Материнское благословение», в котором автор не только дает характеристику матери шакирда, а продолжает линию о женщинах Казани, органично соединяя ее с линией о такой же современно мыслящей матерью юноши, которая, не побоясь, отправила сына получать образование далеко от дома. Существенно, что благословение сыну дает не отец, а мать. Автор с самого начала вводит в сюжет

события, связанные с ролью женщины в мусульманском обществе, делает акцент на том, что шакирд с детства воспитывался в традициях уважения и почтения к женщинам. И с его стороны не надо ожидать агрессивного, предвзятого отношения к слабому полу, присущего представителю патриархального общества эпохи. С уважения к матери берет начало уважение к любой особе женского пола.

В конце рассказа матери шакирда уже нет на свете – сей факт делает юношу сиротой. Автор не оставляет ее в живых, потому что тогда шакирд стоял бы перед тяжелым выбором: ехать на родину – к матери или последовать за Салимой. Какой бы выбор он не сделал – терялась бы нравственная чистота того идеального образа, которого тщательно создает автор.

Будучи в Казани, шакирд скучает по бескрайним родным просторам близ Уфы, встречу с которыми он жаждет, хочет ощутить во рту вкус кумыса, послушать звуки курая. Открывшаяся картина Казани переход к описанию родины – деревни Куян – в сюжете не случайны: автор с самого начала диктует читателю мысль о неразделимости этих краев, связанных и исторически, и экономически, и культурно. Потенциально создается громадная панорама происходящих по ходу развития событий в произведении.

Рассказ «Ученичество» повествует о десяти годах учебы в медресе, об усердии шакирда, достигшего успехов в приобретении знаний. С окончанием медресе образованный шакирд выходит гражданином мира, ему хочется побывать в Турции, Египте, Китае, Японии. Сначала он хочет побывать на могилах своих родителей. Готовится увлекательное и перспективное расширение художественного пространства за счет саяхат и приключений молодого человека, которое могло бы

иметь продолжение. Да и оговаривается, что материальное благосостояние юноши это позволяло. Если бы не встреча героя с героиней – с Салимой... Этой встречей и изменением не только пути, но и судьбы юноши автор выступает против божественного предопределения – такдира. Любые условия, случай могут изменить жизнь кардинально.

Путешествие юноша предполагает совершить по реке Идель на пароходе. Выбор времени года – начала лета – символизирует начало зрелой жизни шакирда. Жизнь у него складывается удачно: он красив, хорошо сложен, воспитан, образован, впереди его ждет стабильная карьера, он не беден. Название парохода – «Государь» – выбрано также не случайно, объясняя верноподданнические настроения юноши и общества того времени. Его друзья – влиятельные буржуа, сыновья казанских баев, под стать самому герою: идеальны во всем. Так создается схема, лежавшая в основе гармоничной личности мужчины: религия, несшая свет образования и воспитания, нравственности (ислам); верноподданнические чувства в отношении царя – гаранта миропорядка и закона (самодержавие); родные и близкие, друзья героя, общество (народ).

В произведении изначально не предусматривается конфликт. Ведь любой конфликт – и внешний, и внутренний – вреден. Ислам, самодержавие и народ между собой не должны конфликтовать, так как это приведет лишь к разрушению целостной системы, нарушит эволюционное развитие страны и народа, породит хаос. Даже личность, а тем более герой повести, не может допустить хоть толику сомнения в незыблемости этих столпов идеологии, так как это – залог гармонии, успеха и самоутверждения, без них к разрушению самой личности – один шаг. Герой перед друзьями, мусульманами,

пришедшими его проводить в путь, выступает с длинной речью о важности знания языков, готовности совершенствовать свое образование, предназначении, миссионерской функции каждого из них. Это не похоже на речь юного героя, который вместо того, чтобы за полтора часа до парохода мило попить чаю и тепло попрощаться, выдает такую тираду. Конечно же, эта лекция самого автора, использующего образ как транслятор своих идей.

Указание года также не случайно: 1898 – год экономического и промышленного подъема в стране, вызванного реформами Витте. Развивается отечественная наука, делаются открытия в области точных и естественных наук, совершаются географические экспедиции, появляется новое направление в науке – востоковедение. Когда Россия становится активным игроком внешнеполитического поля, она определяет свои геополитические интересы на Востоке: в Китае, Иране, Турции, Афганистане (откуда близко и до британской колонии – Индии). Как следствие, и среди мусульманской интеллигенции начинают подогреваться панисламистские тенденции, их преимущество, миссионерская обязанность перед мусульманами мира.

Р. Фахретдинов, общавшийся с Аль-Афгани, одним из идеологов панисламизма, и считавший его своим духовным учителем, понимает, что «европейские государства хотели бы использовать мусульман Востока лишь как дешевую рабочую силу в целях оправдания своей колонизаторской политики раздувают жупел панисламизма» [2, с.54]. Поэтому «в его панисламизме и пантюркизме нет агрессивности, национально-религиозной узости, излишней политизированности. Он рассматривает эти течения скорее как явления созидательные, с уклоном больше в духовную сферу, направленные на возрождение тюрко-мусульманских

народов, а не на аспект противостояния Европе, христианству и т.д.». Шакирд проливает слезы – слезы счастья от понимания и готовности следовать его идеям друзьями обществом. Читатель должен принять лекцию героя как истину последней инстанции и следовать алгоритму развития его судьбы.

Если в произведении автор нацелился описать жизнь представителей нового класса – буржуазии, торговцев, то и выбор героем самого древнего торгового пути – реки Идель-Волги также носит символический характер. Торговля активно должна выполнять не только свои обычные функции в экономике, на нее и ее адептов налагаются более высокие функции цивилизационного уровня. Как торговля – способ общения, общение – способ привлечения и достижения взаимопонимания, союза без границ, так же река – действенный инструмент соединения мусульманского мира, тюрок севера и тюрок юга, также единоверцев по исламу – персов. Персы, как мы знаем, являются не суннитами, а шиитами.

По мнению Р. Фахретдинова, всем мусульманам на планете необходимо объединиться на основе влечения к образованию, возвращения к тому пути знаний, от которого они отошли из-за ошибочного отхода от первоначального истинного ислама. Если раньше, во времена халифата, культура и блага цивилизации вместе с распространением религии шли в Волжскую Булгарию с юга, то сейчас северные турки и их столица Казань должны взять на себя миссию вернуть мусульман, оказавшихся в Средней, Центральной и Южной Азии, в «круги своя», вытянуть их за собой в локомотив прогресса.

И то, что путь берет начало с Казани в сторону юга, объясняет генеральную мысль автора. Приветствие героем древнего города Булгара и изложение истории хазар и болгар, сообщение о том, что древний город стал центром паломничества мусульман, служат философии

Фахретдинова. Путь по реке Идель несет большой мировоззренческий смысловой груз, поэтому в сюжете является стержневым хронотопом дороги», основой идейной структуры произведения.

На пароходе оказывается очень много людей. Среди них молодой человек особенно отчетливо различает прекрасных мусульманок, одетых с приличием и по последней моде; разбирает, во что они одеты, какие украшения предпочитают. Понятие «мода», пришедшее с Европы, прочно входит в высшие казанские круги чиновников, купцов, промышленников. «Р. Фахретдинов призывал заимствовать из европейской культуры лишь то необходимое для развития мусульманских народов, что, во-первых, не угрожало бы самобытности национальной культуры, и, во-вторых, соответствовало его представлениям о модернизированном, реформированном исламе» [2, с. 137].

Мода, входящая в ряд дозволенных заимствований, привлекает и юношу, ведь одежда играет огромную роль при начале общения с собеседником или деловым партнером. Мода в произведении становится синонимом, важным добавлением к словам «образование» и «успех», показывает принадлежность человека не столько к определенному слою общества, сколько к какому этапу прогрессивности он соответствует. А то, что моде прежде всего следуют женщины, выдвигает их на более высокий личностный уровень. Автор открывает перед читателем мир идеальных женщин, сконцентрированных в одном идеально ограниченном пространстве, заранее намекая читателю, что будет встреча с девушкой, что выразила и концепция заголовка – названия произведения. Для юноши на первый взгляд ее трудно будет найти среди такого количества особ женского пола, однако в этом идеальном пространстве и время показывает точно: точно в двенадцать часов пополудни шакирд, прогуливаясь по палубе, замечает Салиму.

Хотя юноша говорит, что «он не раб моды», он, тем не менее, первое впечатление о девушке создает при помощи визуальной оценки ее внешнего облика и языка – фарси, на котором она изъяснялась с матерью. На Салиме и ее матери были изысканные французские платья и, если бы не язык, то шакирд бы подумал, что они – француженки или русские. Владение в совершенстве фарси одетых по последней европейской моде женщин поражает шакирда, заставляет присмотреться к красивой девушке. Да и когда он идет в гости к Салиме, то переодевается в самые лучшие свои одежды, так как должен следовать моде, ведь он хочет понравиться девушке. Салима и ее мать также следят за своим внешним видом, отличаются хорошим вкусом в выборе одежды.

Красота в Салиме сочетается с великолепным умом и воспитанием. Девушка оказывается тем мерилom, которым измеряются приобретенные знания героя. Любой другой шакирд устыдился, рассердился бы и, обидившись, больше к Салиме не подходил – мужская гордость возобладала бы над здравым смыслом. Но герой повести оказывается развитой личностью, сумевшей проанализировать недочеты полученных знаний и, учтя ошибки, смогшей исправлять их, прогрессировать вслед за девушкой.

Когда шакирд, ощутив шок от встречи с умной и прекрасной мусульманкой, отдыхает, взирая на Идель, он вспоминает о студенте из Москвы, с которым ему пришлось побеседовать на прощальной встрече с друзьями в Казани. Почему же автор предлагает читателю эту ретроспекцию? А потому, что шакирд ищет причины слабости своих знаний, прежде всего знаний фарси и арабского языка, за которые он был уверен. Раскрывается и незнание в должной мере русского языка. Первая смена среды общения уже приводит к таким неутешительным для юноши последствиям. И тогда воспоминание о студенте из

Москвы – в то время не столицы государства, но сохранявшей передовые позиции в образовании, с первым университетом в России, – стороннике джадидизма, сменившего не одну среду общения, приходит на помощь психике героя. Студент, полностью одобряя лекцию шакирда, доводит до него мысль о том, что ислам и наука – это разные вещи: не каждый мулла становится ученым и философом. Объясняет скудную программу обучения в медресе тем, что она лишь предназначена для подготовки стандартных указных мулл в населенные пункты с мусульманами. И дает направление мысли, что начинать надо всегда с себя. Герой повести только сейчас, на пароходе, понимает слова студента, успокаивается и убеждает себя в необходимости продолжения глубокого самообразования, чтобы быть достойным Салимы.

Биографии Салимы, главной героини, в повести дается целый рассказ «Тагриф» («Знакомство», «Биография»), где автор, не жалея красок, создает образ идеальной девушки. Она – из семьи богатого персидского купца, родом с Тегерана. Перед читателем – получившая национальное воспитание, достойное образование убежденная мусульманка. Сама ведет торговые дела семейства. С ней, интеллектуалкой, и разговаривать герою интересно и познавательно, ему хочется слушать и слушать ее. Юноше даже иногда кажется, что Салима не от мира сего, что она с волшебного мира сказок «Тысяча и одна ночь». Автор, описывая ее нравственные устои, ее знание языков Востока и Европы, не забывает в сравнение привносить пороки казанских женщин. Это надежда на то, чтобы в реальности болгарские женщины брали пример с эталона, образца из художественного мира, или хотя бы стремились к этому примеру. «Таким образом, в творчестве Ризы Фахретдинова большое место занимает проблема свободы личности. Он убежден в том, что человек рождается свободным, он обладает естественным правом

пользоваться всем тем, что необходимо для его существования и сохранения своей жизни, и должен уйти из этого в мир иной тоже свободным»[2, с. 86]. В повести – это свобода самореализации женщин в обществе не только в роли жены и матери или декора в доме богатого человека. Звучит призыв автора женщинам выйти за рамки этих ролей – получать образование, изучать языки, укреплять нравственные устои по исламу, знать законы, воспринять моду. Ведь такая женщина будет занята пользой для себя и общества, а не будет подвергнута соблазнам, распространять грехи и пороки и даже думать о них. Риза Фахретдинов чувствует, что общество меняется стремительно, и в новом мире женщина, даже мусульманки, особенно в городах, начинают нарушать патриархальные правила и законы, понимая свободу каждая по-своему. Философ-писатель понимает, что если не решить эту проблему и закрывать глаза, это может привести к хаосу, и поэтому берет на себя смелость стать глашатаем, проповедником, направляющим по правильному пути особ женского пола. Он объясняет женщине и всему обществу, что подразумевается под свободой: не «скорбеть и рыдать один день над погибшим мужем, а на следующий день выйти со смехом замуж», а сохранив высоту нравственных устоев, не забывая национальные корни, стремиться улучшить себя внешне – модой, уходом за собой, и внутренне – заниматься самообразованием и самовоспитанием. И пробовать на себе роль представителей бизнеса: торговли, промышленности.

Конечно же, образ женщины нового типа, который Фахретдинов создавал, не мог без семьи, ведь рождение и воспитание детей – главное предназначение женщины в жизни. Она должна была стать примером, образцом для своих детей и родственников. Поэтому в поэтике

«Салимы» автор вводит скрытую полемику с образцами поведения женщин в реальной жизни. Особенно эта тема раскрывается в рассказе «Наши девушки и женщины» в ходе интеллектуальной беседы между шакирдом и Салимой. Юноша со свойственным ему максимализмом критикует положение женщины в мусульманской среде Урало-Поволжья.

В диалогах шакирда и Салимы всегда неосяземо присутствует, участвует автор. Автор сам задает вопросы и сам же на них пытается дать ответы. Теперь свои мысли автор транслирует через речь Салимы. Во-первых, автор хотя и держит нить диалога под контролем, но хочет дистанцироваться от разъяснения сути проблемы устами мужчины. Это делается для достижения эффекта трансляции философии ученого. Давать женщине советы должна другая женщина, достигшая успехов и счастья, именно преобразуя, трансформируя себя. Художественный мир как раз делает это возможным. В финале сюжета недаром аккордом идет гимн целомудрию женщины. Разгадка перед читателем – целомудрие достигается, следуя алгоритму судьбы Салимы.

Салима – персиянка, не татарка или башкирка, должна была в большей степени воздействовать на умы местных мусульманок: почему же какая-то персиянка с юга – идеал, привлекает, очаровывает и уводит за собой местного мужчину? Не можем ли и мы быть такими же конкурентоспособными, как Салима? Риза Фахретдинов говорит им: можете, но будьте добры соответствовать изменившимся стандартам приличия и образовательного ценза, выходите из закоулков прошлого не теряйтесь в круговерти настоящего, ведь за вами будущее – воспитание детей. А дети будут следовать тем нормам поведения, которые первую очередь восприняли их матери.

Как религиозный деятель, симпатизирующий джадидизму, Риза Фахретдинов не мог пройти мимо освещения этого метода. В рассказе «Метод джадидизма» («Ысул йэзит») автор для раскрытия проблемы избирает дом купца Хасана – друга отца героя повести. При посещении шакирдом его дачи хозяин делится с гостем своими впечатлениями сомнениями насчет нового метода обучения в школах и медресе. Речь заходит об Оренбурге, где учат и мальчиков, и девочек по новым принципам. Хасан-бай поражен успехом джадидизма. Автор выдвигает идею, что начальное образование на основе новометодного обучения – залог безболезненного преобразования мусульманского общества, его органического вливания в единое русло меняющегося мирового сообщества.

Список использованных источников и литературы

1. Аллен Дж.Ф. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России / пер. с англ. – Казань: РИУ, 2008.
2. Баишев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. – Уфа: Китап, 1996.
3. Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы волжских татар. В. 1. – М.-Петроград: Гос. изд-во, 1923.
4. Валеев Д.Ж. История башкирской философской и общественно-политической мысли: основные тенденции развития. – Уфа: Китап, 2001.
5. История башкирской литературы. В 6 т. Т. 2. Литература XIX – начала XX в. – Уфа, 1990 (на баш. яз.).
6. Фахретдинов Р. Собрание сочинений / сост. М.Х. Надергулов. – Уфа: Китап, 2009 (на баш. яз.).

ИСТОРИЯ СООРУЖЕНИЯ КАРАВАНСАРАЯ ПО ЗАПИСЯМ Р.ФАХРЕТДИНОВА

Янбаев И.К., кандидат филологических наук, доцент
Уфимского университета науки и технологий
г.Уфа, Республика Башкортостан

Аннотация: *В публикации описывается оренбургский период жизни выдающегося ученого-просветителя, теолога, историка Ризаитдина Фахретдинова и приводится текст очерка об истории сооружения памятника башкирской архитектуры – мечети Каравансарая в г.Оренбурге.*

Ключевые слова: *памятник архитектуры, Р.Фахретдинов, био-библиографическая энциклопедия "Асар".*

Выдающийся представитель просветительского движения – ученый-историк, теолог, педагог, писатель и общественный деятель Ризаитдин Фахретдинов (1859-1936) оставил глубокий след в истории духовной культуры башкирского и татарского народов, оказал большое влияние на развитие общественной мысли Урало-Поволжья и мусульманской России.

Немалая часть жизни семьи Фахретдиновых связана с Оренбургом, в этом городе они провели около 12 лет. Нам хотелось бы вкратце остановиться на данном периоде жизни и деятельности Р.Фахретдинова.

Ученый впервые посетил Оренбург в 1898 году. Здесь он навещает друзей и близких, заводит новые знакомства. Забирает с собой на лето домой сыновей-шакирдов: старший сын Габдрахман с 1895, второй сын Габделахат с 1896 года учатся и воспитываются в медресе «Хусаиния».

Летом 1902 года он второй раз приезжает в Оренбург, после трагической смерти зятя – Гильмана хазрата Карими, чтобы как-то облегчить горе и утешить родную сестру – Магсуму абыстай.

В 1906 году известные во всей стране золотопромышленники и меценаты Шакир и Закир (поэт Дэрдмэнд) Рамиевы открывают в Оренбурге газету «Вақыт» и несколько раз письменно обращаются Ризе Фахретдинову, предлагая работу в редакции. Ученый соглашается, так как появляются хорошие возможности заниматься наукой и творчеством, делом всей жизни. За 4 дня, с 20 по 24 мая 1906 года, семья Фахретдиновых из 7 человек перебирается на новое место жительства: они едут по маршруту Уфа – Казань – Самара на пароходе «Троян», из Самары в Оренбург – на поезде. На вокзале их встречает старший сын Магсумы абыстай – редактор газеты «Вақыт», известный писатель Фатих Карими. Отец и старший сын приступают к работе на новом месте. Ученый с 30 ноября 1906 года становится официальным членом редакции газеты, ее вторым редактором. С 20 марта по 20 июня 1907 года он исполнял обязанности редактора «Вақыт», номера выходили в свет за его подписью. В этом году Ризаитдин, в свободное от редакционных обязанностей время, начинает заниматься и преподавательской деятельностью в медресе «Хусаиния».

В начале 1908 года братья Рамиевы получают разрешение на организацию и издание научно-популярного, исторического и литературного журнала «Шуро» (при газете «Вақыт») и Р.Фахретдинов становится его бессменным главным редактором. В течение 10 лет он опубликовал на страницах журнала, выходившего два раза в месяц, многочисленные статьи на исторические, религиозно-философские, социально-политические,

педагогические и литературные темы. Коллектив журнала поднимал острые, актуальные проблемы своего времени, придерживался буржуазно-либеральных взглядов и занимался просветительством среди всех слоев мусульманского населения страны. Р.Фахретдинову удалось сделать журнал ареной споров, борьбы мнений, местом обмена опытом по многим важным вопросам, волновавшим общество и общественность. Издание становится очень популярным и авторитетным среди тюркоязычных народов не только в России, но и далеко за ее пределами.

В период жизни в Оренбурге Риза Фахретдинов пишет 90 книг, только на страницах журнала «Шуро» публикует 313 статей.

В 1916 году из Уфы приезжают несколько человек и от имени муфтия приглашают Р.Фахретдинова на должность кадия, на что он отвечает категорическим отказом. Летом 1917 года в Москве на Всероссийском съезде мусульман, несмотря на письменное несогласие, известный ученый и общественный деятель Риза Фахретдинов избирается муфтием Духовного управления мусульман.

Наступают страшные дни гражданской войны. После жестоких кровопролитных боев в январе 1918 года Оренбург окажется в руках красных войск. Большевики приступают к ликвидации всевозможных частных предприятий: типографий, заводов и фабрик, мельниц; закрывают частные магазины и лавки. Прекращают свою деятельность журнал «Шуро» (просуществовал до 15 января 1918 года) и газета «Вақыт», арестовываются банковские счета, конфискуется все движимое и недвижимое имущество.

Завершив свою деятельность в Оренбурге, в середине февраля 1918 года Ризаитдин Фахретдинов отправляется

в суматошную Уфу, где начинается беспокойная и невеселая, полная тревог и ожиданий жизнь семьи, родных и близких...

Вниманию читателей предлагаем отрывок из библиографического свода «Асар» [Фахретдинов 1908, 428-431], в котором ученый приводит ценные сведения об истории создания мечети Караван-Сарай, описывает архитектуру здания и внутреннее убранство памятника. Автор также довольно подробно рассказывает о торжественном вечере, посвященном официальному открытию Караван-Сарая.

Текст оригинала предлагается и в переводе на русский язык, с сохранением стилистических, синтаксических и иных особенностей.

* * * * *

«...Ғатаулла бин Алтынғужа. Ырынбурғ шәһәрәндә Карауансарай мәсжеде хозурында имам вә ахунд улуб 63 яшендә икейүз сиксән икенче (1282-1865) йыл 2 нче рәдҗәб (10 нчы нуюбрдә) вафат улды. Кәбере Урададыр. Асылы Эстәрлетамак мозафатында, Аллағуат кариәседән иде. Ғәбделрахман бин Мөхәммәдшәриф әл-Кирмани хозурында тәхсил итдеке суң, 1837 тарих миләдидә кәнде кариәсенә кайтуб, имам улмыш иде. Суңра исә Карауансарай мәсжеде имам улдығында Ырынбурғ шәһәрәндә улан кайнағасы Мирза Искәндәр Батыршин ижтиһады илә ошбу мәсжедтә беренче имам уларак насиб улды. Кәндесенә тормак өчүн Карауансарай биналарындан урын вирелде вә андан башка одон ... жөмлә мижана вирелер, буның өстенә дә сәнуй бер йүз илле сум вазифа тәғәйен иделмешдер. « Гүзәл холкло, сахиб мөталәғә бер зат иде», – дийүрләр.

Әститрад: Карауансарай мәсжеде Ырынбурғ шәһәрәндә Карауансарай биналарының эчендә урта бер

ергә салынмыш улан бер мәсжеддер. Ошбу мәсжед, Карауансарай илә бер сумадан вә бер вақытда эшләнмешдер. Мәсжед дахил улдығы хәлдә Карауансарайның планы 1837 нче йыл 19 нчы януарда император тарафынан тәсдик иделенүб, ошбу йыл нигезе королуб, генерал губернатор Перофски килдеке сун, 1844 нче йыл, бөтүн хедмәте тамам улды.

Перофски, Карауансарай биналарына кантонлар тәссарыфында улан ғәскәри идараларны вә бунларның ғәскәри әсбабны урынлашдыруб башкордларға махсус уларак һөнәр вә сәнәғәт мәктәпләре ачмакчы иде, дийүрләр. Сарыф мосолман ғәскәрләре вә моселман шәкердләре вә моселманлар мәғишәт идәчәк урын улдығындан мәсжед һәм булындырмак лазым улмышдыр.

Карауансарай, башкордлар байлығы улан шадрик, урман вә ағач маллар сатылынув жыйылмыш ғәмүми бер (башкордлар) хазинасындан бина улынмыш. Атлысы 25 тин вә атсызы 15 тин көнлөк алув, жөмләсә 7181 моселман кеше эшләб, хедмәт хақы уларак 1483 сум 28 тин алмышлардыр.

Мәсжед тамам улуб эченә керелдеке вақыт ошбу хәлдә улмышдыр: аркылысы 18, алдағы бүлмәсә 15 аршин вә сикез почмаклы өстендә купол улуб, ак тимер ябылмыш вә чыкарылмыш озак башына ярум ай рәсеме куйылмышдыр. Нигезендән ошбу айға кәдәр улан бөйүклегә 27 аршиндыр. Сикез эстинәсендә зур тәрәзәләр улуб, рамлары зиннәтле вә пиялалары да төрле-төрле төсләрдәдер. Мәсжеднең эче мәрмәр төсендә буялынып Ырынбурғ мөфтисә Ғәбделсәләм бин Ғәбделрәхим тарафындан интихаб вә дахли министр тарафындан рөхсәт иделенеп алтын илә язылмыш аят шәрифәләр булыныр. Түшәмдә кояш вә аның тирәсендә дә ярум айлар вә юлдузлар рәсеме төшөрелмешдер. Питербурғдан 1549 сумға алынмыш бер кәндил тамам урта бер ерендә

асылынууб, ғайәт зиннәт вирмешдер. Уң тарафында имән ағачындан эшләнмеш мәнбәр торор.

Манарасы 24 почмаклы бер бағанадан ғибарәт улуб түгәрәк нигез өстенә куйылмыш, нигез һәм хисабға кердеке хәлдә айға кәдәр улан озонлығы 41 аршиндыр. Азан әйтә торған ергә әйләнмә баскыч илә бенәлүр. Буның саны исә 136 ғадәддер, Уфа шәһәрәндән ошбуның өчүн чакырылууб килмеш мөфти Ғәбделуахид бин Сөләймән тарафындан жәмғә намазы укулуб, 1846 нчы йыл 30 нчы августда ғайәт солтанат илә ачылмыш вә ошбу вақыт этрафда улан башкордлар һәм Ырынбурғ шәһәрәнә жыйылууб зур байрам итмешләрдер¹.

Черноф нам вә ырынбурғлы мөөррих² үзенә « Хәтирә дәфтәре» нам әсәрәндә дийүр: « Карауансарай мәсжедене ачарға мөфти илә 300 кәдәр моселман да чакырылмыш иде, чакырылмай үзләре килүчеләр дә күб булды. Ачылған вақытда аса холко низамы илә күнел ачулар, көрәшү вә ат чабдырулар булуб, һөнәрчеләргә чапан, ситса вә яулыглар өләшделәр, фәкәт рамазан вақыты улдығындан, қояш байымаздан мөкәддәм моселманлар аш еймәдекләрендән, байрам бер кәдәр күнелсез улды. Кунаклар кич саф-саф улуб уларак утурдылар, мәжлес башлығы уларак татарча сөйләргә маһир улан ясаул Иван Филатоф камчы тотоп ат өстүндән саф араларында йүрдә, рөхсәт улдығына кәдәр ашарға кул сузарға һич кемгә рөхсәт вирелмәде. Кунаклар алдына ат, сығыр вә сарык итләре куйылмышиде. Кантунлар ашарға утурмадылар. Мәжлес яхшы үтде, фәкәт мәжлесдән

¹ Ошбу Карауансарай мәсжеде хакында улан мәғлүмәтне 1898 нче йыл Ырынбурғ шәһәрәнә вардығым вақыт шул шәһәрдә губернатор хозурында хедмәт итүче генерал Мирсалих Мирсәлим уғлы Бикчурун, архив эшләрендән күчрүб русча язуб вирмеш иде. Аз мөнәсәбәт илә улса да бу ергә сөбәт итдем [Р.Фәхрәтдинов исқәрмәһе — И.Я.]

² Бу зат 1902 нче йыл 15 нче үктәбрдә Ырынбурғ шәһәрәндә вафат улмышдыр [Р.Фәхрәтдинов исқәрмәһе — И.Я.]

таралуб кайтдыклары вакыт моселманлар өчүн күңелсез бер вакиға улды. Шуилә: Уфадан килмеш казый хәзрәтләре Иманкол ауылының арбаларындан түшмәй генә ат алмашдырмышлар иде. Ике атлар дулаб китүб, бер нәрсәгә абундылар; бу сәбәбдән паузка ауды вә хәзрәтләр дә йыкылдылар. Хәлбүки анларның Ырынбург шәһәрәндән алуб чыкмыш вә тезләрендә тотуб килмәкдә улан аракылары вар имеш, иштә бу вакыт аракы шешәсе ватылуб, аракысы түгелде. Казыйларны вә пияла кисәкләрене башкордлар күтәрүб вә жыйуб алдылар. Башкордлар казыйларны сүгүб түкүрүнсәләр дә, суңынан: «Бунлар башкорд түгел, бәлки татар, буның ғәрлеге безгә түгел!», – диә үз-үзләрене юатдылар. Ғабдулла ахун Дәүләтшин Карауансарай мәсжеде өчүн бакыр хисабы илә утуз бең сум иғанәт жыймышдыр».

1866 нче йыл башкордлар ғәскәри касмдән чыкуб, милки синыйға кердекләре илә Карауансарай дәхли вәзире тәссарыфына табырылды. Хәзерге күндә исә губернатор, фатиры вә кансиляриясы, ошондак вилайәт мәхкәмәсенәң бөтүн шөгбәләре вә вилайәт матбағасы, хәйли чиновниклар вә мәсжеднең вә мөэзиненең фатиры бунда улунур. Перофски хыял итмеш һөнәр вә сәнәгәт мәктәбләрендән нам вә нишан юкдыр».

* * * * *

«...**Гатаулла Ибне Алтыгужа**. Умер 2 раджаба 1282 [года хиджры] /10 ноября 1865 года в возрасте 63 лет в должности имама и ахунда мечети Караван-Сарай города Оренбург. Могила в Уре. Был уроженцем селения Аллагуват Стерлитамакского района. После получения образования у Габделрахмана Ибне Мухаммедшарифа ал-Кирмани, в 1837 году, стал имамом в своей родной деревне. Позже, являясь имамом мечети Караван-Сарай, благодаря стараниям брата жены – Мирзы Искандера

Батыршина, проживающего в городе Оренбурге, был назначен первым имамом этой мечети. Для проживания ему было предоставлено место в здании Караван-Сарая и, кроме этого, все было выделено безвозмездно, сверх этого – было назначено жалование в размере 150 рублей в год. «Он был человеком прекрасной души, образованным», – говорили о нем.

Далее, Мечеть Караван-Сарай – мечеть, которая была построена в центральном месте здания Караван-Сарая в городе Оренбурге. Эта мечеть была построена в одно время с Караван-Сараем. План Караван-Сарая, включая мечеть, был утвержден императором [Николаем I] 19 января 1837 года, и в том же году было сооружено основание, после прихода генерал-губернатора Перовского, в 1844 году, были завершены все работы.

Говорили, что Перовский, разместив в зданиях Караван-Сарая подчиненные кантонам военные правления и их военное имущество, хотел открыть специально для башкир мектебы (школы) ремесел и искусств и открыть для прибывающих в город по разным делам башкир мусафирхану (гостиницу), и в связи с этим, распространять среди башкир ремесла и искусства. Будучи местом, используемым мусульманскими войсками, и местом проживания мусульманских шакирдов и мусульман, [здесь] была необходима и мечеть.

Караван-Сарай был построен на общие башкирские средства, собранные от продажи шадрика, т.е. леса и продукции из древесины, которые были богатством башкир. С лошадью – 25 копеек, без лошади – 15 копеек в день получая, трудились всего 7181 мусульманина, в виде заработной платы получили 1483 рубля 28 копеек.

На момент завершения и вхождения внутрь [начала использования] мечеть была в таком состоянии: ширина –

18, передняя комната – 15 аршин¹, и над восьмиугольной комнатой был купол, крытый белым железом [жестью], и на вершине закреплен полумесяц. Высота от основания до этого полумесяца – 27 аршин. На восьми стенах были большие окна, рамы дорогие и стекла разноцветные. Внутри мечеть была покрашена в мраморный цвет, [на стенах] были золотом написанные аяты (тексты) из Корана, отобранные оренбургским муфтием Габделсаляммом Ибне Габделрахимом и разрешенные министром внутренних дел. На потолке были изображены солнце и вокруг него полумесяцы и звезды. Купленный в Петербурге за 1549 рублей кандил (люстра) висел в центре и светился очень красиво. На правой стороне стоял мунбар (трибуна) из дубового дерева.

Манара (минарет) представляет собой столб из 24 углов и была поставлена на основание, ее высота до месяца, включая основание, – 41 аршин. До места, где произносится азан (призыв мусульман к совершению намаза), поднимаются по круговой лестнице. Количество [ступеней] – 136. Прибывшим по приглашению из Уфы муфтием Габделвахидом Ибне Сулейманом был совершен пятничный намаз, 30 августа 1846 года [мечеть] была величаво открыта, и в это время и башкиры близлежащих окрестностей, собравшись в городе Оренбурге, устроили большой праздник².

¹ Аршин — единица измерения длины, 1 аршин равен 71,1 сантиметрам. Использовался в России до принятия метрической системы. — И.Я.

² Эту информацию о мечети Караван-Сарай во время моего пребывания в 1898 году в городе Оренбурге, служащий у губернатора генерал Мирсалих Мирсалимович Бикчурин из архивных дел переписал на русском языке. Несмотря на незначительное отношение к делу, упоминаю здесь об этом [примечание Р.Фахретдинова — И.Я.]

Оренбургский историк по фамилии Чернов¹ в своем произведении под названием «Тетрадь воспоминаний» пишет: «На открытие мечети Караван-Сарай вместе с муфтием были приглашены около 300 мусульман, было много и тех, кто приезжал сам, без приглашения. Во время открытия искренне веселились, мерили свои силы в борьбе курэш, устраивали скачки на лошадях, раздавали ремесленникам сапоги, ситец и платки, однако праздник был не совсем веселым в связи с тем, что шел месяц рамазан и мусульмане трапезничали до захода солнца. Вечером гости рассаживались ряд в ряд, хорошо говорящий по татарски есаул Иван Филатов, будучи главой меджлиса (угощения), держа кнут в руках ездил верхом на лошади между рядами; до [получения] разрешения никому не дозволялось дотрагиваться до еды. Гостям были поданы конина, говядина и баранина. Кантоны [начальники войсковых подразделений – кантонов] есть не стали. Меджлис завершился хорошо, однако, когда расходились после меджлиса, случилось невеселое для мусульман событие. Прибывшие из Уфы кадией-хазраты, не слезая из повозок, взятых в деревне Иманкул, меняли лошадей. Две лошади вскочили и споткнулись обо что-то; по этой причине повозка опрокинулась и хазраты упали. А у них оказалась привезенная из города Оренбурга водка, которую они держали между колен, в этот момент бутылка разбилась и водка пролилась. Башкиры подняли кадиев и собрали кусочки стекла. Хотя башкиры обматерили кадиев и ругались, потом говорили: «Эти – не башкиры, скорее татары, их стыд и позор испытывать не нам!», и сами себя утешали этим. Габдулла ахунд Давлетшин для мечети Караван-Сарай собрал пожертвования в сумме тридцати тысяч рублей медью».

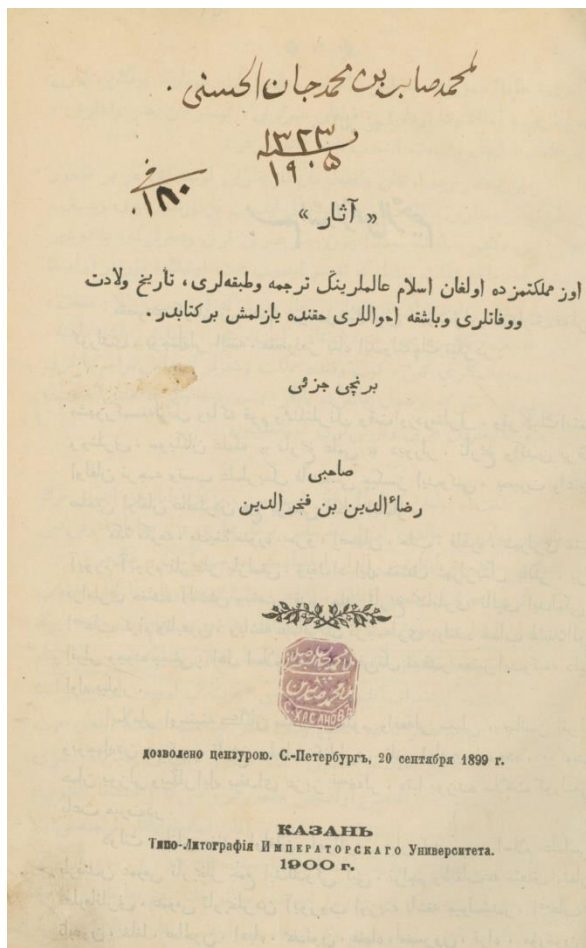
¹ Этот человек скончался 15 октября 1902 года в городе Оренбурге [примечание Р.Фахретдинова — И.Я.]

В 1866 году башкиры освободились от военной повинности, с вступлением их в имущественный класс, Караван-Сарай был передан в распоряжение министра внутренних дел. Сегодня же губернатор, его квартира и канцелярия, также все отделы областной администрации и областное издательство, много чиновников и квартиры служащих мечети и муэдзина расположены здесь. От мектебов ремесел и искусств, о которых мечтал Перовский, нет ни названий, ни следов».

Список использованных источников и литературы

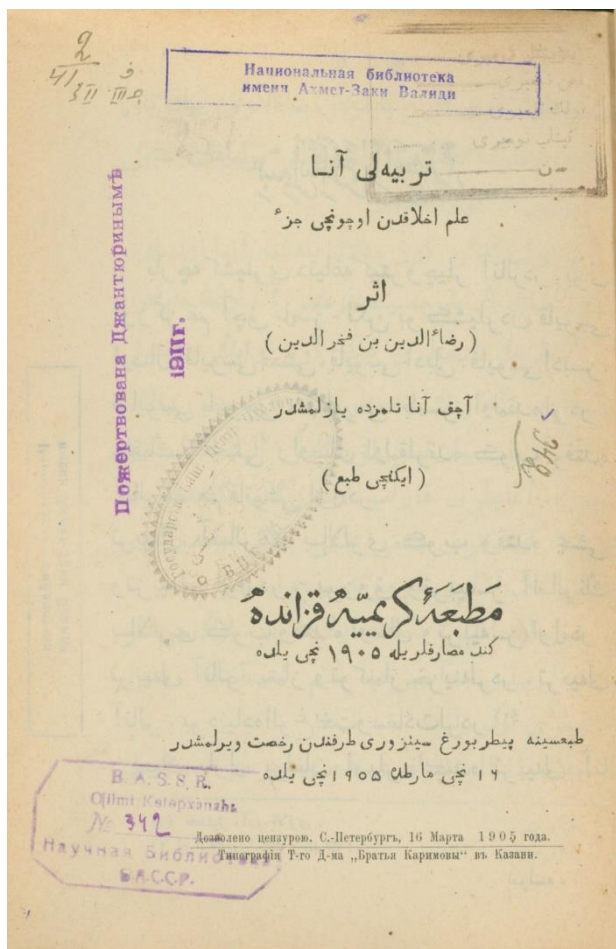
1. Ризаэтдин Фахретдинов. Научно-биографический сборник/ Составители: Р.Марданов, Р.Миннуллин, С.Рахимов. – Казань: Рухият, 1999. – 224 с. (на тат. яз.).
2. Творчество Ризы Фахретдинова: Сб. статей / БНЦ УрО АН СССР. –Уфа, 1988. – 136 с.
3. Фахретдинов Ризаитдин. Асар. Том 2, часть 14. – Оренбург, 1908. – С. 428-431 (на старотюркском языке, арабской графике).
4. Хусаинов Г.Б. Ризаитдин бин Фахретдин. Историко-биографическая книга. – Уфа: Китап, 1997. – 304 с. (на баш. яз.)

Приложение

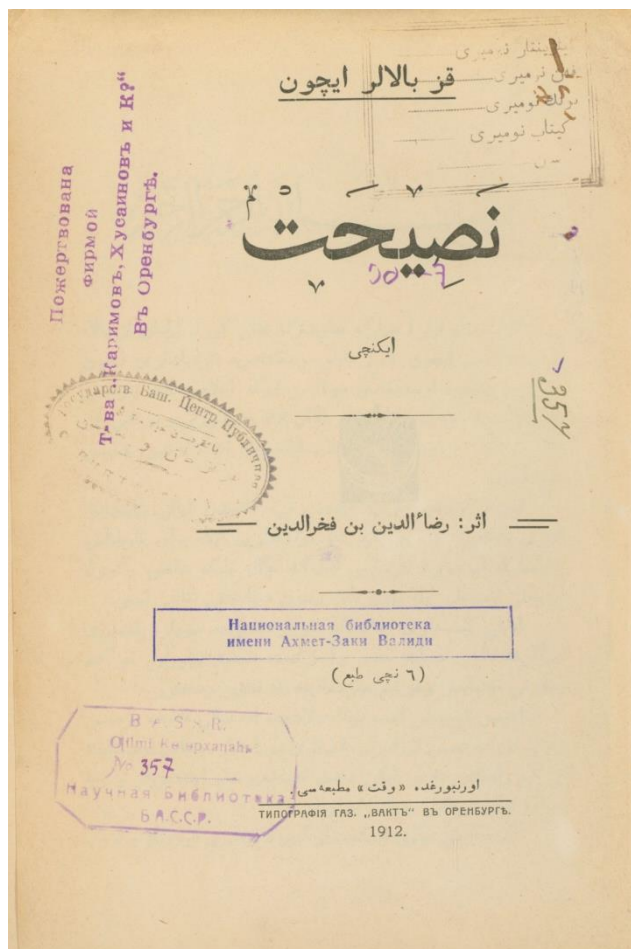


Асар. Үз мәмләкәтемездә улған Ислам ғалимләрнен
тәржемә үә табәкәләре, тарихы вилядәт үә вафатлары, үә
башка әхүәлләре хақында язылмыш бер китабдыр. Беренсе
жөзә. – Казан: Типо-Литография императорского
университета. – 1900. – 32 б.

Печать: Сабира Хасанова.



Тәрбиәле ана (Ғилми әхләктән өсөнсә жезә). Асык ана телемездә язылмышдыр (Икенсе табғы). – Казан: Типография Т-го д. Бр. Каримовых, – 1905. – 16 б. Печать: «Пожертвована Джантюринимъ».



Кыз балалар өсөн нәсихәт. Икенсе. (Алтынсы табғы). –
Ырымбур: Типография газ. «Вакт», – 1912. – 32 б. Печать:
«По жертвована фирмой т-ва «Каримовъ, Хусайновъ и Ко»
Въ Оренбурге»

«Кримоф, Хсннф оф Шркасн» طرفندن نشر اولمىشدر .

№ по инвентарю 109
Отд. 97 систем. катал.
№ 89

اسلاملر حقنده حكومت

تدبیرلری

Бураевская
земская
народная
библиотека-
читальня
Бирского уеза.

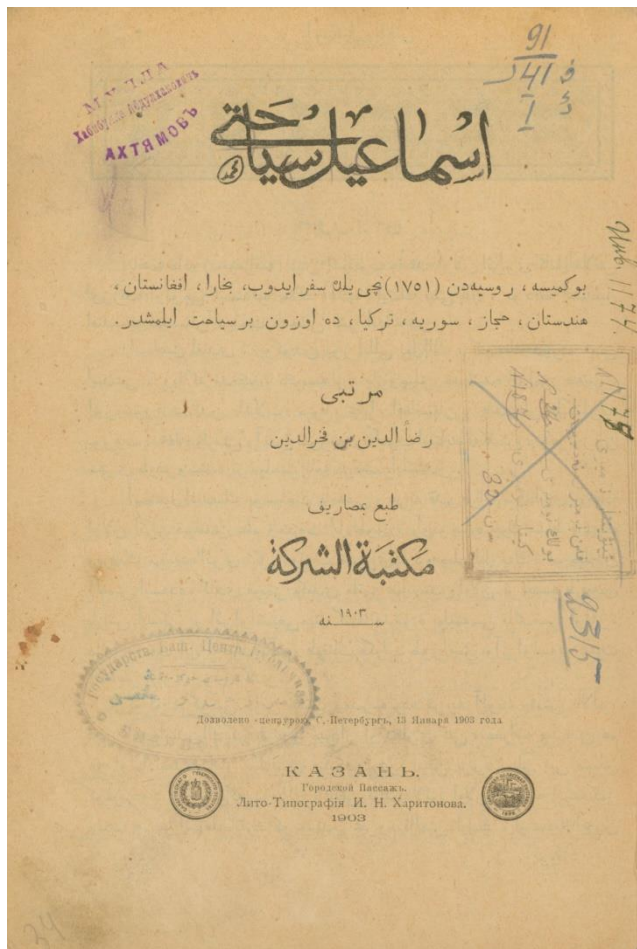
ایتن
رضاء الدین فیخر الدین

В. А. С. С. Р.
Qilmi Koterxanah
№ 28022
Научная библиотека
Б. А. С. С. Р.

اورببورغ
> «Кримоф» Хсннф оф Шркасн « ننگ پاراواى مطبعسى
1908

Национальная библиотека
имени Ахмет-Закн Валиди

Исламлар хақында хөкүмәт тәдбирләре. Икенсе жезә. –
Ырымбур: Типо-лит. Т-ва Каримов, Хусаинов и Ко –
1908. – 56 б.
Печать: Бураевская земская народная библиотека читальня
Бирского уезда.



Исмәғил сәйәхәте. Бу комиссия, Русиядан (1701) нсе йыл сәфәр идеп, Афганистан, Гиндостан, Хиджаз, Сүриә, Түркиә, дә узун бер сәйәхәт алмышдыр. – Казан: Лито-типография И. Н. Харитонова, – 1903. – 32 б.
Печать: Мулла Хабибулла Абдулхакович Ахтямов.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
<i>Абдрафикова Г.Х.</i> К вопросу изучения социально-философского труда Р. Фахретдинова «утешение».....	5
<i>Азаматов Р.И.</i> К вопросу о применимости иджтихада в воззрениях башкирского мыслителя Ризаэтдина Фахретдинова	12
<i>Аккубеков Р.Ю.</i> Р. Фахретдинов Хөсәйенбәк кәшәнәһе хакында.....	29
<i>Алмиев Р.М.</i> Деятельность Мурата Рамзи в области перевода религиозных произведений	38
<i>Байгужин И.Г.</i> Һирәк китаптар һәм кулъязмалар бүлеге фондында Ризаитдин Фәхрәтдинов коллекцияһындағы китаптар.....	41
<i>Матросов В.А.</i> Книжная культура мишарей Нижегородской области (по материалам полевых выездов 2022-2023 гг.).....	52
<i>Мурзагулова З.Г.</i> Суфийское идейно-эстетическое содержание произведения Сайфа Сарай «Гулистан бит-тюрки».....	63
<i>Мырзаголова З.Ф.</i> Мәхмүт бине Ғәлизен «Нәһж әл-фәрадис» китабының художество үзенсәлектәре.....	72
<i>Саитбатталов И.Р.</i> Предварительные замечания о тюркоязычной поэзии Иншаллах-хана Инша	80
<i>Салаватова Ф.Р.</i> Пути формирования жанра парсы в башкирской литературе до начала хх века	86
<i>Салихов А.Г.</i> Ученый-востоковед, просветитель и журналист Ризаитдин Фахретдинов.....	92

<i>Саяхов Р.Л.</i> Толкование корана «Тауилат ахл ас-сунна» Абу Мансура ал-Матуриди.....	103
<i>Сйбагатов Р.Ю.</i> Материалы по языкознанию и башкирскому народному творчеству в фонде научной библиотеки УФИЦ РАН.....	114
<i>Сйбагатов Ф.Ш.</i> Несколько слов о фонде Р.Фахретдинова в научном архиве уфимского научно-исследовательского центра ран.....	122
<i>Сйбэгэтов Ф.Ш.</i> Ғ.С. Кунафин – XIX быуат азағы – XX быуат башы рухи мирасыбыззы өйрәнеүсе энциклопедик коласлы ғалим-педагог.....	131
<i>Сеитметова С.А.</i> К истории изучения интеллектуального наследия исмаила гаспринского: коллекция печатной продукции типографии «Терджиман» в фондах Бахчисарайского музея-заповедника.....	144
<i>Селендили Л.С.</i> Особенности перевода номинаций органов государственного управления Республики Крым.....	152
<i>Хужахметов А.О.</i> Некоторые поэтические особенности повести Р. Фахретдинова «Салима, или целомудрие».....	160
<i>Янбаев И.К.</i> История сооружения Каравансарая по записям Р.Фахретдинова.....	173
Приложение	184

Тираж 300 экз.
Подписано в печать 23.04.2024
Отпечатано в ЦкиР им. А.-З. Валиди